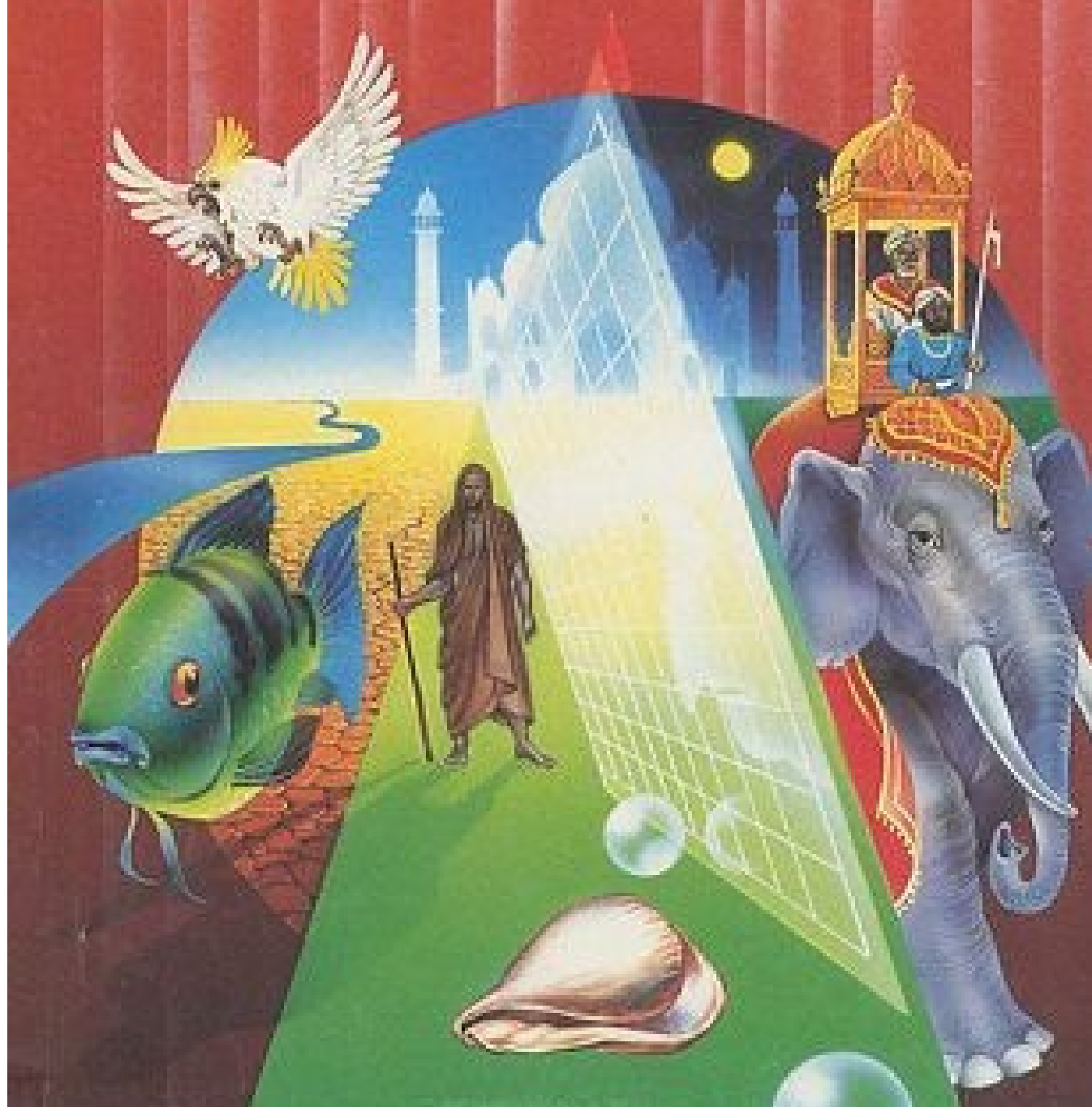

ИДРИС ШАХ

СКАЗКИ ДЕРВИШЕЙ

Моим учителям, которые взяли то, что было дано, которые дали то, что могло быть взято.

Предисловие

В эту книгу вошли истории, записанные в последнее тысячелетие, взятые из учений суфийских мастеров разных школ.

Источниками для составления послужили произведения персидских, арабских, турецких и других классиков, традиционные собрания историй и устное наследие современных суфийских учебных центров.

Таким образом, в этой книге представлен «рабочий материал», используемый в наше время, а также важные отрывки из литературы, вдохновившие некоторых величайших суфиев прошлого.

В оценке учебного материала, используемого суфиями, всегда учитывалось исключительно только всеобщее признание его самими суфиями. Вследствие этого ни исторический, ни литературный, ни какой-либо другой критерии не подходят для того, что должно быть включено в него, а что нет.

Сообразуясь с требованиями учений, местной культурой и уровнем подготовки слушателей, и требованиями учений, суфии традиционно применяли подходящий материал, черпая его из неиссякаемой сокровищницы своего духовного наследия.

В суфийских кружках ученики обычно погружаются в изучение предназначенных им рассказов, внутренние измерения которых открываются обучающим мастером, когда кандидат признается подготовленным к восприятию того опыта, который в этих рассказах заложен.

В то же время многие суфийские истории стали достоянием фольклора и этических учений или проникли в биографии великих суфиев. Большинство из них приносят пользу на самых различных уровнях и их ценность как развлекательных произведений также невозможно отрицать.

Несмотря на то, что дервишские сказки чрезвычайно привлекают читателей как откровенно развлекательная литература, они, тем не менее, никогда не преподносятся в виде простых басен, легенд и произведений фольклора. По остроумию, композиции и тонкости эти сказания выдерживают сравнение с прекраснейшими произведениями любой культуры, и все же их истинная функция как суфийских обучающих историй так мало известна в современном мире, что ни в специальных, ни в обычных терминах ее невозможно объяснить.

На протяжении веков дервишские мастера обучали своих учеников, используя подобные истории, которые, как предполагается, способствуют развитию восприятия, недоступного обычным людям. Некоторые истории должны рассказываться только тем, кто уже получил определенную подготовку; другие специально предназначались для людей определенных эпох и культурных традиций.

Идрис Шах много лет провел в путешествиях по трем континентам, собирая и сличая устные варианты этих замечательных рассказов. В той или иной форме многие из них проложили себе путь в литературу Востока и Запада. Настоящая антология, составлена в дервишской манере и содержит истории из сборников дервишских мастеров.

Три рыбы

Некогда в одном пруду жили три рыбы. Первая рыба была самой хитрой, вторая была попроще, а третья – совсем глупая. Жили они очень хорошо и спокойно, как живут все рыбы на свете, но вот однажды пришел человек.

Человек принес с собой сеть, и пока он ее разворачивал, умная рыба глядела на него сквозь воду и размышляла. Она лихорадочно перебирала в уме весь свой жизненный опыт, все истории, которые ей когда-либо довелось услышать, призвала на помощь всю свою смекалку, и тут ее осенило: «В этом пруду нет такого места, куда можно было бы спрятаться, – подумала она, – поэтому лучше всего притвориться мертвой».

Собрав все свои силы, она, к немалому изумлению рыбака, выпрыгнула прямо к его ногам. Рыбак поднял ее, но так как хитрая рыба задержала дыхание, он подумал, что она сдохла, и выкинул ее обратно в воду. Рыба тут же забила в ложбинку под берегом у самых ног рыбака.

Вторая рыба, та, что была попроще, не совсем поняла, что произошло. Она подплыла к хитрой рыбе за объяснениями.

– Просто я притворилась мертвой, вот он и бросил меня обратно в воду, – растолковала ей хитрая рыба.

Простодушная рыба, не мешкая, выпрыгнула из воды и тоже плюхнулась прямо к ногам рыбака. «Странно, – подумал рыбак, – рыбы здесь сами выскакивают из воды». Но так как вторая рыба позабыла задержать дыхание, рыбак увидел, что она жива, и засунул в свою сумку.

Он снова повернулся к воде, но зрелище выпрыгивающих на сушу рыб так потрясло его, что он не подумал застегнуть сумку. Вторая рыба, воспользовавшись его невнимательностью, выбралась наружу и где ползком, где прыжком устремилась к воде. Она отыскала первую рыбу и, тяжело дыша, устроилась возле нее.

Третья, глупая рыба, не могла понять, что к чему, даже после того, как выслушала объяснение первых двух рыб. Тогда они по порядку перечислили ей все обстоятельства, обращая особое внимание на то, как важно задержать дыхание, чтобы казаться мертвой.

– Благодарю вас, теперь я все поняла, – радостно ответила глупая рыба.

С этими словами она с шумом выпрыгнула из воды, упав рядом с рыбаком.

Рыбак, раздосадованный тем, что упустил двух рыб, упрятал эту рыбу в сумку, даже не потрудившись взглянуть, дышит она или нет. Сумку на этот раз он плотно застегнул. Снова и снова закидывал рыбак свою сеть, но первые две рыбы не покидали своего укрытия, и сеть оказывалась пустой.

Наконец, он решил отказаться от своей затеи и стал соби-раться в обратный путь. Открыв сумку и убедившись, что глупая рыба не дышит, он отнес ее домой и отдал коту.

Говорят, что Хусейн, внук Мухаммада, передал эту историю Хаджаганам («Мастерам»), которые в XIV столетии стали называться Накшбандийским орденом.

Иногда действие рассказа происходит в мире, известном под именем Каратас – Страна Черного Камня.

В настоящей версии сказка стала известна благодаря Абдалю Афифи («Преображенный»). Он услышал ее от шейха Мухаммада Асгара.

Райская пища

Юнус, сын Адама, решил однажды не взвешивать больше свою жизнь на весах судьбы, но узнать, как и почему необходимые вещи приходят к человеку.

– Я, – сказал он себе, – человек. И я, как таковой, еже-дневно получаю свою долю от всех вещей мира. Эта доля приходит ко мне благодаря моим собственным усилиям вместе с усилиями других. Упростив этот процесс, я найду способ, которым питание достигает людей и узнаю кое-что о «как и почему». Поэтому я стану на путь религии, который обязывает человека для поддержания самого себя положиться на всемогущего Бога. Чем жить в мире беспорядка, где пища и прочие вещи явно приходят через общество, я отдам себя непосредственной поддержке Силы, которая правит всем. Ведь даже нищие зависят от посредников – милосердных мужчин и женщин, в свою очередь подверженных вторичным влияниям. Они дают продукты или деньги потому, что их научили так делать. Не стану я принимать таких опосредованных поступлений.

Сказав так, он вышел за город, вверив себя поддержке сил невидимых с той же решительностью, с какой принимал поддержку видимых сил, будучи школьным учителем.

С наступлением ночи Юнус улегся прямо на землю, веря, что Аллах полностью позаботится о его интересах так же, как птицы и звери получают свою долю заботы в их царстве.

Птичий хор разбудил его на рассвете, и первое время сын Адама лежал в неподвижности, ожидая появления поддержки. Несмотря на то, что он положился на невидимую силу и на свою уверенность в том, что сможет разобраться в ней, когда она начнет действовать, в его новом положении, он осознал вскоре, что одно только теоретическое размышление в этой необычной ситуации не очень-то ему поможет.

Весь день он провел, лежа на берегу, наблюдая природу, глядя на рыб в воде и повторяя свои молитвы. Время от времени мимо него проезжали богатые могущественные люди в великолепных одеждах, сопровождаемые верховыми на превосходных лошадях. Повелительно звенели колокольчики, извещая об их абсолютном праве на путь, они же лишь выкрикивали приветствия при виде почтенного тюрбана Юнуса. Группы паломников останавливались и жевали сухой хлеб с сухим сыром. Это только разжигало его аппетит к скудной пище.

– Это всего-навсего испытание, и скоро все будет хорошо, – подумал Юнус, творя пятую молитву за этот день и погружаясь в размышления тем способом, которому его научил один дервиш, достигший высокого развития сознания.

Прошла еще одна ночь.

На второй день, через пять часов после рассвета, в то время, как Юнус сидел, глядя на отражающиеся в могучем Тигре лучи солнца, его внимание привлек какой-то шорох в камышах. Это оказался пакет, завернутый в листья и перевязанный пальмовым лыком. Юнус, сын Адама, вошел в реку и стал владельцем неизвестного груза.

Весил он около трех четвертей фунта. Когда же он развязал лыко, в нос ему ударил восхитительный запах. В свертке оказа-лось изрядное количество багдадской халвы. Эта халва, приготов-лявшаяся из миндальной пасты, розовой воды, меда, орехов и других драгоценных элементов, ценилась благодаря своему вкусу и питательности. Из-за приятного вкуса красавицы гарема вкушали ее маленькими кусочками, из-за укрепляющей силы воины брали ее с собой в сражения. Она пользовалась большим спросом и как целебное средство от сотен болезней.

– Моя вера оправдалась! – воскликнул Юнус. – А теперь проверим, будет ли вода каждый день или через другие про-межутки времени приносить мне столько же халвы или нечто подобное; тогда я узнаю средство, предопределенное провидени-ем для моей поддержки, и тогда мне останется употребить свой разум на поиски источника.

В течение трех следующих дней, точно в тот же час, пакет с халвой приплывал в руки Юнуса. Тогда он решил, что его открытие имеет первостепенное значение. «Упрощай свои обстоятельства, и природа поступит примерно так же». Одно это уже было открытием, которое он чувствовал себя обязанным разделить с остальным миром. Ибо разве не было сказано: «Когда ты знаешь, ты должен учить?» Но затем он понял, что еще не знает, но только испытал. Было очевидно, что следующий шаг – это идти вверх по течению, пока не отыщется то место откуда приплывает халва. Тогда он поймет не только ее происхождение, но и то, каким образом она давалась для использования именно ему.

Много дней подряд шел Юнус вверх по течению реки. Каждый день с той же регулярностью, но соответственно в более раннее время, появлялась халва, и он съедал ее.

Наконец, Юнус увидел, что река значительно расширилась и посреди широкого пространства воды возвышается плодородный остров, на котором стоял массивный, но все же удивительно красивый и изящный замок. «Именно отсюда и происходит райская пища», – решил Юнус.

Обдумывая следующий шаг, Юнус заметил высокого неопрятного дервиша со спутанными волосами, отшельника, представшего пред ним в плаще из разноцветных лоскутьев.

– Мир тебе, баба (Отец)! – приветствовал его Юнус.

– Ишк, Ху! – воскликнул отшельник. – Ты что тут делаешь?

– Я следую священному обету, – объяснил сын Адама, – и в своем поиске я должен достичь вон того замка. Не подскажешь ли мне, как это можно выполнить?

– Поскольку, несмотря на свой интерес, ты ничего не знаешь об этом замке, – отвечал дервиш, – я расскажу тебе о нем. Там в изгнании и заточении живет дочь султана; ей прислушивают многочисленные прекрасные слуги, которые охраняют ее. Ей не вырваться оттуда, так как человек, который схватил и поместил ее туда за то, что она отказалась выйти за него замуж, воздвиг вокруг замка могучие и необъяснимые преграды, невидимые обычным глазом. Чтобы попасть в замок, тебе придется преодолеть их.

– Как же ты можешь помочь мне в этом?

– Сейчас я отправляюсь в особое посвятельное путешествие. Однако есть некое слово и вазифа (упражнение), которые, если ты достоин, помогут вызвать невидимые силы, благожелательных джиннов и огненных созданий. Только они смогут победить волшебные силы, охраняющие замок. Мир тебе! – И, повторив на прощание странные звуки, он ушел, передвигаясь с легкостью и проворством, поистине изумительными для человека столь почтенного возраста.

День за днем сидел Юнус, исполняя все вазифа и следя за появлением халвы. И вот однажды вечером, глядя на заходившее солнце, сиявшее на башне замка, он увидел необычайное зрелище. Там, блистая удивительной красотой, стояла дева, которая, бесспорно, могла быть только принцессой. Она постояла мгновенье, устремив взгляд на солнце, а затем бросила что-то в волны, бившиеся о скалы далеко внизу – пакет с халвой.

– Так вот где, оказывается, источник этих щедрых даров! – вскричал Юнус.

Теперь он был почти на самом пороге истины. Рано или поздно появится повелитель джиннов, которого он вызывал дервишским вазифа, и даст ему возможность достичь замка, принцессы и истины.

Только он подумал об этом, как вдруг его что-то подхватило и понесло. Он оказался в небесах, перед ним предстало эфирное царство с множеством дворцов, от красоты которых захватывало дух. Сын Адама вошел в один из них и встретил создание, похожее на человека, которое, однако, не было человеком, на вид юное и мудрое, и, каким-то образом, далекое от всякого возраста.

– Я, – проговорило видение, – повелитель джиннов, и принес тебя сюда в ответ на твой

призыв и повторение великих имен, которые были даны тебе великим дервишем. Что я могу для тебя сделать?

– О могучий повелитель всех джиннов, – дрожащим голо-сом проговорил Юнус, – я искатель истины и смогу найти ее только в заколдованном замке, возле которого я стоял, когда ты принес меня сюда. Молю тебя, дай мне силы войти в этот замок и поговорить с принцессой.

– Да будет так! – прогремел повелитель. – Но помни, человек получает ответ на свои вопросы в соответствии со способностями к пониманию и своей подготовкой.

– Истина есть истина, – сказал Юнус, – и я получу ее вне зависимости от того, чем она может оказаться. Подари мне это благо.

Вскоре сын Адама, благодаря волшебству джинна, мчался в бестелесной форме обратно на землю, сопровождаемый небольшим отрядом из слуг джинна, которым их повелитель приказал применить свои особые силы, чтобы помочь этому человеческому существу в его поиске. В руке Юнус сжимал зеркальный камень, который, как учил его глава джиннов, нужно направить на замок, чтобы иметь возможность увидеть незримую защиту.

С помощью этого камня сын Адама обнаружил, что замок защищен от нападения строем гигантов, невидимых, но грозных, поражавших всякого, кто приближался к замку. Те из джиннов, которые подходили для этой задачи, убрали гигантов. Затем он увидел, что над всем замком простирается нечто, похожее на невидимую паутину или сеть. Эта сеть тоже была разрушена джиннами, обладавшими необходимой хитростью. Наконец, невидимая, как бы каменная толща заполняла пространство от берега реки до самого острова, ничем не выдавая своего присутствия. Преодолев и эту преграду, джинны отсалютовали Юнусу и быстро, как свет, улетели в свое царство.

Юнус взглянул и увидел, что из речного берега сам собою появился мост, и, даже не замочив подошвы, он прошел по нему к самому замку. Стражник у ворот тут же отвел его к принцессе, которая оказалась еще прекрасней, чем при своем появлении на башне, когда Юнус впервые увидел ее.

– Мы благодарны тебе за разрушение защиты, которая делала неприступной эту темницу, – сказала принцесса. – Теперь я наконец-то смогу вернуться к отцу, но прежде мне бы хотелось вознаградить тебя за твои труды. Говори, и ты получишь все, что пожелаешь.

– Несравненная жемчужина, – начал Юнус, – лишь одного я ищу, и это есть Истина. Так как долг всех, обладающих истиной, давать ее тем, кто может воспринять ее, я заклинаю вас, о принцесса, дайте мне истину, которую я жажду.

– Что ж, говори, и любая истина, по возможности, будет дана тебе.

– Прекрасно. Скажите, как и в силу каких причин райской пищи, чудесной халве, которую вы бросали каждый день, пред-определено было попадать в мои руки таким образом?

– Юнус, сын Адама! – воскликнула принцесса, – халву, как ты ее называешь, я бросала каждый день потому, что на самом деле это остаток косметических материалов, которыми я ежедневно натиралась после купания в ослином молоке.

– Наконец-то я узнал, – сказал Юнус, – что понимание человека обусловлено его способностью понимать. Для вас – это остатки ежедневного туалета, для меня – райская пища.

Лишь очень немногие из суфийских сказаний, согласно Халкави (автору «Райской пищи»), могут читаться любым в любое время и, тем не менее, конструктивно воздействовать на его «внутреннее сознание».

«Почти все другие, – говорит он, – способны проявлять свое влияние в зависимости от того, где, когда и как они изучаются. Таким образом, большинство людей найдет в них только то, что они ожидают, – развлечение, загадку, аллегория».

Этот знаменитый Учитель школы Накшбандийа часто вызывал недоумение многих своих последователей самых различных вер и происхождений, ибо о нем ходили рассказы, связанные со странными явлениями. Говорили, что он являлся людям в снах и сообщал им важные вещи, что его видели во многих местах сразу, что то, что он говорит, всегда идет на пользу слушающему. Но когда люди встречались с ним лицом к лицу, они не могли найти в нем ничего необычного.

Юнус, сын Адама, обладавший целительскими и изобретательскими способностями, был сирийцем.

Как изменилась вода

Однажды Хызр, учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

– Наступит такой день, – сказал он, – когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, и от нее люди сойдут с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он набрал большой запас воды, и спрятал его в надежном месте и стал поджидать, когда вода изменится.

В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в свое убежище, стал пить из своих запасов.

Но вот прошло какое-то время, и он увидел, что реки возобновили свое течение. Он спустился к другим сынам человеческим и обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, и что произошло то, о чем их предостерегали, но они не помнили об этом. Когда же он попытался заговорить с ними, то понял, что его принимают за сумасшедшего и выказывают к нему враждебность, либо сострадание, но никак не понимание.

Поначалу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако в конце концов он решил пить новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшее его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой. Как только он выпил новой воды и стал таким, как все, он совсем забыл о своем запасе воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия.

Легенду эту неоднократно связывали с Дун-Нуном Египетским, который считается автором этой сказки. Предполагают, что эта сказка связана по меньшей мере с одной из форм вольного братства Каменщиков. Во всяком случае Дун-Нун – самая ранняя фигура в истории дервишей ордена Маламатийя, который, как часто указывалось западными исследователями, имел поразительное сходство с братством масонов. Считают, что Дун-Нун раскрыл значение фараонских иероглифов.

Этот вариант рассказа приписывается сейиду Сабиру аль-Шаху, святому из ордена Чишгийя.

Сказание о песках

Река, начав путь от источника в далеких горах, миновав разнообразнейшие виды и ландшафты сельской местности, достигла, наконец, песков пустыни. Подобно тому, как она преодолела все другие преграды, река попыталась одолеть и эту, но вскоре убедилась, что по мере продвижения в глубь песков, воды в ней остается все меньше и меньше.

И хотя не было никакого сомнения, что путь лежит через пустыню, положение казалось безвыходным.

Но вдруг таинственный голос, исходящий из самой пустыни, прошептал:

– Ветер пересекает пустыню, и река может пересечь ее тем же путем.

Река тут же возразила, что она лишь мечется в песках и только впитывается, а ветер может летать и именно поэтому ему ничего не стоит пересечь пустыню.

– Тебе не перебраться через пустыню привычными, испытанными способами. Ты либо исчезнешь, либо превратишься в болото. Ты должна отдаться на волю ветра, и он доставит тебя к месту назначения.

– Но как это может произойти?

– Только в том случае, если ты позволишь ветру поглотить себя.

Это предложение было неприемлемо для реки. Ведь, в конце концов, никто и никогда не поглощал ее, да она и не собиралась терять свою индивидуальность. Ведь, потеряв ее однажды, как сможет вернуть ее когда-нибудь снова?

– Ветер, – продолжал песок, – именно этим и занимается. Он подхватывает воду, пронесит ее над пустыней и затем дает упасть ей вновь. Падая в виде дождя, вода снова становится рекой.

– Но как я могу проверить это?

– Это так, и если ты не веришь этому, то не сможешь стать ничем иным, кроме затхлой лужи, и даже на это уйдут многие и многие годы; а ведь это, согласишься, далеко не то же самое, что быть рекой.

– Но как же я смогу остаться такой же, какой я являюсь сегодня?

– Ни в том, ни в другом случае ты не сможешь остаться такой же, – отвечал шепот. – Переноситься и вновь становиться рекой – твоя суть. И даже свою теперешнюю форму существования ты только потому принимаешь за самое себя, что не знаешь, какая часть в тебе является существенной.

В ответ на эти слова что-то шевельнулось в мыслях реки. Смутно припомнила она состояние, в котором то ли она, то ли какая-то ее часть – но так ли это? – что эта хотя не всегда очевидная, но вполне реальная вещь выполнима.

И речка отдалась в дружелюбные объятия ветра, легко и нежно подхватившего ее и умчавшего вдаль за много-много миль. Достигнув горной вершины, он осторожно опустил ее вниз. А, поскольку у реки были сомнения, она смогла запомнить и запечатлеть в своей памяти более основательно подробности этого опыта.

– Да, теперь я узнала свою истинную сущность, – размышляла река.

Река узнавала, а пески шептали:

– Мы знаем это, потому что день за днем это происходит на наших глазах и поскольку из нас, песков, и состоит весь путь от берегов реки до самой горы.

Вот почему говорят, что тот путь, которым должен пролиться поток жизни в своем путешествии, осуществляя свою непрерывность, записан на песке.

Эта прекрасная история входит в устную традицию многих народов и почти всегда

находится в обращении среди дервишей и их учеников. Она была использована в «Мистической розе из королевского сада» сэра Фэрфакса Картрайта, опубликованной в Англии в 1899 году.

Настоящий вариант принадлежит Аваду Афифи Тунисскому.

Слепые и слон

За горами был расположен большой город. Все его жители были слепыми. Однажды какой-то чужеземный король со своим войском расположился лагерем неподалеку от города в пустыне. В королевском войске был огромный боевой слон, прославивший себя во многих битвах. Одним своим видом он повергал врагов в трепет.

Всем жителям города не терпелось узнать, что же это такое – слон, и несколько слепцов поспешили к королевскому стану, чтобы выполнить эту задачу.

Не имея никакого понятия о том, какими бывают слоны, они принялись ощупывать слона со всех сторон.

Каждый из них, ощупав какую-нибудь его часть, решил, что теперь знает все об этом существе.

Когда они вернулись, их окружила толпа нетерпеливых горожан. Пребывая в глубоком заблуждении, слепцы страстно желали узнать правду от тех, кто сам заблуждался.

Люди наперебой спрашивали слепых экспертов, какой формы слон, и выслушивали их объяснения.

Человек, трогавший ухо слона, сказал: «Слон – это нечто большое, широкое и шершавое, как ковер».

Но тот, кто ощупал хобот, сказал: «У меня есть о нем подлин-ные сведения. Он похож на прямую пустотелую трубу, страшную и разрушительную».

«Слон могуч и крепок, как колонна», – возразил другой, ощупавший ногу и ступню слона.

Каждый из них ощупал только одну из многих частей слона. Каждый воспринял его ошибочно. Они не могли умом охватить всего: знание не бывает спутником слепцов. Все они что-то додумали о нем, но были одинаково далеки от истины. Созданное умом не ведает о божественном. Нельзя проложить пути в этой науке с помощью обычного интеллекта.

Эта история приводится в переложении Руми – «Слон в темной комнате» и взята из его книги «Месневи». Учитель Руми, Хаким Санай, приводит эту же сказку в более раннем варианте в первой книге своего суфийского классического произведения «Окруженный стеной сад истины».

У обоих авторов история обращается к одному и тому же аргументу, который, в соответствии с традицией, использовался суфийскими обучающими мастерами на протяжении многих веков.

Собака, палка и суфии

Однажды один человек в суфийской одежде шел по дороге. Встретив на пути собаку, он сильно ударил ее своим посохом. Пес, завизжав от боли, побежал к великому мудрецу Абу Саиду. Кинувшись к нему в ноги и выставив пораненную лапу вперед, он все рассказал и попросил быть судьей между ним и тем суфием, который обошелся с ним столь жестоко.

Мудрец призвал к себе обоих. Он сказал суфию:

– О, безголовый! Как посмел ты так поступить с бессловесной тварью?! Посмотри, что ты натворил!

– Я тут не причем, – возразил суфий, – во всем виновата собака. Ударил я ее не из простой прихоти, а потому, что она запачкала мою одежду.

Но пес все же считал себя несправедливо обиженным, и тогда несравненный мудрец сказал ему:

– Чтобы тебе не хранить обиду до Великого Суда, позволь мне дать тебе компенсацию за твои страдания.

Собака ответила:

– О мудрый и великий! Когда я увидела этого человека в одежде суфия, я подумала, что он не причинит мне вреда. Если бы я увидела, что он в обычной одежде, я, разумеется, постаралась бы его обойти. Единственная моя вина в том, что я предположила, будто внешние атрибуты служителя истины – гарантия безопасности. Если ты желаешь его наказать, отбери у него одеяние избранных, лиши его права носить костюм человека праведности...

Собака сама находилась на определенной ступени Пути. Было бы ошибкой думать, что человек должен быть лучше ее.

«Обусловленность», изображенная здесь дервишским одеянием, часто принимается эзотеристами и религиозными людьми всякого рода как нечто, связанное с реальным опытом или обладающее самостоятельной ценностью.

Эта сказка взята из «Иллахи Намаз» Аттара («Божественной книги»), часто повторяется дервишами, идущими «путем позора», и приписывается Камдулу, белильщику, жившему в IX столетии.

Как ловить обезьян

Одна обезьяна очень любила вишни. Однажды, сидя на дереве, она увидела на земле восхитительные вишни и спустилась вниз, чтобы достать их. Но вишни лежали в прозрачной стеклянной банке. После нескольких неудачных попыток заполучить вишни обезьяна, наконец, догадалась просунуть руку в горлышко сосуда. Зажав одну вишню в кулаке, она хотела вытащить руку, но не смогла, потому что ее кулак оказался шире отверстия сосуда.

Разумеется, все это было сделано умышленно и вишни в сосуде были ловушкой, устроенной ловцом обезьян, который знал, как мыслят обезьяны.

Услышав обезьяний визг, охотник вышел из своего укрытия. Испуганная обезьяна попыталась удрать. Но ее рука застряла в сосуде, и она потеряла способность быстро передвигаться.

К тому же, и это охотник знал заранее, обезьяна продолжала судорожно сжимать вишню в руке. Таким образом, он без труда ее схватил. Затем он резко ударил ее по локтю, отчего ее кулак разжался, и она выпустила вишню.

Обезьяна высвободила руку, но была поймана. Охотник использовал вишню в сосуде, но не лишился ни того, ни другого.

Это одна из многих традиционных историй, которые объединены под общим названием «Книга Аму-Дарьи».

Река Аму, или Джихун, в Центральной Азии известна современным картографам как Оксус. Это дервишский термин (что представляет собой камень преткновения для некоторых буквалистов) для обозначения материала, описанного в этой истории, а также для обозначения группы странствующих учителей, центр которых расположен возле Аубшаура в горах Гиндукуша на территории Афганистана.

В настоящей версии история была рассказала ходжой Али Рафитани.

Древний сундук Нури Бея

Нури Бей был вдумчивым и уважаемым афганцем и был женат на женщине гораздо моложе его.

Однажды вечером, когда он возвратился домой раньше обычного, к нему подошел его преданный слуга и сказал:

– Ваша жена, моя госпожа, ведет себя подозрительно. Она находится сейчас в своей комнате. Там у нее огромный сундук, принадлежавший раньше вашей бабушке, который достаточно велик, чтобы вместить человека.

– В нем обычно хранились только старые кружева.

– Я думаю, сейчас в нем есть что-то еще. Она не позволила мне, вашему старому слуге и советчику, заглянуть в него.

Нури вошел в комнату жены и нашел ее чем-то обеспокоенной, сидящей перед массивным деревянным сундуком.

– Не покажешь ли ты мне, что в этом сундуке? – спросил он.

– Это из-за подозрений слуги или потому, что вы мне не верите?

– Не проще ли будет взять да открыть сундук, не думая о том, чем это вызвано?

– Мне кажется, это невозможно.

– А он заперт?

– Да.

– Где ключ?

Она показала ключ и сказала:

– Прогоните слугу, и вы его получите.

Нури приказал слуге выйти, женщина протянула ему ключ, а сама удалилась, явно смущенная.

Долго размышлял Нури Бей. Затем он позвал четырех садовников из числа своих слуг. Ночью они вместе отнесли сундук в отдаленную часть сада и закопали его, не открывая.

И с тех пор – об этом ни слова.

Много раз подчеркивалось, что эта захватывающая история обладает внутренней значимостью, независимо от своей внешней морали.

Эта притча входит в репертуар каландаров (бродячие дервиши).

Их святой покровитель – Юсуф из Андалузии – жил в XIII веке.

Раньше их было много в Турции. Немного расширенный вариант притчи стал известен в Америке благодаря книге «Ночи Стамбула» Н. Г. Двайта, опубликованной в США в 1916 и 1922 годах.

Три истины

Суфии известны как искатели истины, а истина есть ни что иное, как знание объективной реальности.

Один невежественный и жадный тиран захотел однажды заполучить эту истину. Его звали Рударигх (Родериго), он был великий лорд Мурсии в Испании. Он решил, что истина – это нечто такое, что можно силой выпытать у Омара аль-Калави из Тарагоны.

Омар был схвачен и приведен во дворец. Рударигх сказал:

– Я приказываю тебе немедленно изложить всю истину, которую ты знаешь, понятными мне словами, а не то придется тебе распрощаться с жизнью.

Омар ответил:

– Соблюдаешь ли ты при своем благородном дворе всеобщий обычай, согласно которому арестованный должен быть отпущен на свободу, если он говорит правду в ответ на вопрос и эта правда не свидетельствует против него?

– Да, соблюдаю, – сказал владыка.

– Я прошу всех присутствующих быть свидетелями слов нашего владыки, – сказал Омар. – А теперь я скажу истину и не одну, а целых три!

– Мы должны воочию убедиться, что твои слова представляют собой действительно истину как таковую. Доказательство должно сопровождать твои слова.

– Для такого владыки, как ты, – продолжал Омар, – которому мы собираемся выдать не одну, а целых три истины, мы уж постараемся дать истины, которые будут самоочевидными.

Рударигх на этот комплимент распустил хвост веером.

– Первая истина, – сказал суфий, – состоит в том, что я есть тот, кого зовут Омар, суфий из Тарагоны. Вторая – это то, что ты согласился меня отпустить, если я скажу истину. Третья состоит в том, что ты хочешь знать истину, которая соответствует твоему пониманию.

Впечатление от этих слов было таково, что тиран был вынужден отпустить суфия.

Эта история служит введением в устные предания, которые по традиции идут от аль-Мутанаби. Рассказчики утверждают, что он запретил их записывать в течение тысячи лет.

Аль-Мутанаби, один из величайших арабских поэтов, умер тысячелетие назад.

Эта коллекция преданий отличается тем, что постоянно перерабатывается, поскольку истории из нее непрерывно рассказывают в соответствии с «изменением времени».

Султан в изгнании

Рассказывают, что однажды султан Египта призвал к себе ученых мужей и, как часто бывает в таких случаях, в собрании разгорелся спор. Предметом обсуждений было ночное путешествие Мухаммада. В предании говорится, что Пророк был вознесен со своего ложа прямо в небесные сферы. Он успел увидеть рай и ад, девяносто тысяч раз беседовал с Богом, пережил еще многое другое и возвратился на Землю в то время, когда его постель еще не остыла, а сосуд с водой, перевернувшийся при его восхождении, даже не успел полностью опустеть.

Некоторые считали это возможным благодаря различным измерениям времени. Султан же утверждал, что это совершенно невозможно.

Мудрецы уверяли, что для божественной силы все возможно. Но этот аргумент ничуть не удовлетворил монарха.

Известие об этом споре разошлось и дошло, наконец, до суфийского шейха Шаха ад-дина, который тотчас же поспешил во дворец.

Султан почтительно приветствовал Учителя и оказал ему должное гостеприимство.

– Я вижу, – сказал шейх, – что обе стороны одинаково далеки от истины. Поэтому без всяких предисловий я приведу свое доказательство: предание можно объяснить фактами, поддающимися проверке, и нет нужды прибегать к голым предположениям или скучной и беспомощной «логической аргументации».

В тронном зале было четыре окна. Шейх приказал открыть одно из них. Султан выглянул и ужаснулся: он увидел вдали на горе приближавшуюся к дворцу несметную армию.

– Не беспокойтесь, это всего лишь мираж, – сказал шейх. Он закрыл окно и открыл его снова: видение исчезло.

Когда открыли другое окно, султан в ужасе вскрикнул – весь город был объят пожаром.

– Это мираж, – напомнил шейх.

Он закрыл окно и открыл его снова – город стоял невредим.

Распахнули третье окно, и султан увидел, что жестокое наводнение грозит затопить дворец. Но и эта картина исчезла без следа, когда султан посмотрел в окно еще раз. В четвертом окне вместо обычной пустыни взору открылся райский сад, который также оказался иллюзией.

Затем шейх попросил принести сосуд с водой и предложил султану окунуть на мгновение голову в воду. Султан сделал это, но едва он коснулся лицом воды, как оказался один на пустынном берегу моря, в незнакомом месте.

Не помня себя от ярости, султан поклялся отомстить шейху за его колдовские чары.

Вскоре ему повстречались дровосеки. Они спросили его, как он здесь очутился. Не желая выдавать им своего истинного положения, он сказал, что его корабль затонул, а ему удалось спастись. Они дали ему кое-какую одежду, и он направился в город. Там какой-то кузнец, увидев его бесцельно слоняющимся по улицам, спросил его, кто он такой: «Я купец, – ответил султан, – все мои товары погибли в кораблекрушении, мне же удалось спастись, но я остался нищим и голым. А эту одежду дали мне дровосеки».

Тогда кузнец рассказал ему, что по обычаю их страны любой пришелец может сделать предложение первой женщине, выходящей из бани, и она обязана дать согласие выйти за него замуж.

Султан подойдя к бане увидел, как оттуда выходила прекрасная женщина. Он спросил ее, замужем ли она. Оказалось, что у нее есть муж. Вторая была безобразная, но, к счастью, и она оказалась замужем. И третья была замужем. Он подождал еще немного и увидел прелестную женщину. Она сказала, что у нее нет мужа, но прошла мимо него, видимо, ее оттолкнул его

жалкий вид. Через некоторое время перед ним появился какой-то человек и сказал: «Меня послали отыскать здесь чужеземца в грязной одежде. Пожалуйста, следуй за мной».

Султан последовал за ним, и скоро они вошли в великолепный дом. Слуга провел его в богато убранную комнату и оставил там одного. Прошел час, и в комнату вошли четыре прекрасные женщины в роскошных одеждах, вслед за ними появилась пятая, еще более прекрасная. Султан узнал в ней ту женщину, которая ответила, что не замужем. Она приветствовала его и объяснила, что торопилась подготовить дом к его приходу и что ее холодность была всего лишь соблюдением обычая, которого придерживались все женщины этой страны на улице.

Султана одели в изумительные одежды, принесли для него изысканные яства и весь вечер услаждали его слух утонченной музыкой.

Семь лет прожил он со своей женой, пока они не растратили все ее состояние. Тогда женщина сказала, что теперь он должен обеспечить ее и семерых сыновей.

Вспомнив своего первого друга в этом городе – кузнеца, султан решил попросить у него совета. Так как султан не знал никакого ремесла, кузнец посоветовал ему пойти на базар и наняться носильщиком. Он так и поступил.

Но в первый же день работы, перетащив ужасно тяжелый груз, он заработал только одну десятую часть того, что было необходимо для пропитания его семьи.

На следующий день султан пришел к морю и отыскал то самое место, где он очутился семь лет назад, погрузив голову в сосуд с водой. Решив помолиться, он стал совершать омовение и, окунув голову, вдруг увидел, что находится в своем прежнем дворце, рядом с шейхом и придворными. Перед ним стоял сосуд с водой.

– Семь лет в изгнании, о злодей! – заорал султан, – семья, необходимость быть носильщиком! И как ты не побоялся Бога всемогущего!

– Но ведь это длилось только одно мгновение. Придворные подтвердили слова шейха, но султан не мог заставить себя поверить в это. Он уже хотел было отдать приказ о немедленной казни шейха, но тот, предвидя, что так должно было случиться, применил искусство, называемое «аль-кахайбат» (наука об исчезновении), благодаря которому в мгновение ока переместился в Багдад, на много дней пути от столицы Египта.

Оттуда он прислал султану письмо:

"Семь лет прошло для тебя, как ты уже понял, в течение одного мига, пока твоя голова была в воде, – это всего лишь проявление определенных способностей, и твое переживание не имело особого значения – оно было иллюстрацией того, что может случиться.

Ты спорил о том, могла ли постель не остыть, а сосуд не опустеть, как об этом говорится в предании о пророке.

Не то важно, может что-либо произойти или не может, – все может произойти. Важно значение происходящего. Переживание Пророка имело глубокое значение, тогда как происшедшее с тобой не имело никакой ценности".

Утверждается, что любой отрывок в Коране имеет семь смыслов, каждый из которых соответствует состоянию читателя или слушателя.

Этот рассказ, как и многие другие суфийские истории подобного рода, подчеркивает изречение Мухаммада: «Говори с каждым в соответствии со степенью его понимания».

Ибрахим Кхавас формулировал суфийский метод в таких словах: «Демонстрируй неизвестное в терминах того, что называется „известным“ в данной аудитории».

Настоящий вариант рассказа взят из манускрипта, называемого «Ну-нама» («Книга Ну») – коллекция Наваба из Сурдханы, которая датируется 1597 годом.

Сказание об огне

Однажды, давным-давно, один человек по имени Нур сосредоточенно и упорно размышлял над тайнами природы и открыл секрет добывания огня.

Он решил поделиться с людьми своим открытием и отправился путешествовать от общины к общине, передавая свой секрет многим группам людей. Некоторые воспользовались этим знанием, другие, не дав себе времени подумать, каким полезным оно могло бы оказаться для них, поняли только то, что Нур опасен для них и прогнали его. В конце концов люди какого-то племени, перед которыми он продемонстрировал свое искусство, пришли в дикую панику и убили его, видя в нем исчадие ада.

Прошли века. В первой общине, где Нур некогда обучал людей добыванию огня, это знание сохранилось только у особых жрецов, пользующихся властью, богатством и теплом, в то время как остальные люди замерзали от холода. Вторая община начисто забыла искусство Нура и стала поклоняться орудиям добывания огня. Люди третьей – поклонялись образу самого Нура, так как именно он был их Учителем. В четвертой – сохранилась история открытия огня в легендах и преданиях – одни верили в них, другие нет. Пятая – действительно использовала огонь, и это позволяло им жить в тепле, готовить пищу и изготавливать разные полезные предметы.

И вот, спустя много-много лет, один мудрец с небольшой группой учеников путешествовал по землям этих племен. Ученики пришли в изумление при виде этого множества различных ритуалов, с которыми они здесь столкнулись.

– Но ведь все эти действия относятся всего лишь к добыванию огня и ни к чему больше, – сказали они Учителю. – Наш долг открыть перед этими людьми правду.

– Что ж, я согласен, – ответил Учитель, – когда мы повторим наше путешествие, то благодаря этой новой цели те из вас, кто уцелеет к его концу, узнает, каковы реальные проблемы и как их решать.

Итак, мудрец и его ученики достигли первого племени, где им оказали радушный прием. Жрецы пригласили путешественников на церемонию «сотворения огня».

Когда церемония окончилась и толпа возбужденно переживала увиденное «чудо», мастер обратился к ученикам:

– Не желает ли кто-нибудь из вас открыть этим людям правду?

Первый ученик сказал:

– Во имя истины я считаю себя обязанным поговорить с этими людьми.

– Если ты собираешься сделать это на свой собственный страх и риск, то начинай, – ответил Учитель.

Ученик вышел вперед, встал перед вождем и окружавшими его жрецами и сказал:

– Я могу совершить чудо, которое вы относите к особому проявлению божества. Если я сделаю это, признаете ли вы, что много веков уже находитесь в заблуждении?

– Хватайте его! – закричали жрецы.

Этого человека схватили и увели, и никто никогда его больше не видел.

Путешественники тронулись в путь и через некоторое время подошли к территории второй общины, где поклонялись орудиям добывания огня. Еще один ученик вызвался образумить этих людей.

С позволения мастера он сказал:

– Я хочу поговорить с вами, как с разумными людьми. Вы поклоняетесь даже не самой вещи, а всего лишь средствам, с помощью которых она может быть произведена. Таким образом, вы лишены возможности использовать эту вещь. Я знаю реальность, лежащую в основе вашего

обряда.

Эта община состояла из людей более разумных, но они сказали ученику:

– Так как ты наш гость, мы почтили тебя гостеприимством. Но как пришелец, не знакомый с нашей историей и обычаями, ты не можешь понять того, что мы делаем. Ты заблуждаешься, возможно, даже пытаешься лишить нас нашей религии или изменить ее, поэтому мы даже не хотим тебя слушать.

Путешественники двинулись дальше. Достигнув земель третьей общины, они увидели перед каждым домом идола, изображающего Нура – открывателя огня.

Третий ученик обратился к руководителю общины так:

– Этот идол изображает человека, олицетворяющего собой возможность, которую человек способен использовать, не так ли?

– Может быть, это и так, – ответили почитатели Нура, – но проникнуть в эту тайну дано лишь немногим.

– Только тем немногим, кто поймет, а не тем, кто отказывается смотреть на определенные факты, – сказал третий ученик.

– Все это ересь, которую высказывает человек, даже не говорящий правильно на нашем языке и не принадлежащий к священникам, посвященным в нашу веру, – заворчали жрецы.

И этому ученику не удалось добиться успеха.

Группа продолжила свое путешествие и прибыла на территорию четвертой общины. На этот раз перед собранием людей выступил четвертый ученик.

Он заявил:

– История о создании огня правдива. Я знаю, как добывать огонь.

В толпе возникло замешательство и послышались разно-голосые мнения. Некоторые говорили:

– Возможно, это правда, и если так, то мы непременно хотим узнать, как добывать огонь.

Но когда мастер и его последователи испытали их, оказа-лось, что большинство стремилось использовать огонь для своей личной выгоды. Они не понимали того, что огонь есть нечто необходимое для человеческого прогресса. Умы подавляющего числа людей этого племени были настолько пропитаны извращенными легендами, что те, кто воображал себя способными представлять истину как таковую, оказывались, как правило, неуравновешенными людьми, которые не смогли бы получить огонь, даже если бы им показали, как это делается.

Были и другие, которые заявляли: «Конечно, в легендах нет ничего правдивого. Этот человек просто хочет нас одурачить, чтобы занять в нашей общине высокое положение».

Третья партия говорила: «Наши легенды должны остаться такими, какие они есть, поскольку это наше наследие, соединяющее нас в единое целое. Если мы сейчас откажемся от них, а затем обнаружим, что новое толкование никуда не годно, что тогда станет с нашим обществом?»

Были также и другие точки зрения.

Итак, группа отправилась дальше и пришла, наконец, на территорию пятой общины, где разведение огня было чем-то обычным и общедоступным. Там путешественникам встретились другие испытания.

Мастер сказал своим ученикам:

– Вы должны научиться тому, как учить, ибо человек не желает, чтобы его учили. Сперва вы должны будете научить людей тому, как учиться. А перед этим необходимо объяснить им, что существует нечто такое, чему следует учиться. Люди воображают, что они уже все знают, и хотят всегда изучать то, что, как они думают, необходимо изучать, а не то, что должно быть изучено прежде всего. И только когда вы поймете все это, мы сможем создать метод обучения.

Знание без специальной способности к обучению – это не то же самое, что знание и способность.

Известно, что Ахмед аль-Бедави на вопрос, что такое варвар, ответил: «Варвар – тот, чьи восприятия настолько грубы, что ему кажется, будто через ощущения и размышления он способен понять то, что можно постичь только в результате эволюции и постоянного приложения усилий на пути к Богу».

Люди смеются над Моисеем и Иисусом из-за своей абсолютной невосприимчивости, а также потому, что скрыли от самих себя истинный смысл слов и действий этих великих пророков.

Согласно дервишским сведениям, аль-Бедави был проклят за проповедь христианства мусульманам, но в то же время отвергался христианами за то, что отказался понимать буквально позднейшую христианскую догму.

Аль-Бедави основал в Египте орден Бедавийа.

Великан-людоед и суфий

Один странствующий суфийский мастер, пересекая высокие горы, где никогда не ступала нога человека, повстречался с людоедом исполинских размеров.

– Я тебя съем, – сказал великан суфию.

Суфий на это ответил:

– Прекрасно, съешь меня, если сможешь, но должен тебя предупредить, что я тебя одолею, ибо я значительно могущественней, чем ты думаешь.

– Вздор, – взревело чудовище, – ты всего лишь суфийский мастер, погруженный в духовные науки. Ты не сможешь одолеть меня потому, что я полагаюсь на свою грубую силу и я в тридцать раз больше тебя.

– Что ж, давай померимся силами, – предложил суфий, – возьми этот камень и сожми его так, чтобы из него потекла вода.

С этими словами он протянул великану обломок скалы. Великан изо всей силы сдавил камень, но воду из него выдавить не смог.

– Это невозможно, – сказал он, – потому что в этом камне нет воды. Попробуй-ка сам.

К этому времени над землей сгустились сумерки, и мастер, воспользовавшись темнотой, незаметно достал из кармана яйцо и вместе с камнем сжал его в кулаке прямо над ладонью людоеда. Почувствовав стекающую на ладонь жидкость, великан был изумлен; ведь людей часто изумляют вещи, которым они не могут дать объяснения, и к таким вещам они начинают относиться с гораздо большим почтением, чем того требуют их собственные интересы.

– Я должен обдумать это, – сказал великан. – Пойдем, переночуешь сегодня в моей пещере.

Великан привел суфия в огромную пещеру, напоминавшую пещеру Аль ад-дина (Имеется ввиду герой известной сказки «Волшебная лампа Аладдина») обилием всякого рода вещей – все, что осталось от несметного количества жертв прожорливого гиганта.

– Ложись возле меня и спи, – сказал людоед, – а утром мы продолжим наше состязание. – Затем он улегся и тут же заснул.

Почувствовав что-то неладное, мастер тихо поднялся, соо-рудил из тряпок, валявшихся на полу, подобие спящего человека, а сам устроился поодаль на безопасном месте.

Только он прилег, проснулся людоед. Схватив огромную дубину, с дерево величиной, он изо всех сил семь раз ударил по пустому ложу, затем снова улегся и уснул. Мастер вернулся на свою постель и сонным голосом позвал людоеда:

– Эй, людоед! В твоей пещере удобно, но меня только что семь раз укусил какой-то комар. Ты должен что-нибудь с ним сделать.

Эти слова так потрясли и испугали великана, что он больше не решился нападать на суфия. Ведь если человека семь раз ударили изо всех сил дубиной величиной с дерево, то он...

Утром людоед кинул под ноги суфию целую бычью шкуру и сказал:

– Принеси воды, мы сварим на завтрак чай.

Вместо того, чтобы взять шкуру (которую он вряд ли смог бы поднять), мастер направился к ручью, протекавшему поблизости, и стал рыть от него небольшую канавку в направлении пещеры.

Между тем жажда так одолела людоеда, что не в силах больше ждать, он крикнул суфию:

– Почему ты не несешь воду?

– Терпение, мой друг, я сейчас подведу ключевую воду прямо к твоей пещере, чтобы тебе не пришлось больше таскаться с этой бычьей шкурой.

Но людоед не мог больше терпеть. Схватив шкуру, он в несколько прыжков оказался у

источника и набрал воды сам. Когда чай был готов и людоед утолил жажду огромным количеством воды, его ум несколько прояснился и он сказал суфию:

– Если ты и впрямь такой сильный, как ты мне показал, то почему же тогда ты не смог прорыть канал быстрее и рыл его в час по чайной ложке?

– Потому, – ответил мастер, – что никакое дело не может быть сделано должным образом без минимальной затраты усилий. Для всего требуются определенные усилия, и я затратил минимум усилий, необходимых для рытья канала. К тому же я знаю, что ты существо настолько привязанное к своим привычкам, что все равно всегда будешь пользоваться бычьей шкурой.

Эту историю можно часто слышать в чайханах Центральной Азии. Она очень напоминает европейские народные сказки средних веков.

Настоящий вариант ее взят из «Маджла» – дервишской коллекции, впервые записанной Никаяти в XI столетии, как сообщается в конце манускрипта. Но в том виде, в каком история приводится здесь, она датируется XVII веком.

Купец и христианский дервиш

Один богатый купец из Тебриза приехал в Конию в поисках мудреца, который помог бы ему в его затруднениях. Побывав у религиозных руководителей, законоведов и других, он прослышал о Руми и пришел к нему.

Купец взял с собой пятьдесят золотых монет, решив поднести их мудрецу. Когда он вошел в приемный зал и увидел Мауляну, его охватило волнение.

Джалалуддин произнес:

– Твои пятьдесят золотых приняты, но ты потерял двести, и это привело тебя сюда. Бог наказал тебя, но он также показал тебе нечто. Теперь все у тебя наладится.

Проницательность Руми изумила купца.

Руми продолжал:

– Тебе пришлось испытать много трудностей за то, что ты однажды, далеко на западе, в христианском мире проходя мимо христианского дервиша, лежащего на улице, плюнул на него. Найди его, попроси прощения и передай ему наш привет.

Купец пришел в совершенное замешательство, увидев, что его душа – открытая книга для Руми.

– Смотри, – сказал Джалалуддин, – сейчас мы покажем его тебе.

С этими словами мастер прикоснулся к стене комнаты, и взору купца открылась базарная площадь в Европе с лежащим на ней святым. Купец ушел от мастера, глубоко потрясенный.

Он немедленно отправился в Европу и нашел христианского мудреца лежащим на земле. Когда он приблизился, франкский дервиш сказал:

– Наш мастер Джалал связался со мной.

Купец взглянул в том направлении, куда указывал дервиш, и увидел, словно на картине, Джалалуддина, который пропел такие стихи:

– И для рубина, и для простой гальки – для всего есть место на его холме.

Возвратившись назад в Конию, купец передал поклон франкского святого Джалалу и обосновался в дервишской общине.

Современные академические исследователи немного прояснили, насколько Руми повлиял на западную мысль и литературу. Нет сомнения, что у него были западные ученики, кроме того, его истории появляются в сказках Г. Х. Андерсена, у Джестера Монорма и даже у Шекспира.

На востоке традиционно повторяется весьма важное утверждение о связи Руми с западными мистиками и мыслителями.

Настоящий вариант рассказа «Купец и христианский дервиш» взят из манускрипта Афлаки «Мунаджиб-аль-Арифин» («Жития ранних дервишей ордена Мевлавийа», датируемого 1353 годом).

Золотое сокровище

Давным-давно жил-был купец по имени Абдул Малик. За его щедрость люди прозвали его Добрым человеком из Хоросана. Абдул Малик постоянно жертвовал из своих несметных богатств на благотворительные цели и часто устраивал пиры для бедняков.

Но вот однажды он задумался над тем, что отдает только малую часть своих богатств и что истинная цена его щедрости ничтожна по сравнению с удовольствием, которое она ему доставляет. И он тут же решил раздать все до последнего гроша на благо людей.

Так Абдул Малик расстался со всем своим состоянием. Он освободился от всего, чем владел, ожидая встретить то, что при-готовила для него жизнь. Как-то во время медитации перед ним возникло странное видение: прямо на его глазах, словно вырастая из пола, стала вырисовываться фигура таинственного дервиша в залатанных одеждах.

– О Абдул Малик, добрый человек из Хоросана, – нараспев произнес дервиш, – я – твое реальное "я", теперь ставшее для тебя почти осязаемым потому, что ты проявил истинную щедрость, по сравнению с которой твоя репутация щедрого человека – ничто. И за это, а также за то, что ты сумел расстаться со своими богатствами, не думая о своем удовлетворении, я награждаю тебя из реального источника наград.

С этого дня я буду являться пред тобой каждый день в этом облике. Ты будешь ударять меня, и я буду превращаться в золотую статую. Ты можешь отламывать от статуи столько золота, сколько пожелаешь. И пусть тебя не беспокоит, что этим ты принесешь мне ущерб, ибо сколько бы ты ни взял, все это будет восстанавливаться из источника всех даров.

Сказав это, он исчез.

На следующее утро Малика пришел навестить его друг Бай Ака. Только они уселись, перед ними возник призрак дервиша. Малик ударил его палкой, и дервиш, повалившись на пол, превратился в золото. Немного золота Малик взял себе и немного подарил своему гостю.

Возвратившись к себе домой, Бай Акал, не зная, что всему этому предшествовало, стал думать, как бы и ему совершить подобное чудо. Он много слышал о чудесных силах дервишей и пришел к такому выводу: чтобы заполучить золото, достаточно избить дервиша.

Бай Ака во всеуслышание объявил, что устраивает богатый пир, на который приглашаются все желающие дервиши.

В назначенный день к дому Бай Ака потекли толпы дервишей. Усадив всех за стол, он стал их обильно потчевать, пока они не наелись досыта. Затем он схватил железный прут и принялся лупить их так, что направо и налево падали избитые и покалеченные тела. Наконец, нескольким дервишам удалось схватить безумца, и они привели его к судье. Дервиши предъявили Бай Ака обвинение и в доказательство представили своих раненых собратьев. Бай Ака стал оправдываться и рассказал все, что случилось в доме Малика.

Малика вызвали в суд. Но по дороге его золотое "я" нашептало ему, что говорить судье.

Представ перед судом, он сказал:

– С вашего позволения, замечу, что, по-моему, этот человек сошел с ума или пытается как-то оправдать свою склонность нападать на людей без причины. Я в самом деле его знаю, но все то, что он рассказывает, совершенно не соответствует действительности.

Итак, Бай Ака поместили в сумасшедший дом, и там он пробыл некоторое время, пока не успокоился. Дервиши почти тут же выздоровели благодаря какой-то известной им науке. И никто не верил, что такое изумительное событие, как превращение человека в золотую статую, могло когда-либо случиться.

А Малик всю остальную жизнь, пока не отправился к своим предкам, продолжал разбивать

статую, которая была им самим, и раздавать сокровища своего "я" тем, кому он мог помочь только материально.

Дервишская традиция говорит о том, что священники передают свои морально-возвышенные учения в иносказательной форме, но дервиши скрывают свои учения еще лучше, так как только усилия человека к пониманию или усилия со стороны обучающего мастера создадут эффект, который действительно поможет внутреннему изменению изучающего.

Эта сказка еще больше походит на притчу, чем большинство ей подобных. Но дервиш, который рассказывал ее на базарах Пешавара, в начале XIX века, предупреждал: «Размышляй над первой частью рассказа, – там ты найдешь метод, не обращай внимания на мораль».

Железный подсвечник

Однажды, давным-давно, одна бедная вдова сидела у окна в своем доме и глядела на улицу, как вдруг увидела убогого дервиша, устало плетущегося по дороге. Его изможденный вид, залатанная одежда, покрытая пылью, вызвали к нему сострадание и требовали участия.

Выбежав из дома, женщина окликнула дервиша:

– Благородный дервиш, – обратилась она к нему, – я знаю, что ты один из избранных. Но иногда даже такие ничтожные, как я, могут оказаться полезными ищущим. Войди в мой дом и отдохни немного, ибо сказано: «Тому, кто помогает друзьям, будет послана помощь, а тот, кто помешает им, встретит препятствие на своем пути, но как это случится и когда, людям неизвестно».

– Благодарю тебя, добрая женщина, – ответил дервиш и вошел в дом. Он провел у нее несколько дней и за это время прекрасно отдохнул и восстановил свои силы.

У вдовы был сын по имени Абдулла, который всю свою жизнь только тем и занимался, что рубил лес и отвозил дрова на ближайший базар. Будущее не сулило ему никаких счастливых изменений; работа дровосека отнимала все его время и не давала ему возможности обогатить свой жизненный опыт настолько, чтобы выбраться из бедности.

Когда дервиш стал собираться в дорогу, он сказал Абдулле:

– Сын мой, я – человек знания, хотя и могу выглядеть беспомощным в этом мире, зато одарен вниманием и могу видеть то, чего не видят другие. Если твоя мать не возражает, стань моим спутником, и я разделю с тобой те великие благоприятные возможности, которые встретятся на пути.

Мать была рада позволить своему сыну сопровождать мудреца, и они вместе отправились в путь.

Они прошли много стран и встретили на пути множество испытаний.

Но вот однажды дервиш сказал:

– Абдулла, мы пришли к нашей цели. Сейчас я совершу особые ритуалы, и если высшие силы отнесутся к нам благо-склонно, мы увидим то, что открывается лишь немногим людям: земля расступится перед нами и откроет доступ к сокровищам, спрятанным здесь много лет назад. Нет ли в тебе страха, мой друг?

Абдулла поклялся быть стойким, что бы ни случилось.

Тогда дервиш стал совершать какие-то странные движения и произносить непонятные слова, которые Абдулла повторял за ним, вдруг земля заколебалась, и перед ними открылся вход в подземелье.

– Теперь, мой мальчик, слушай меня внимательно, – сказал дервиш. – Ты должен спуститься в это подземелье и найти там железный подсвечник. Ты увидишь там дивные сокровища, подобные которым редко удастся увидеть смертному, но ни к чему не прикасайся, помни, что твоя единственная цель – железный подсвечник. Как только ты его найдешь, возвращайся назад.

Спустившись в сокровищницу, Абдулла был ошеломлен, столько там было сверкающих драгоценных камней, золотой посуды, удивительных богатств, которые невозможно описать. Позабыв все наставления дервиша, он принялся подбирать самые красивые и блестящие камни, как вдруг наткнулся на подсвечник.

«Ничего страшного не случится», – решил Абдулла, если, взяв подсвечник для дервиша, он припрячет для себя немного золота и драгоценных камней. Итак, наполнив свои широкие рукава сокровищами, он стал подниматься по ступенькам вверх.

Но когда он выбрался на поверхность, то с удивлением увидел перед собой свою лачугу, а

дервиш исчез без следа.

Абдулла поспешил к матери, чтобы скорее показать ей сокровища, но как только он высыпал их перед нею, они вдруг стали таять и пропали. Остался только подсвечник. Он внимательно рассмотрел его. Подсвечник был с двенадцатью свечами. Абдулла зажег одну из них – и тут же перед ним возникла фигура, похожая на дервиша. Видение покружилось немного, потом положило на землю монету и исчезло. Тогда он зажег все двенадцать свечей, двенадцать дервишей предстали перед ним. Целый час они выполняли какие-то ритмичные движения и прежде, чем исчезнуть, бросили ему двенадцать монет. Придя в себя от изумления, Абдулла и его мать поняли, что теперь могут неплохо зажить, если танцующие дервиши будут каждый день приносить им по двенадцать монет.

Но прошло какое-то время, и Абдулла, вспомнив о несметных сокровищах, которые он видел в пещере, решил еще раз попробовать разбогатеть по-настоящему.

Он долго искал то место, где был вход в подземелье, но никак не мог найти его. Желание найти богатство, однако, не давало ему покоя. Он пустился странствовать по свету и, исходив много дорог, подошел к великолепному дворцу. Слуги провели его в роскошный зал, и он был весьма обрадован и удивлен, увидев там того самого дервиша, которому когда-то помогла его мать. Дервиш был в царских одеждах, и его окружали толпы учеников.

– Сейчас, о неблагодарный, – произнес дервиш, – я покажу тебе, что может делать этот подсвечник.

С этими словами он схватил палку и ударил по подсвечнику. Тут каждая ветвь подсвечника превратилась в сокровища, превосходившие собой все то, что юноша видел в пещере. Дервиш стал раздавать золото, серебро и драгоценные камни достойным, и в этот миг произошло чудо: подсвечник вновь появился, готовый к новому использованию.

– Так как ты не можешь правильно использовать вещи, – сказал дервиш, – и так как ты не оправдал моего доверия, ты должен уйти от меня. Но за то, что ты, по крайней мере, вернул подсвечник, я дарю тебе верблюда, груженного золотом.

Ночь Абдулла провел во дворце, а утром, ухитрившись стащить подсвечник и спрятав его под седлом верблюда, пустился в обратный путь.

Возвратившись домой, он зажег свечи и ударил по подсвечнику палкой. Но так как он невнимательно следил за действиями дервиша, то вместо того, чтобы взять палку в правую руку, он взял ее в левую. Тут же появились двенадцать дервишей. В один миг они подняли верблюда, груженного золотом и драгоценностями, подхватили подсвечник и растворились в воздухе.

Абдулле стало еще тяжелее, ибо он не мог простить себе глупости и неблагодарности, непрестанно казнил себя за воровство и до конца своей жизни не мог забыть о том, что находился в такой близости к богатству.

Но другая возможность ему уже больше не представилась, и он навсегда потерял покой.

Эта сказка используется в суфийских школах как «упражнение для развития» буквально мыслящих учеников.

Она указывает в скрытой форме на определенные упражнения и содержит в себе идею о том, что люди, пытающиеся выполнять мистические процедуры, не преодолев в себе некоторых личных склонностей, достигнут результатов, противоположных тем, которые они ожидали.

Ударь в этом месте

Дун-Нун Египетский использовал притчу, чтобы на наглядном примере показать, как ему удалось расшифровать значение египетских надписей.

В одном месте стояла статуя человека, указывавшего пальцем на что-то. Статуя стояла на массивном камне с выбитой на нем надписью: «Ударь в этом месте, чтобы овладеть сокровищами». Происхождение статуи терялось в далекой древности. Из поколения в поколение люди колотили по камню, отмеченному надписью, но камень был такой твердой породы, что даже самые сильные удары не оставляли на нем ни единой царапины, и эту тайну никто не мог разгадать.

Однажды, это было в полдень, Дун-Нун, размышляя о статуе, обратил внимание на то, что тень от указующего пальца каменного человека (никто в течение веков не замечал этого) легла на одну из плит мостовой, служившей основанием древнего изваяния. Он отметил это место, затем раздобыл необходимые инструменты и приподнял плиту; перед ним открылся вход в подземелье, в котором оказались чудесные произведения искусства. Исследовав их, он открыл науку их изготовления, давно забытую людьми, и таким образом овладел сокровищами древнего знания и материальными творениями, воплощающими эти знания.

Почти такую же историю рассказал римский папа Сильвестр II, который в X веке привез из испанской Севильи «арабские» учения, в том числе и математику.

Слывя магом, благодаря своим мистическим достижениям, Герберт (таким было его первоначальное имя), «жил с одним философом из сарацинской секты».

Нет почти никакого сомнения, что он знал эту суфийскую историю.

Говорят, что впервые ее передал халиф Абу Бакр аль-Шадик.

Почему глиняные птицы взлетели

Однажды Иисус, сын Марии, будучи еще ребенком, вылепил из глины маленьких птиц. Увидев это, другие дети, не умевшие лепить птиц, побежали к взрослым и пожаловались на него.

Взрослые сказали:

– Непозволительно заниматься такими делами в святой день, – ибо это было в субботу.

И они направились к луже, у которой играл Иисус, и, подойдя к нему, спросили, где вылепленные им птицы.

В ответ Иисус указал на глиняных птиц, и в тот же миг птицы взлетели в воздух и улетели прочь.

– Сделать летающих птиц невозможно, а значит, он не нарушил субботы, – сказал один из взрослых.

– Я хотел бы овладеть этим искусством, – сказал другой.

– Это не искусство, – возразил третий, – обыкновенный трюк, зрительный обман и ничего больше.

Итак, суббота не была нарушена, волшебное искусство так и осталось никому не известным, а что касается обмана, то взрослые, как и дети, обманули себя сами, потому что не ведали, с какой целью были вылеплены птицы.

То, что в субботу запрещалось чем бы то ни было заниматься, имело причину, которая была давно позабыта. Взрослые не знали того, как отличить истину от лжи. Происхождение волшебного искусства и цель сотворенного чуда были им совершенно не известны. Поэтому все это не имело для них никаких последствий, как было и с вытягиванием деревянной доски.

Рассказывают, что однажды Иисус помогал Иосифу-плотнику в его мастерской.

Одна доска оказалась слишком короткой, и тогда Иисус каким-то образом вытянул ее до требуемой величины.

Когда эту историю рассказали людям, они сказали: «Но это же настоящее чудо, поэтому этот мальчик непременно станет святым».

Другие сказали: «Мы не поверим в это до тех пор, пока не увидим все своими глазами».

«Этого не может быть, – сказали третьи, – потому что этого не может быть никогда. Эту историю надо исключить из книг».

Все эти люди с их различными мнениями отнеслись совершенно одинаково к этой истории, потому что цель и смысл утверждения «он растянул доску» были им неизвестны.

Суфийские авторы часто ссылаются на Иисуса, как на мастера пути. Существует, кроме того, невообразимое множество устных преданий о нем, популярных на Среднем Востоке, которые еще ожидают собирателя.

В несколько измененном виде эту историю можно встретить во многих дервишских коллекциях. Суфии говорят, что «сын плотника» и другие названия евангельских персонажей по роду профессии представляют собой термины посвященного значения и не всегда указывают на социальное занятие человека.

Комар Намус и слон

Давным-давно жил-был комар по имени Намус, который за свой тонкий ум был прозван Проницательным. Однажды, поразмыслив о своей жизни и руководствуясь весьма благовидными и вескими причинами, Намус решил сменить жилище. Своим новым пристанищем он избрал ухо одного слона, ибо дом такого рода казался ему самым подходящим и удобным.

Итак, осталось только осуществить задуманное и вскоре Намус обосновался в просторном и очень уютном ухе.

Спустя какое-то время, Намус произвел несколько поколений комаров. В его жизни периоды напряженного труда чередовались с периодами отдыха и покоя, радость сменялась печалью, поиски увенчивались достижениями, словом, судьба его ничем не отличалась от судеб других комаров.

Ухо слона было его домом и, как бывает в таких случаях, он чувствовал, что вся его жизнь, его история, само его существо неразрывно связаны с этим местом. Это ощущение он постоянно поддерживал в себе, пока оно не стало частью его самого. Ухо было таким теплым, таким уютным, таким просторным. Здесь ему довелось так много всего пережить...

Переезжая в этот дом, Намус, естественно, не обошелся без приличествующих случаю церемоний вежливости. Прежде чем въехать в новое жилище, он изо всей мочи пропищал слону о своем решении.

– О слон, – закричал он, – знай, что никто иной, как я, комар Намус, по прозвищу Проницательный, собираюсь поселиться здесь. Но так как это твое ухо, то я желая соблюсти обычай, сообщаю тебе о моем решении.

Слон не возразил.

И Намус вселился, даже не подозревая, что слон его попросту не услышал. И если уж быть справедливым, то слон и не почувствовал вселения комара с его многочисленным семейством в свое ухо. Будучи от природы неучтивым созданием, он даже не знал о существовании какого-то там комара.

Но вот прошло какое-то время, и Намус, побуждаемый вескими причинами, решил снова сменить свое жилище.

Как и в начале, он решил, что сделать это он вправе только в соответствии с установленной и освященной веками традицией.

Он заранее стал готовиться к тому, чтобы объявить слону свое решение -покинуть ухо.

Итак, окончательно уверившись в своем решении и хорошо отрепетировав прощальный монолог, он прокричал его слону в самое ухо. Но не получил никакого ответа. Он крикнул еще раз, но слон по-прежнему хранил молчание. Тогда Намус, полный решимости заставить все-таки слона услышать его назойливые, но красноречивые слова, набрал полную грудь воздуха и в третий раз прокричал:

– О слон, знай, что я, Проницательный, намерен покинуть свой очаг и дом в твоём ухе, в котором я так долго прожил. И для этого у меня есть вполне веские основания, и я хочу их тебе изложить.

Наконец, слова комара достигли слуха слона, и он сумел их разобрать. Пока он их обдумывал, комар продолжал:

– Что ты мне ответишь на это? Каково твое мнение об этом?

Слон медленно поднял свою огромную голову и протрубил:

– Ступай с миром, ибо твой уход имеет для меня такое же значение, какое имел твой

приход.

Эта сказка о Проницательном, на первый взгляд может показаться язвительным намеком на предполагаемую бесполезность жизни. Такое понимание сказки, сказал бы суфий, говорит о невосприимчивости читателя.

Что по внутреннему смыслу должно быть подчеркнуто в этой истории, так это основной недостаток человеческих суждений об относительной значимости жизненных ценностей.

Человек полагает, что вещи, имеющие большое значение – неважны, тогда как обыденное, по его мнению, – существенно.

Эта история приписывается шейху Маламати Мактулу. Он основал орден Маламатийа.

Идиот, мудрый человек и кувшин

Идиотом может быть назван обычный человек, который склонен неверно истолковывать то, что случается с ним, что делает он сам или что делается другими. Причем он дает этому столь правдоподобные объяснения для себя и себе подобных, что мир, в котором он живет, кажется логически завершенным и истинным.

Такому идиоту однажды вручили кувшин и послали за вином к одному мудрому человеку.

По дороге он из-за своей невнимательности, споткнулся о камень, упал и разбил кувшин.

Придя к мудрецу, он показал ему ручку от кувшина и сказал:

– Такой-то человек послал вам этот кувшин, но злой и ужасный камень украл его у меня по пути сюда.

Эти слова весьма рассмешили мудрого человека, но желая все-таки проверить последовательность мышления идиота, он спросил:

– Если кувшин украли, зачем же ты принес ручку от него?

– Я не так глуп, как думают люди, – ответил идиот, – я принес тебе ручку в доказательство моих слов.

Среди дервишских учителей время от времени повторяется, что человек, как правило, не в состоянии раскрыть внутреннее направление событий, которое дало бы ему возможность в полной мере пользоваться своей жизнью.

Эта история, представленная английской аудитории Колонелом Вилнберфорсом Клаоком («Диван-и-Хафиз»), типична для суфийской литературы. Существует утверждение, что освоившие эту доктрину через подобные карикатурные иллюстрации, некоторые люди могут «повысить свою чувствительность» и постичь внутренний ход событий.

Приводимый здесь вариант взят из дервишской коллекции, приписываемой Пир-и-ду-Сара, «обладателю залатанной одежды».

Своенравная принцесса

Некогда жил-был один султан. Все, чему его научили с детства и во что он верил, было для него несомненной истиной. Но сам он был ограниченным и недалеким человеком, хотя во многом был справедлив.

У него было три дочери.

Однажды он призвал их к себе и сказал:

– Все, чем я владею, принадлежит или будет принадлежать вам. От меня вы получили жизнь. Только от меня зависит ваше будущее, а, значит, и ваша судьба.

Две старшие дочери, полные признательности и доверия к его словам, согласились с ним.

Но третья дочь, самая младшая, сказала:

– Хотя долг обязывает меня повиноваться тебе, все же не могу поверить в то, что моя судьба всегда должна зависеть от твоей воли.

– Мы проверим это, – сказал султан и тут же приказал заточить девушку в маленькую келью. В своей тюрьме принцесса провела несколько лет, в то время как ее послушные сестры привольно жили и наслаждались богатствами, которые могли бы принадлежать и ей.

Заточив свою дочь, султан сказал себе: «Моя дочь томится в келье по моей воле, а не по своей. Это в полной мере доказывает для всякого здравомыслящего ума, что не от нее, а именно от меня зависит ее судьба».

Жители той страны, прослышав о том, что случилось с принцессой, говорили друг другу: «Все мы знаем нашего правителя, и ничего дурного за ним не замечали. Раз он обошелся так со своей собственной дочерью, которая есть его плоть и кровь, значит, она сказала или сделала что-то очень плохое».

Они искренне думали так, потому что не достигли того уровня, чтобы обсуждать притязания султана на абсолютную правоту всегда и во всем.

Время от времени султан навещал свою дочь. Он заставлял ее каждый раз все более ослабевшей и изможденной. Но ничто не могло сломить ее.

Наконец, султан потерял терпение: «Твое упорное непослушание, – сказал он ей однажды, – только раздражает меня и, возможно, ослабит мой авторитет; я могу убить тебя, но у меня доброе сердце, поэтому я решил изгнать тебя из моего царства в дикую пустыню, где живут только звери и такие же безумцы, как ты, которые не смогли ужиться в нашем разумном обществе. Там ты скоро поймешь, можешь ли ты существовать без своей семьи, и если сможешь, то предпочтешь ли этот образ жизни нашему».

Его указ был тут же выполнен и принцессу прогнали из владений султана. Она оказалась на свободе, в дикой местности, в обстановке, ничуть не похожей на ту, к которой привыкла с детства. Но скоро принцесса поняла, что пещера может стать домом, орехи и фрукты, сорванные с дерева, так же вкусны, как поданные на золотых тарелках, что тепло исходит от солнца. Эта местность имела свой собственный климат и жила своей жизнью. Постепенно девушка приспособилась к новым условиям. Воду она брала из ручья, на земле отыскивала овощи, а огонь добывала из тлеющего дерева.

«Здесь, – сказала она себе однажды, – все элементы жизни находятся в гармонии друг с другом, составляют завершенность, которая ни целиком, ни в частностях неподвластна воле моего отца-султана».

И вот однажды заблудившийся путешественник, оказавшийся богатым и предприимчивым человеком, повстречался с принцессой. Он полюбил ее, увез в свою страну, и там они поженились.

Спустя некоторое время они снова вернулись в ту дикую местность и построили там огромный процветающий город, воплотивший в полной мере их мудрость, находчивость и веру.

«Безумцы» и другие изгнанники, населявшие дикую пустыню, многие из тех, кого считали сумасшедшими, смогли существовать в полной гармонии со всем, что их окружало.

Слава об этом городе разнеслась по всему свету. Его могущество и красота затмили красоту и могущество государства, которым правил отец принцессы.

По желанию всех жителей принцесса и ее муж стали правителями этого нового и идеального государства.

В конце концов, старый султан решил посетить загадочный и чудесный город, возникший в пустыне и населенный, как он слышал, теми, кого он и ему подобные презирали.

Итак, он прибыл в город. Низко склонившись в поклоне, султан приблизился к подножию трона, на котором восседала молодая чета, и подняв глаза, чтобы увидеть тех, чья справедливость, богатство и понимание превзошли его собственные, услышал тихий голос своей дочери:

– Видишь, отец, каждый человек имеет свою судьбу и возможность выбирать.

Султан Саладин, как повествует суфийский манускрипт, встретил великого учителя Ахмеда аль-Рифаи, основателя ордена Рифаийя, «завывающих дервишей», и задал ему несколько вопросов:

«Почему вы убеждены, что правила и закон недостаточны для сохранения счастья и справедливости?»

Их встреча произошла в 1174 году. Но эта история, известная из несуфийских источников, используется для того, чтобы проиллюстрировать возможность «другого состояния сознания» у человека.

Наследство

Один человек, умирая вдали от своего дома, составил завещание, в котором распорядился своим имуществом в следующих словах: «Пусть община, живущая там, где расположены мои земли, возьмет из них то, что пожелает, и пусть то, что она пожелает, отдаст Ариффу Смиренному».

В то время Ариф – молодой человек, не создавший себе еще никакого положения – был самым незначительным членом этой общины. Поэтому старшие члены забрали себе из завещанных наделов то, что пожелали, согласно завещанию, Ариффу же достался самый ничтожный клочок, на который не нашлось никаких охотников.

Прошло много лет, и вот Ариф, возмужав и поумнев, потребовал у общины свою законную долю. Но старшие сказали ему: «Мы выделили тебе то, что причиталось тебе по завещанию».

Они в самом деле считали, что это так, потому что завещатель велел взять то, что они пожелают.

И вдруг в самый разгар спора перед ними возник незнакомый человек; суровость его лица и внушительный вид тут же приковали к нему взоры всех присутствующих. Он сказал: «Значение завещания состояло в том, что вы должны отдать Ариффу то, что вы желаете для себя, ибо он может лучше вас распорядиться наследством».

Эти слова так подействовали на старших, что в момент прозрения они вдруг поняли истинный смысл фразы: «Пусть то, что они пожелают, отдадут Ариффу».

– Знайте, – продолжал неизвестный, – что если бы завещатель открыто объявил Арифа своим наследником, он был бы бессилён помешать общине узурпировать его владения. По крайней мере, наследство уменьшилось бы. Поэтому он доверил все вам, предвидя, что если вы будете считать это наследство своей собственностью, то будете заботиться о нем и сохраните его для Арифа. Вот почему, заботясь о сохранении и передаче своих богатств в верные руки, он составил столь мудрое завещание. Теперь как раз пришло время возвратить их законному владельцу.

Итак, наследство возвратилось к истинному наследнику благодаря тому, что старшие не сумели увидеть правду.

Суфийское учение о том, что люди желают для себя то, что они должны желать для других, подчеркнуто в этой истории. Ее рассказал сейид Кхаус аль-Шах, святой из ордена Кадирийа.

Эта идея сама по себе не оригинальна, хотя в фольклоре сказание служит иллюстрацией того, что наследство в конце концов возвращается к достойным наследникам, несмотря на то, что в течение многих лет они были бессильны отстоять его.

В некоторых дервишских кругах сказанию дают следующее толкование: «Ты владеешь многими дарами, которые тебе даны только на время; когда ты поймешь это, ты сможешь вернуть их законному владельцу».

Один человек, измученный бесконечными неудачами, поклялся, что, если несчастья оставят его, он продаст свой дом и раздаст все деньги, которые получит за него, нищим.

Через некоторое время судьба стала милостивой к нему, и он вспомнил о своей клятве. Но ему не хотелось терять так много денег и тогда он придумал выход из положения.

Он объявил, что продает свой дом, но с кошкой в придачу. За дом он просил одну серебряную монету, а за кошку – десять тысяч.

Вскоре пришел покупатель и купил дом и кошку. Одну монету, полученную за дом, человек отдал беднякам, а десять тысяч, вырученные за кошку, оставил себе.

Многие люди мыслят так же, как этот человек. Они решают следовать какому-нибудь учению, но свою связь с ним истолковывают так, как им выгодно. До тех пор, пока они не преодолеют этой тенденции путем особой тренировки, они вообще не смогут учиться.

Согласно дервишскому рассказчику, шейху Насир ад-дин Шаху, в этой притче иллюстрируется умышленный обман или, возможно, извращенный ум, бессознательно создающий подобного рода обман.

Настоящий вариант рассказа, приписываемый ему, взят из устных преданий ордена Чишгийя.

Притча используется для того, чтобы ознакомить с психологической техникой, имеющей целью сделать ум стабильным, исключить для него возможность самообмана.

Идиот в большом городе

К пробуждению можно прийти различными путями. Но только один путь является правильным. Человек спит; он должен пробудиться правильным способом. Послушайте историю об одном невежественном человеке, который проснулся неправильно.

Глупец попал однажды в огромный город и, увидев на улицах множество спящих туда-сюда людей, оторопел. На ночь он устроился в караван-сарай, но боясь, что утром не сможет найти себя в этой толпе людей, прежде чем уснуть, привязал к ноге тыкву.

Один шутник, наблюдая за ним, все понял. Он дождался, пока глупец заснул, и отвязал от его ноги тыкву и привязал к своей. Затем улегся рядом и уснул. Проснувшись утром, глупец первым делом стал искать тыкву. Увидев ее на ноге другого человека, он решил, что тот человек и есть он сам. В совершенном смятении он растолкал того человека и закричал: «Если ты – это я, то скажи мне, ради небес, кто я и где я?»

Эта сказка дошла до нас в великом духовном классическом произведении «Саламан и Абсаль» мистика XV столетия Абдурахмана Джамии.

Он родился на берегах Оксаса, а умер в Герате, оставив после себя славу величайшего персидского поэта.

Джами вызывал яростные нападки святош своей откровенностью и особенно заявлением, что он никого не считает своим учителем, кроме собственного отца.

Как возникло предание

Давным-давно существовал город, состоящий из двух параллельных улиц. Однажды один дервиш перешел с одной улицы на другую, и жители этой улицы заметили, что глаза его полны слез. «Кто-то умер на соседней улице», - закричал один из них, и тут же все дети, игравшие поблизости, подняли крик.

На самом же деле дервиш плакал от того, что незадолго до этого чистил лук.

Но шум все нарастал, и его вскоре услышали на соседней улице. Жители обеих улиц были так опечалены и испуганы, вообразив, что у соседей несчастье, что не решились даже поинтересоваться о причине переполоха.

Один мудрый человек, пытаясь успокоить их, посоветовал им спросить друг у друга, что случилось.

Слишком возбужденные, чтобы внять его совету, они отвечали: «Мы и так знаем, что наших соседей постигло большое несчастье».

Это известие распространилось со сверхъестественной быстротой, и вскоре уже никто из жителей двух улиц не сомневался, что у соседей стряслась беда.

Немного придя в себя, и те и другие решили немедленно покинуть эти места и таким образом спасти свои жизни.

Обе общины снялись со своих насиженных мест и направились в противоположные стороны.

С тех пор прошли века, и город тот по-прежнему безлюден. По обе стороны от него, недалеко друг от друга расположены два селения. Жители обоих селений из поколения в поколение передают предание о том, что когда-то вовремя убежали из обреченного города, в котором жили, и спаслись от неизвестного бедствия.

В своих психологических учениях суфии заявляют, что знание, передаваемое обычным путем, подвергается стольким искажениям (а это обусловлено произвольными редакциями и лживыми записями), что оно уже не в состоянии донести непосредственный факт.

Иллюстрирующий субъективность человеческого мышления, рассказ «Как возникло предание» взят из обучающей книги «Асрар-и-Кхалватия» («Тайны отшельников»), автором которой является шейх Каландар Шах из ордена Сухравардийа.

Фатима-прядильщица

Некогда в одном городе на далеком Западе жила девочка по имени Фатима. Она была дочерью процветающего прядильщика. Однажды отец сказал ей: «Дочь моя, собирайся в путь. Мы отправляемся в путешествие. У меня есть кое-какие дела на островах Средиземного моря. Может быть, там тебе встретится красивый юноша с хорошим будущим, который полюбит тебя, и вы поженитесь».

Итак, они отправились в путешествие от острова к острову. Отец занимался своими торговыми делами, а Фатима проводила время в мечтах о будущем муже. Однажды, когда они плыли в сторону Крита, их застиг ужасный шторм, и корабль пошел ко дну. Фатиму, потерявшую сознание, волнами вынесло на берег, недалеко от Александрии. Отец и все, кто был на корабле, погибли, и она осталась одна без всякой поддержки.

Сцена кораблекрушения и длительное пребывание в открытом море так на нее повлияли, что о прошлой жизни у нее остались только смутные воспоминания.

Очнувшись, она встала и побрела по берегу. Вскоре она наткнулась на семью одного ткача. Это были бедные люди, но проникшись состраданием к ней, они взяли ее в свое убогое жилище и обучили своему ремеслу.

Для нее началась вторая жизнь. Год или два она прожила с ними вполне счастливо и была довольна своей судьбой. Но однажды, когда вышла на берег, ее схватили работорговцы, отвели на корабль и вместе с другими невольниками увезли.

Сетования и горькие жалобы Фатимы не вызвали у этих людей ни капли жалости: они привезли ее в Стамбул, чтобы продать там как рабыню.

На невольничьем рынке было несколько покупателей. Один из них искал себе раба, который мог бы работать в его цехе по изготовлению корабельных мачт. Несчастный вид Фатимы привлек его внимание и, желая облегчить ее участь, он купил девушку, так как считал, что у него ей будет лучше, чем у другого хозяина.

Он привез Фатиму к себе, решив отдать ее в услужение жене. Но дома его поджидало печальное известие: корабль с его товаром, в который он вложил весь свой капитал, был захвачен пиратами. Теперь он не мог позволить себе содержать рабочих и ему, его жене и Фатиме пришлось самим заняться изготовлением мачт.

Фатима, благодарная хозяину за его доброту, так прилежно работала, что вскоре он даровал ей свободу, и она стала его доверенным лицом и помощником. Итак, для нее началась третья жизнь, и она почувствовала себя вполне счастливой. Как-то хозяин сказал ей: «Фатима, я хочу, чтобы ты отправилась в качестве моего агента на Яву с грузом мачт и выгодно продала их там».

И вот Фатима пустилась в плавание, но у берегов Китая мощный тайфун обрушился на ее корабль и потопил его. Каким-то чудом девушке снова удалось спастись, и она очнулась на незнакомой земле. Придя немного в себя, она стала громко плакать о своей несчастной судьбе. Как только ее жизнь, казалось бы, приближается к благополучию, безжалостный рок разрушает все ее надежды. «Почему так случается, – восклицала она, – за что бы я ни взялась, всегда меня ждет неминуемая неудача. Почему на меня валится столько несчастий?» Но ей никто не ответил, и она, заставив себя подняться, пошла куда глаза глядят.

Хотя никто в Китае никогда ничего не слышал о Фатиме и не знал о ее испытаниях, всем, однако, была известна древняя легенда о том, что какая-то чужестранка прибудет однажды в их страну и сделает шатер для их императора. Так как никто в Китае не умел делать шатров, все с живейшим интересом ждали выполнения этого предсказания.

Чтобы не пропустить этой женщины, когда она прибудет, каждый китайский император по

тридцати раз в год посылал во все города и деревни гонцов, которые должны были доставлять в столицу всех чужестранок.

Когда Фатима добрела до ближайшего приморского города, там как раз был оглашен императорский указ о чужестранках, и люди, заметив ее, поняли, что она издалека, и привели к императорским посланцам.

Фатиму доставили ко двору и провели в тронный зал. Сын Неба спросил ее: «Девушка, сумеешь ли ты сделать нам шатер?»

– Думаю, что сумею, – ответила Фатима.

Итак, ей отвели помещение, и она принялась за работу. Прежде всего ей понадобилась веревка. Но никто даже не знал, что это такое. Тогда Фатима, вспомнив свое первое ремесло прядильщицы, насобирала льна и свила веревку. Затем она велела принести прочной материи, но во всем Китае не оказалось такой материи, которая ей была нужна. Вспомнив, чему обучилась у александрийских ткачей, она соткала прочное полотно. Наконец, чтобы окончить работу, ей понадобились шесты, но их не оказалось во всем царстве. Тут ей пригодилось умение делать мачты, приобретенное в Стамбуле. Она ловко смастерила надежные шесты.

Закончив работу, она стала припоминать, как выглядели всевозможные шатры, которые она видела в своих скитаниях по свету, и, наконец, собрала шатер.

Когда это чудо показали императору, он был так восхищен, что обещал Фатиме исполнить любое ее желание. Она пожелала остаться в Китае, где вскоре вышла замуж за прекрасного принца, с которым прожила долгую и счастливую жизнь, оставив после себя многочисленное потомство.

Таким образом, Фатима поняла, что то, что казалось ей в свое время тяжелыми испытаниями, неожиданно обратилось в необходимый опыт, который помог ей достичь конечного счастья.

Эта история хорошо известна из греческого фольклора, многие произведения которого несут в себе идеи, созвучные основным идеям дервишей и их легенд. Приводимый вариант рассказа приписывается шейху Мухаммаду Джамал ад-дину из Адрианополя. Он основал орден Джамалийя («Прекрасный»).

Ворота в рай

Давным-давно жил-был один добрый человек. Всю свою жизнь он следовал высоким заповедям, ибо надеялся после смерти попасть в рай. Он раздавал щедрую милостыню нищим, любил своих ближних и помогал им. Помня, как важно обладать стойким терпением, он с достоинством переносил самые тяжелые и неожиданные испытания, жертвуя многим ради других. Время от времени он совершал путешествия в поисках знания. Его смирение и образцовое поведение снискали ему славу мудрого человека и уважаемого гражданина, которая разнеслась с Востока на Запад и с севера на юг.

Все эти достоинства он культивировал в себе всякий раз, когда вспоминал о них. Но был у него один недостаток – невнимательность. Это качество не имело над ним большой власти, и он считал, что, по сравнению с его достоинствами, невнимательность – весьма незначительный недостаток. Так, нескольких нуждавшихся людей он оставлял иногда без помощи, потому что порой не замечал их нужду. Любовь и служение также иногда оказывались забытыми, когда он был поглощен своими личными нуждами или даже желаниями.

Он любил спать и часто засыпал именно в те моменты, которые были благоприятны для поиска знания или для понимания его, для практики подлинного смирения или когда можно было бы увеличить число добрых дел – такие возможности он просыпал, и они больше не возвращались.

Невнимательность оказывала не меньшее влияние на его сущностное "я", чем добрые качества.

И вот однажды он умер. Обнаружив себя за пределами этой жизни, добрый человек направился к райской обители. Пройдя немного, он решил передохнуть, чтобы проверить свою совесть. Все тщательно взвесив, он пришел к выводу, что вполне достоин войти в райские чертоги, и продолжил свой путь.

Подойдя к райским воротам, он увидел, что они закрыты, и в этот момент услышал голос, обращенный к нему: «Будь внимателен, ибо ворота открываются только раз в сто лет».

Добрый человек устроился неподалеку в ожидании, взволнованный открывшейся перспективой. Не будучи занят как обычно совершением добродетельных поступков, он обнаружил, что у него плохо развито внимание. В течение некоторого времени, которое ему показалось целым веком, он старался не заснуть, но в конце концов голова его склонилась на грудь и сон на какое-то мгновение смежил веки. И в этот миг ворота широко распахнулись. Но прежде чем он успел открыть глаза, они захлопнулись с шумом и грохотом, которые могли бы разбудить и мертвого.

Это любимое поучение дервишей иногда называется «Притчей о невнимательности». Несмотря на то, что эта история широко известна как народная сказка, сведения о ее происхождении утеряны. Некоторые приписывают ее Хадрагу Али, четвертому халифу, другие говорят, что она так важна, что могла быть тайно передана самим Пророком. Ее, конечно, нельзя встретить ни в одном из достоверных хадисов Пророка.

Литературная форма, в которой она представлена здесь, позаимствована из работ одного неизвестного дервиша XVII века Амиль Бабы, в которых подчеркивается, что «истинным автором является тот, чьи писания анонимны, так как в этом случае никто не становится между изучающим и предметом изучения».

Человек, который помнил о смерти

Однажды один дервиш сел на корабль, чтобы отправиться в морское путешествие. Увидев его на борту корабля, другие пассажиры, как водится в таких случаях, стали один за другим подходить к нему за напутствиями. Всем им он говорил одно и то же, и, казалось, просто повторял одну из тех формул, которые каждый дервиш время от времени делает объектом своего внимания. Он говорил: «Зная, что твой конец неминуем, помни о смерти».

Почти никто из путешественников не обратил особого внимания на этот совет.

Но вот корабль поплыл. Много ли, мало ли он плыл, только вскоре разыгрался свирепый шторм. Матросы, а вместе с ними и все пассажиры в панике повалились на колени и стали молиться Богу. Считая себя почти погибшими, они по очереди возносили к небесам неистовые молитвы, ожидая помощи свыше.

Все это время дервиш без всякого движения сидел в стороне и спокойно о чем-то размышлял. Всеобщая паника словно бы его не касалась.

Наконец, ветер утих, море успокоилось и из-за туч выглянуло ясное солнце. Придя в себя, пассажиры обратили внимание на безмятежность дервиша и вспомнили, какое спокойствие он хранил среди всеобщего ужаса. «Разве вы не осознавали во время этого шторма, что только одни доски отделяли нас от смерти?» – спросил один из них.

– О да, конечно, – ответил дервиш, – я знал, что на море всегда так, но еще на суше я размышлял над тем, что в обычной жизни, среди самых повседневных событий, нечто еще менее прочное отделяет нас от смерти.

Эта история принадлежит Байазиду из Бистама – местности, расположенной на южном побережье Каспийского моря. Он был одним из величайших суфиев древности.

Его дед был зороастрийцем, и Байазид проходил курс эзотерического развития в Индии. Так как его мастер Абу Али из Синда, был недостаточно знаком с внешними ритуалами ислама, некоторые ученые предполагали, что Абу Али был индуистом и что Байазид фактически обучался индийским мистическим методам. Однако ни один из суфийских авторитетов, достойных доверия, не соглашается с этим.

Последователи Байазиды входят в орден Бистамийа.

Вспыльчивый человек

Жил-был человек, который по малейшему поводу впадал в гнев. Многие годы наблюдая за собой, он пришел к выводу, что вся его жизнь полна непреодолимых трудностей из-за его вспыльчивости.

И стал он думать, как ему избавиться от этой черты. Прослышав об одном дервише, что тот обладает глубоким знанием, он пошел к нему за советом.

Дервиш сказал ему: «Ступай по такой-то дороге, пока не придешь к перепутью, где увидишь засохшее дерево. Стань под этим деревом и каждому прохожему предлагай напиться воды».

Человек сделал, как ему было сказано. Прошло много дней, и люди стали его примечать: повсюду разнеслись слухи, что он дал обет творить милостыню и следует особому курсу самокон-троля под руководством совершенного мудреца.

Однажды один путник, который, видимо, очень торопился, отвернул голову, когда тот человек предложил ему напиться воды, и поспешно продолжал свой путь. Вспыльчивый человек крикнул ему вдогонку: «Постой, ответь на мое приветствие и испей воды, которую я предлагаю всем путникам!» Но тот даже не обернулся. Он еще несколько раз окликнул его, но не получил никакого ответа.

Возмущенный такой неучтивостью, человек тут же обо всем позабыл. Он быстро снял свое ружье, висевшее на сухом дереве, прицелился в удаляющегося грубияна и выстрелил.

Пешеход замертво повалился на землю, и в тот же миг произошло чудо: сухое дерево расцвело.

Сраженный пулей оказался закоренелым убийцей и был как раз на пути к совершению самого ужасного преступления в своей жизни.

Итак, как видите, есть два рода советчиков. Первые чисто механически повторяют какие-то установленные принципы. Вторые – это люди знания. Те, кто встречает людей знания, ждут от них нравочений и относятся к ним, как к моралистам. Но цель этих людей служить истине, а не оправдывать благочестивые надежды.

Дервиш, фигурировавший в этой истории, говорят, никто иной, как Хаджи ад-дин Кубра – один из величайших суфийских святых. Он основал орден Кубравийа («Величайшее братство»), который имеет много общего с основанным позднее орденом святого Франциска. Как и святой из Асиза, Хаджи ад-дин прославился своей сверхъестественной властью над животными.

Хаджи ад-дин был одним из шестисот тысяч горожан, погибших во время разрушения Хорезма в 1221 году. Утверждают, что монгольский завоеватель Чингиз-хан, зная о его славе, обещал сохранить ему жизнь, если он добровольно сдастся. Но Хаджи ад-дин Кубра вышел вместе с другими на защиту города и позднее был найден среди убитых.

Предвидя эту катастрофу, Хаджи ад-дин незадолго до нашествия монгольских орд отпустил от себя своих учеников и направил их в безопасные места.

Собака и осел

Один человек изучил язык животных. Однажды он прогуливался по деревне, как вдруг его внимание привлек какой-то шум. В конце улицы он увидел осла, отчаянно ревущего на собаку, которая что есть сил лаяла на него.

Человек приблизился и стал слушать.

– Все это говорит только о траве и пастбищах, – говорила собака, – я же хочу тебе поведать о мясе и костях, ибо я этим питаюсь.

Тут человек не мог более сдерживаться и вмешался в их разговор:

– Вы могли бы придти к чему-то общему, если бы поняли, что полезность сена подобна полезности мяса.

Животные резко обернулись к незванному гостю. Собака на него свирепо залаяла, а осел так сильно его лягнул задними ногами, что он свалился без чувств.

Не обращая на него более никакого внимания, собака и осел продолжили свой спор.

Эта басня, напоминающая одну из басен Руми, взята из знаменитой коллекции Меджнуна Каландара.

В течение сорока лет он странствовал по свету и рассказывал на базарных площадях обучающие истории. Одни говорят, что он был сумасшедшим (его имя так и переводится), другие – что он один из «преображенных», развивших в себе способность воспринимать связь между такими вещами, которые обычному человеку кажутся ничем не связанными.

Туфли благочестивых людей

Два благочестивых и достойных человека вошли в мечеть в одно и то же время. Первый снял свои туфли и, аккуратно придвинув друг к дружке, оставил их за дверь. Второй тоже снял туфли, сложил их подметками и, сунув за пазуху, вошел в мечеть.

Это событие возбудило спор между другими благочестивыми и достойными людьми, которые сидели у входа и все видели. Они решили выяснить, кто из этих двух поступил лучше. «Человек вошел в мечеть босой – так не лучше ли было оставить свою обувь за дверь?»

«Мы не учитываем одного: он мог взять с собой туфли для того, чтобы они ему напоминали в священном месте о должном смирении, – возразил другой».

Но вот те люди, совершив молитву, вышли на улицу. Спорщики, разделившись на два лагеря, окружили каждый своего героя и стали расспрашивать, чем были продиктованы их поступки.

Первый человек сказал: «Я оставил свои туфли за дверь, руководствуясь вполне обычными соображениями: если бы кто-нибудь захотел их украсть, он имел бы возможность побороть свое греховное искушение и таким образом приобрел бы заслугу для будущей жизни».

Слушатели были восхищены благородным образом мыслей этого человека, который так мало заботился о своей собственности и отдался на волю случая.

В это же время второй человек объяснил своим сторонникам: «Я взял туфли с собой потому, что, оставь я их на улице, они могли бы возбудить соблазн в душе какого-нибудь человека. Тот, кто поддастся бы искушению и украл их, сделал бы меня сообщником на страшном суде». Мудрость и благородство этого человека привело в восторг всех, кто его слушал.

Но в этот момент другой человек, присутствующий среди них, который был настоящим мудрецом, воскликнул:

– О слепцы! Пока вы здесь предавались возвышенным чувствам, развлекая друг друга примерами благородства, произошло нечто реальное.

– Что произошло? – спросили все разом.

– Никто не был искушен туфлями, – продолжал мудрец, – никто не был искушаем туфлями. Предполагаемый грешник не прошел мимо них. Вместо этого в мечеть вошел другой человек. У него не было туфель совсем, так что он не мог ни оставить их снаружи, ни внести их внутрь. Никто не заметил его поведения. А сам он меньше всего думал о том, какое впечатление он произведет на тех, кто на него смотрит или не смотрит. Но благодаря реальной искренности его молитвы сегодня в этой мечети самым непосредственным образом помогли всем потенциальным вора, которые могли или не могли украсть туфли или могли бы исправиться, устояв перед искушением.

Разве вы не поняли еще, что практика благочестия, какой бы прекрасной она ни была сама по себе, теряет свою ценность, когда узнаешь о существовании реальных мудрецов.

Это сказание приводится довольно часто. Оно взято из учений ордена Килватийя («Затворники»), основанного Омаром Килвати.

В ней иллюстрируется аргумент, общеизвестный среди дервишей: те, кто развивает в себе особые внутренние качества, оказывает большее влияние на общество, чем те, кто пытается действовать только согласно определенным моральным принципам. Первые называются «люди реального действия», а вторые – «те, кто не знает, но играет в знание».

Человек, который ходил по воде

Один ограниченный дервиш из религиозно-аскетической школы прогуливался по берегу реки, размышляя над моральными и схоластическими проблемами, ибо в школе, к которой он принадлежал, суфийские учения применялись именно в таком духе. Сентиментальную религию дервиш принимал за поиски конечной истины.

Вдруг чей-то громкий голос, донесшийся с реки, прервал его размышления. Он прислушался и услышал дервишский призыв. "Этот человек занимается бесполезным занятием, – сказал он себе, – потому, что неправильно произносит формулу. Вместо того, чтобы произносить «йа ха», он произносит «а йа ха».

Подумав немного, дервиш решил, что как более внимательный и прилежный ученик, он обязан научить этого несчастного, который, хотя и лишен возможности получать правильные указания [от постоянного Учителя], все же изо всех сил, по-видимому, старается привести себя в созвучие с силой в этих звуках.

Итак, он нанял лодку и поплыл к острову, с которого доносился голос.

На острове в каменной хижине он увидел человека в дервишской одежде, время от времени громко повторяющего все так же неправильно посвятительную формулу.

– Мой друг, – обратился к нему первый дервиш, – ты неправильно произносишь священную фразу. Мой долг сказать тебе об этом, ибо приобретает заслугу как тот, кто дает совет, так и тот, кто следует совету. – И он рассказал ему, как надо произносить призыв.

– Благодарю тебя, – смиренно ответил второй дервиш.

Первый дервиш сел в лодку и отправился в обратный путь, радуясь, что совершил доброе дело. Ведь кроме всего прочего он слышал, что человек, правильно повторяющий священную формулу, может даже ходить по воде. Такого чуда он ни разу в своей жизни не видел, но почему-то верил, что оно вполне возможно.

Некоторое время из тростниковой хижины не доносилось ни звука, но дервиш был уверен, что его усилия не пропали зря.

И вдруг до него донеслось нерешительное «а йа...» второго дервиша, который опять по-старому начинал произносить звуки призыва.

Дервиш начал было размышлять над тем, до чего же все-таки упрямы люди, как они закоснели в своих заблуждениях, и вдруг замер от изумления: к нему прямо по воде, как посуху, бежал второй дервиш. Первый дервиш перестал грести и, как замороженный, не мог оторвать от него взгляда.

Подбежав к лодке, второй дервиш сказал:

– Брат, прости, что я задерживаю тебя, но не мог бы ты снова разъяснить мне, как должна по всем правилам произноситься формула? Я ничего не запомнил.

Мы можем передать лишь одно из многих значений этой сказки, потому что в арабских текстах обычно используются омонимы – слова, одинаковые по звучанию, но имеющие разный смысл. Такое свойство языка свидетельствует о том, что он пришел к нам от более древних культур и предназначен для того, чтобы глубже описать сознание, а также нечто, связанное с внешней моралью.

Помимо того, что это сказание представлено в популярной литературе на Востоке, находящейся в обращении, оно встречается в дервишских манускриптах, иногда очень древнего происхождения.

Настоящая версия принадлежит ордену Ассасинийя («Сущностный», «Первоначальный»),

существующему на Ближнем и Среднем Востоке.

Муравей и стрекоза

Благоразумный и упорный муравей смотрел на цветочный нектар, как вдруг на цветок ринулась стрекоза, попробовала нектара и отлетела, потом снова подлетела и присосалась к цветку.

– И как только ты живешь без работы и без всякого плана? – сказал муравей. – Если у тебя нет ни реальной, ни относительной цели, какова же особенность твоей жизни и каким будет ее конец?

Стрекоза ответила:

– Я счастлива и больше всего люблю удовольствия. Это и есть моя жизнь и моя цель. Моя цель – не иметь никаких целей. Ты можешь строить для себя какие угодно планы; но ты не сможешь убедить меня в том, что я несчастлива. Тебе – твой план, а мне – мой.

Муравей ничего не ответил, но подумал: «То, что для меня очевидно, от нее скрыто. Она ведь не знает, каков удел муравьев. Я же знаю, каков удел стрекоз. Ей – ее план, мне – мой».

И муравей пополз своей дорогой, ибо сделал все, что было в его силах, чтобы предостеречь стрекозу.

Прошло много времени, и их дороги опять сошлись.

Муравей заполз в мясную лавку и, примостившись под чурбаком, на котором мясники рубили мясо, стал благоразумно ожидать своей доли. Вдруг в воздухе появилась стрекоза. Увидев красное мясо, она стала плавно снижаться на чурбан. Только она уселась, огромный топор мясника резко опустился на мясо и разрубил стрекозу надвое.

Половинка ее тела скатилась вниз, прямо под ноги муравью. Подхватив добычу, муравей поволок ее в свое жилище, бормоча себе под нос: «Твой план закончился, а мой продолжается. „Тебе – твой план“ больше не существует, а „мне – мой“ начинает новый цикл. Наслаждение казалось тебе важным, но оно мимолетно. Ты жила ради того, чтобы поесть и в конце концов самой быть съеденной. Когда я тебя предостерегал, ты решила, что я брызга и отравляю тебе удовольствие».

Почти такая же притча встречается в «Божественной книге» Аттара, хотя там она имеет несколько иное значение. В настоящем варианте история была рассказана одним бухарским дервишем возле гробницы аль-шаха Бахааддина Накшбанда семь столетий назад. Она взята из суфийской записной книжки, сохранившейся в Великой мечети Джелалабада.

Сказание о чае

В древние времена рецепт приготовления чая был известен только в Китае. Слухи о чае распространяясь по всему свету, дошли до мудрецов и невежд, и каждый пытался как можно больше узнать о нем, в соответствии с тем, каким он его себе представлял.

Король Инджа («Здесь») снарядил в Китай посольство, которое получило от китайского императора немного чая для своего правителя. Но увидев, что даже простые китайские крестьяне пьют чай, посланники Инжда решили не привозить своему султану столь грубый напиток, к тому же они были убеждены, что китайский император обманул их и вместо небесного напитка подсунул какую-то дрянь.

Между тем величайший философ из Анджа («Там») собрал все, какие только мог, сведения о чае и пришел к выводу, что это некая субстанция, которая в самом деле существует, но редко встречается и принадлежит к порядку вещей, мало известных. Ибо о нем нельзя было сказать ничего определенного: трава это или вода, зеленый он или черный, горький или сладкий?

В странах Кашиш и Бебинев на протяжении целых столетий люди пробовали все травы, какие им только попадались. Многие травы оказались ядовитыми, чем весьма разочаровали исследователей. А так как никто не завез в их земли семена чайных кустов, все их поиски были тщетными. Они перепробовали все-возможные жидкости, но с тем же успехом.

На территории Мезхаба при исполнении религиозных обрядов процессия жрецов перед толпой верующих провозила небольшой ларь, наполненный чаем. Но никому и в голову не приходило приготовить из него напиток. Они даже не знали, как это делается. Все были убеждены, что чай сам по себе обладает магическими свойствами. Однажды один мудрый человек сказал: «Вы невежды! Полейте его кипящей водой». Но его тут же схватили и распяли, потому что, согласно их вере, такие действия могли бы разрушить свойства чая. Подобный совет мог дать только отъявленный еретик и враг религии.

Незадолго до смерти мудрый человек раскрыл секрет приготовления чая небольшому кругу людей. Этим людям удалось сохранить немного чая, и они тайно приготавливали его и пили. Один человек, застав их за чаепитием, спросил: «Что вы делаете?» Они ответили ему: «Это лекарство, которым мы лечимся от одной болезни».

Итак, одни видели чайные кусты, но не обращали на них никакого внимания. Другие предлагали его испробовать, но люди отказывались, полагая, что это напиток для простых людей. Третьи владели чаем, но вместо того, чтобы пить его, поклонялись ему. За пределами Китая лишь несколько человек пили чай, да и то в строгой тайне.

Но вот пришел человек знания и сказал купцам, занимающимся чайной торговлей, любителям чая и другим:

– Тот, кто испытал, – знает. Кто не испытал – не знает. Вместо того, чтобы произносить пустые речи о небесном напитке, предлагайте его людям на ваших пирах. Те, кому чай понравится, попросят еще. Те же, кому он не понравится, покажут этим, что недостойны сделаться его почитателями. Закройте лавки красноречия и таинственности и откройте чайханы опыта.

Итак, от города к городу, от села к селу потекли по Шелковому Пути караваны с чаем. Купцы, чем бы они ни торговали – нефритом, драгоценными камнями или шелком – останавливались на отдых, приготавливали чай, если умели, и предлагали его местным жителям, знали те о нем или нет. Так появились чайханы, которые строились на всем пути от Пекина до Бухары и Самарканда. И те, кто пробовали, – знали.

Вначале, как всегда бывает, чаем заинтересовались только великие и проницательные

мыслители, давно искавшие небесный напиток.

Их отношение к чаю сводилось к таким стереотипным фразам: «Но ведь это обыкновенная сушеная трава» или «Почему ты кипятишь воду, чужестранец? Ведь я прошу у тебя небесного напитка». А иные из них говорили: «Как мне знать, что это такое. Докажите, что это чай. Да и цвет вашей жидкости не золотой, а коричнево-желтый».

Когда истина сбросила с себя покров тайны и чай стал доступен всем, кто хотел его попробовать, роли людей поменялись, и те, кто высказывались теперь подобно этим мудрецам, оказались в дураках.

Такая ситуация сохраняется и по сей день.

Всевозможные напитки традиционно символизируют в литературе поиск высшего знания.

Кофе, самый новый из общепринятых напитков, был открыт дервишским шейхом Абу аль-Хасаном Шадхили в Мекке (Аравия).

Хотя суфии и другие люди вполне ясно заявляют, что «магические напитки» (вино, вода жизни) являются аллегорией особого опыта, буквалисты склонны верить, что происхождение подобных мифов связано с открытием наркотических или опьяняющих свойств алкоголя. По мнению дервишей, подобные представления отражают неспособность поверхностных исследователей понять, что сами дервиши пользуются аналогиями.

Это сказание взято из учения мастера Хамадени; учителя великого Йасави из Туркестана.

Король, решивший стать щедрым

Жил-был в Иране султан. Однажды он попросил дервиша рассказать какую-нибудь историю.

Дервиш начал так: "Ваше величество, я расскажу вам историю о Хаким Тае, аравийском султানে, который был самым щедрым человеком от сотворения мира. И если вы сумеете стать таким же щедрым, как он, вы воистину прославитесь как величайший правитель на свете.

– Рассказывай, – произнес султан, – но знай, если твоя история придется мне по душе, ты заплатишься головой за то, что навлек тень сомнения на мою щедрость.

А сказал он так потому, что при персидском дворе полагалось говорить монарху, что тот уже имеет все самые высшие качества, какие только можно приобрести в мире в прошлом, в настоящем и в будущем.

– Чтобы походить на Хаким Тая, – продолжал дервиш как ни в чем не бывало (ибо дервишей не так-то просто утратить), нужно и в буквальном смысле и по духу превзойти щедростью всех людей.

И дервиш рассказал такую историю:

"Один завистливый султан, правивший соседним с Аравией государством, пожелал завладеть богатствами, деревнями, оазисами, верблюдами и солдатами Хаким Тая и послал к Хакиму гонцов с таким посланием: «Ты должен добровольно сдаться мне, иначе я пойду на тебя войной и разорю все твое царство, а тебя самого захвачу в плен».

Когда гонцы передали это предупреждение, советники Хаким Тая предложили ему готовиться к войне.

– Все твои подданные, и мужчины и женщины, все, кто способен держать в руках оружие, готовы сразиться с врагом и, если надо, сложить головы на поле брани за своего любимого султана, – сказали они.

Но Хаким, ко всеобщему удивлению, ответил так:

– Я не желаю возлагать на вас бремя своей власти и проливать ради себя вашу кровь. Лучше я уступлю ему престол, ибо не годится щедрому жертвовать ради себя хотя бы одной человеческой жизнью. Если вы по доброй воле сдадитесь на его милость, он удовлетворится тем, что сделает вас своими подданными и обложит умеренной данью, зато вы сохраните свои жизни и имущество. Но если вы окажете ему сопротивление, он, в случае победы, по законам войны будет вправе всех вас истребить или обратить в своих рабов.

Сказав это, Хаким Тай снял с себя свои царские одежды и, взяв с собой только крепкий посох, отправился в путь.

Добравшись до близлежащих гор, он облюбовал себе пещеру и погрузился в созерцание.

Многие аравийцы прославляли бывшего правителя за его великую жертву, ибо для их спасения он не пожалел ни своих богатств, ни трона. Но многие, и в особенности те, кто жаждал славы на поле сражения, были весьма недовольны. «Откуда мы знаем, что он не самый обыкновенный трус?!» – восклицали они в сердцах.

Другие, не столь отважные, вторили им: «Да, конечно, он спасал прежде всего свою собственную жизнь и покинул нас на произвол судьбы. Чего можно ждать от чужого правителя, который к тому же столь вероломен и жесток, что не пощадил даже своих ближайших соседей?». Были и такие, которые, не зная чему верить, просто молчали, ожидая, что время вынесет свой приговор.

Между тем вероломный султан вторгся во владения Хаким Тая и, не встречая на своем пути сопротивления, захватил все его царство. Радуюсь такой легкой победе, он не увеличил налогов,

которые взымал в свое время Хаким Тай за то, что правил народом и защищал справедливость.

Казалось бы, этот султан добился всего, чего хотел: приба-вил к своим владениям новое государство, удовлетворил свою алчность, и все-таки он не находил покоя. Его шпионы то и дело докладывали ему, что в народе говорят, будто бы своей победой он обязан только щедрости Хаким Тая.

И вот однажды, не в силах более сдерживать своего гнева, он воскликнул: «Я не стану истинным хозяином этой страны до тех пор, пока не захвачу самого Хаким Тая. Пока он жив, мне не удастся завоевать сердца этих людей. Ведь они только для вида признают меня своим господином».

Тут же по всей стране был оглашен указ о том, что человек, который доставит во дворец Хаким Тая, получит в награду пять тысяч золотых.

Хаким Тай в это время по-прежнему находился в своем укрытии и, конечно, ни о чем не подозревал. Как-то, сидя перед своей пещерой, скрытый зарослями, он услышал, разговор старого дровосека со своей женой. «Дорогая, – говорил дровосек, – я намного старше тебя и если скоро умру, ты останешься одна с нашими маленькими детьми. Вот если бы нам удалось поймать Хаким Тая, за которого новый правитель обещает пять тысяч золотых, твое будущее и будущее наших детей было бы обеспечено».

– Как тебе не стыдно – с негодованием ответила женщина, – да лучше мне с детьми умереть голодной смертью, чем запятнать себя кровью самого щедрого человека на свете, который ради нас пожертвовал всем, что имел.

– Я тебя прекрасно понимаю, но каждый человек думает прежде всего о своих интересах, а на мне лежит забота о семье. И потом, все больше людей с каждым днем склоняются к мысли, что Хаким просто трусил. Может быть, со временем они и будут искать всевозможные доводы в его оправдание, но сейчас...

– Только из алчности ты решил, что Хаким трус. Побольше таких умников, как ты, и окажется, что его жизнь и вовсе не имела никакого смысла.

Тут Хаким вышел из своего укрытия и, представ перед изум-ленными супругами, сказал, обращаясь к дровосеку:

– Я – Хаким Тай. Отведи меня к правителю и потребуй от него обещанную награду.

Его слова произвели на старого человека такое сильное впечатление, что он, устыдившись своего поведения, заплакал и сказал:

– Нет, о великий Хаким, я не могу этого сделать.

– Если ты меня не слушаешь, я сам явлюсь к султану и расскажу ему, что ты меня укрывал. Тогда тебя казнят за измену.

Между тем люди, разыскивающие в горах беглого султана, услышали их спор и подошли к ним. Поняв, что перед ними ни кто иной, как сам Хаким Тай, они схватили его и повели во дворец. Позади всех плелся несчастный дровосек.

Представ перед правителем, каждый из толпы, стараясь перекричать остальных, заявлял, что именно он первым схватил Хакима. Султан же, ничего не понимая, смотрел то на одного, то на другого, не зная, как поступить. Тогда Хаким попросил позволения говорить и сказал: «О, султан, если ты хочешь решить это дело по справедливости, то выслушай меня. Награды заслуживает только тот старик, а не эти люди. – И Хаким указал на дровосека, стоявшего в стороне. – Выдай ему обещанные пять тысяч и поступи со мной, как хочешь».

Тут дровосек вышел вперед и рассказал правителю о том, как Хаким ради спасения его семьи предложил себя в жертву.

Султан был так изумлен услышанным рассказом, что тут же вернул Хакиму его трон, а сам возвратился назад в свое царство и увел с собой армию".

Дервиш окончил рассказ и замолчал.

– Отличная история, дервиш! – воскликнул иранский султан, позабыв о своей угрозе. – Из такой истории можно извлечь пользу. Но для тебя она в любом случае бесполезна, ведь ты ничего не ждешь от этой жизни и ничем не владеешь. Другое дело я. Я султан, и я богат. Аравийские правители, питающиеся вареными ящерицами, не могут сравниться с персидскими, когда речь идет об истинной щедрости. Меня посетила счастливая мысль, но не будем тратить время на болтовню, к делу!

И султан тут же велел созвать к себе самых лучших в Иране архитекторов и строителей, когда же они, коленопреклоненные, предстали перед ним, приказал им выстроить на широкой городской площади дворец с сорока окнами, чтобы в нем размещалась огромная казна для золотых монет.

Спустя некоторое время такой дворец был выстроен. Султан приказал заполнить размещавшуюся в нем казну золотыми монетами, и со всей страны в столицу согнали множество людей, верблюдов и слонов, которые в течение нескольких месяцев перевозили золото из старой казны в новую. Наконец, когда работы были окончены, глашатаи огласили указ: «Слушайте все! По воле царя царей, фонтана щедрости выстроен дворец с сорока окнами. С этого дня Его Величество через эти окна собственноручно будет раздавать золото всем нуждающимся. Спешите все ко дворцу!». И так, ко дворцу потекли, что вполне естественно, неисчислимые толпы народа. Изо дня в день султан появлялся в одном из сорока окон и одаривал каждого просителя золотой монетой.

И вот однажды, раздавая милостыню, султан обратил внимание на одного дервиша, который каждый день подходил к окну, получал свою золотую монету и уходил.

Поначалу монарх решил, что дервиш берет золото для какого-либо бедняка, который не в состоянии придти за милостыней сам. Затем, увидев его снова, он подумал: «Может быть, он следует дервишскому принципу тайной щедрости и одаривает золотом других». И так каждый день, завидев дервиша, он придумывал ему какое-нибудь оправдание. Но когда дервиш пришел в сорок первый раз, терпению султана пришел конец. Схватив его за руку, монарх в страшном гневе закричал: «Наглое ничтожество! Сорок дней ты ходишь сюда, но еще ни разу не поклонился мне, даже не произнес ни одного благодарственного слова. Хоть бы улыбка однажды озарила твое постное лицо. Ты что же, копишь эти деньги или даешь их в рост? Ты только позоришь высокую репутацию залатанного одеяния!»

Только султан умолк, дервиш достал из рукава сорок золотых монет, которые он получил за сорок дней, и, швырнув их на землю, сказал:

– Знай, о султан, что щедрость тогда воистину щедрость, когда проявляющий ее соблюдает три условия.

Первое условие – давать, не думая о своей щедрости.

Второе – быть терпеливым.

И третье – не питать в душе подозрений.

Этот султан так никогда и не стал по-настоящему щедрым. Щедрость для него была связана с его собственными представлениями о «щедрости», и он стремился к ней только потому, что хотел прославиться среди людей.

Эта традиционная история, известная читателям из классического произведения на урду «Истории четырех дервишей», кратко иллюстрирует весьма важные суфийские учения.

Соперничество без основных качеств, подкрепляющих это соперничество, ни к чему не приводит. Щедрость не может быть развита в человеке до тех пор, пока другие добродетели так же не будут развиты.

Некоторые люди не могут учиться даже после того, как перед ними обнажили учение. Последнее продемонстрировано в сказании первым и вторым дервишами.

Лечение человеческой кровью

Мауляну Бахааддина Накшбанда спросили однажды: «Как объяснить встречающиеся во многих историях случаи, когда великие учителя одним взглядом или каким-либо иным косвенным воздействием одухотворяли невежественных людей или детей, находящихся с ними в контакте?»

В ответ Бахааддин рассказал следующую притчу, заметив при этом, что притчи тоже представляют собой метод косвенного одухотворения. Итак, вот история, рассказанная Накшбандом:

Во времена великой Византийской империи один из визан-тийских императоров заболел какой-то странной болезнью и никто из его докторов не знал от нее лекарства.

Во все концы страны были разосланы гонцы, которые должны были оповестить великих мудрецов и искусных лекарей о болезни византийского государя и подробно описать им симптомы этой болезни.

Один посланец прибыл в школу аль-Газали, ибо слава этого величайшего восточного мудреца достигла Византии.

Выслушав послание, аль-Газали попросил одного из своих учеников отправиться в Константинополь и осмотреть императора.

Когда этот человек, а звали его аль-Ариф, прибыл к византийскому двору, его приняли со всевозможными почестями и тут же ввели в императорские покои. Шейх аль-Ариф первым делом спросил у придворного врача, какие лекарства уже применяли и какие намеревались применять. Затем он осмотрел больного.

Кончив осмотр, аль-Ариф сказал, что необходимо созвать всех придворных и тогда он сможет назвать средство, которое излечит императора.

Все приближенные собрались в тронном зале и суфий обратился к ним:

– Его Императорскому величеству лучше всего использовать веру.

– Его величество нельзя упрекнуть в недостатке веры, но вера нисколько не помогает ему исцелиться, – возразил духовник императора.

– В таком случае, – продолжал суфий, – я вынужден заявить, что на свете есть только одно средство для спасения императора, но оно такое страшное, что я даже не решаюсь его назвать.

Тут все придворные принялись его упрашивать, сулить богатства, угрожать и льстить, и наконец, он сказал:

– Император излечится, если искупается в крови нескольких сотен детей не старше семи лет.

Когда страх и смятение, вызванные этими словами, несколько улеглись, государственные советники решили, что это средство нужно попробовать. Некоторые, правда, сказали, что никто не имеет права брать на себя ответственность за такую жестокость, подсказанную к тому же чужеземцем сомнительного происхождения. Большинство, однако, придерживалось мнения, что все средства хороши, когда речь идет о спасении Великого императора, которого все уважали и чуть ли не обожествляли.

Когда об этом рассказали императору, он наотрез отказался. Но его принялись упрашивать: «Ваше Величество, вы не имеете права отказываться, ведь ваша смерть большая потеря для империи, чем смерть всех ваших подданных, не говоря уже о детях». В конце концов им удалось его убедить.

Тут же по всей стране были разосланы указы о том, что все византийские дети не старше семи лет к определенному сроку должны быть доставлены в Константинополь, чтобы быть

принесенными в жертву ради здоровья императора.

Матери обреченных детей проклинали правителя, чудовищного злодея, который ради своего спасения решил погубить их дорогие чада. Некоторые женщины, однако, молили Бога ниспослать здоровье императору до страшного дня казни.

Между тем с каждым днем император все сильнее чувствовал, что он ни в коем случае не должен допускать такого ужасного злодеяния как убийство маленьких детей. Угрызения совести приносили ему страшные муки, не оставлявшие его ни днем, ни ночью.

Наконец, он не выдержал и велел объявить: «Я лучше умру сам, чем допущу смерть невинных созданий». Только он произнес эти слова, как его болезнь стала ослабевать, и вскоре он совершенно выздоровел.

Ограниченно мыслящие люди тут же решили, что император был вознагражден за свой добрый поступок. Другие, им подобные, объясняли его выздоровление тем, что матери обреченных детей обрели утешение и Бог смилостивился над ним.

Когда суфия аль-Арифа спросили о причине исцеления государя, он сказал: «Поскольку у него не было веры, он нуждался в чем-то равном ей по силе. Таким образом, исцеление пришло к нему благодаря его сосредоточенности, соединенной с желанием матерей, которые возносили горячие молитвы о выздоровлении императора до страшного дня казни».

Но скептики говорили: «По божественному провидению император исцелился молитвами святого духовенства до того, как кровожадный рецепт сарацина был воплощен в жизнь, ибо разве не очевидно, что этот чужеземец хотел уничтожить наших детей, чтобы не смогли они истребить его народ, когда станут взрослыми».

Когда этот случай передали аль-Газали, он сказал: «Чтобы добиться в чем-то результата, необходимо применить метод, разработанный специально для того, чтобы действовать в назначенное время и вести к достижению определенного результата».

Подобно тому как суфийский лекарь должен был приспособить свой метод к людям, окружавшим его, так и дервишский духовный учитель может пробудить скрытые познания ребенка или невежественного человека даже в области изучения истины, и он это делает, применяя известные ему методы, созданные специально для этой цели.

Это последнее объяснение принадлежит нашему мастеру Бахааддину.

Ходжа Бахааддин стал главой ордена Хаджаганийя в Центральной Азии в XIV столетии. Его прозвище «Накшбанд», означающее художник, стало названием школы.

Бахааддин из Бухары преобразовал учение мастеров, как говорят, приспособив практику к повседневным условиям и черпая традиции в первоисточниках.

Семь лет он был придворным, семь лет – пастухом и еще семь лет работал на строительстве дорог, прежде чем стал обучающим мастером. Его самого обучал Баба аль-Самаси. Пилигримы стекались в учебный центр Бахааддина «с другого конца Китая». Члены ордена, распространившегося на территориях Турции и Индии и даже в Европе и Африке, не носили каких-либо отличительных одежд, и о них известно еще меньше, чем о любом другом ордене. Бахааддин был известен как аль-Шах. Некоторые величайшие персидские классики были накшбандами. Основные книги накшбандов – это «Учение аль-Шаха», «Тайны накшбандийского пути», «Капли из источника жизни». Эти произведения существуют только в рукописях.

Это сказание взято из произведения «Беседы нашего мастера»; книга эта имеет также другое название – «Учения шаха».

Жила-была вдова с пятью маленькими сыновьями. Ей принадлежал небольшой клочок земли, орошаемый арыком. Скучного урожая с этого надела им едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Но вот однажды жестокий тиран, владелец соседних земель, не посчитавшись с их законным правом пользоваться водой арыка, перекрыл арык плотиной и обрек семью на полную нищету.

Старший сын не раз пытался сломать плотину, но безуспешно, ему одному это было не под силу, а его братья были совсем еще детьми. И хотя мальчик понимал, что богачу ничего не стоит восстановить плотину, детская гордость не позволяла ему отказаться от этих отчаянных, но бесплодных попыток.

Однажды в видении он увидел своего покойного отца, который дал ему наставления, укрепившие надежду в его сердце. Вскоре после этого тиран, взбешенный независимым поведением «маленького упряма», оклеветал его на всю округу, объявил смутьяном и восстановил против него всех соседей.

Пришлось мальчику покинуть родной дом и отправиться в далекий город. Там он нанялся слугой к одному купцу и проработал у него многие годы. Почти весь свой заработок старший брат отсылал домой через путешествующих купцов. Чтобы у этих людей не возникало неприятное чувство, что он навязывается к ним со своими поручениями, да и для них самих было небезопасно помогать семье, находящейся в опале, он просил их передавать деньги его братьям как плату за мелкие услуги, которые они могут оказать путешественникам.

Спустя много лет пришло время старшему брату возвратиться в родные края. Годы так изменили его, что когда он подошел к дому и назвал себя братьям, только один из них узнал его, но и сам он был в этом не вполне уверен.

– У нашего старшего брата волосы были черные, – сказал самый младший.

– Но ведь я постарел, – ответил старший брат.

– И по его речи и по одежде сразу видно, что этот человек из купцов, – сказал другой брат, – а в нашей семье никогда не было купцов.

Тогда старший брат рассказал им свою историю, но не смог рассеять их сомнения.

– Я помню, как ухаживал за вами, когда вы были еще совсем детьми, и как вас манила стремительно бегущая вода, остановленная плотиной, – стал вспоминать пришелец.

– Мы не помним этого, – сказали братья, ибо детские годы почти полностью стерлись из их памяти.

– Но ведь я посылал вам деньги, на которые вы жили с тех пор, как пересох наш арык.

– Мы не знаем никаких денег. Мы получали только то, что зарабатывали, оказывая различные услуги путешественникам.

– Опиши нашу мать, – предложил один из братьев, все еще желая получить какие-то доказательства.

Старший брат стал описывать мать, но так как она умерла очень давно и братья плохо ее помнили, в его рассказе они увидели множество неточностей.

– Но даже если ты наш брат, чего ты хочешь от нас? – спросили они.

– Тот тиран умер, – сказал старший брат, – его солдаты разбрелись по свету искать новых хозяев, поэтому нам сейчас самое время объединиться и общими усилиями оживить эту землю.

– Я не помню никакого тирана, – заявил самый младший из братьев.

– Земля была всегда такой, как сейчас, – сказал другой.

– И почему это мы должны делать то, что ты нам велишь?! – воскликнул третий.

– Мне бы хотелось тебе помочь, – сказал четвертый, – но я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Кроме того, – заговорил первый брат снова, – мне не нужна вода. Я собираю хворост и разжигая по ночам костры. Приезжие купцы останавливаются погреться у них, просят меня о различных услугах и платят мне за это.

– Если пустить сюда воду, – сказал второй, – она зальет прудок, в котором я развожу декоративных карпов. Проезжие купцы останавливаются полюбоваться на них и одаривают меня по своей щедрости.

– Я сам не против того, чтобы пустить воду, но не уверен, сможет ли она оживить эту землю, – сказал третий брат.

Четвертый брат промолчал.

– Отбросьте все ваши сомнения и скорее примемся за работу.

– Нет уж, мы лучше подождем, пока придут купцы.

– Купцы больше не придут, ведь это я их присылал сюда.

Но братья не верили старшему брату и продолжали с ним спорить.

А было это как раз зимой, когда купцы не проезжали через их края, так как все дороги, ведущие к ним, были завалены снегом.

И прежде, чем весна вошла в свои права и по Шелковому Пути вновь потянулись торговые караваны, новый тиран, который был безжалостней первого, вторгся в их земли. Так как этот разбойник был еще не совсем уверен в своих силах, он искал для захвата заброшенные земли. Никому не принадлежащий канал, перегороженный плотиной, разбудил в его сердце алчные надежды, и он присоединил его к своим владениям и задумал в ближайшем будущем, как только укрепит свою власть, обратить братьев в своих рабов. Пока же ему приходилось с ними считаться, потому что все они были сильными людьми, не исключая и самого младшего.

А братья по-прежнему спорят, и теперь вряд ли что-то помешает тирану осуществить свой коварный план.

Авторство этой знаменитой истории, используемой на пути Мастеров, Тарика-и-Хаджаган, проследживается к Абу Мухаммаду, сыну аль-Касима аль-Рудари.

История иллюстрирует загадочное происхождение суфийского учения, приходящего с одной стороны, хотя кажется, что оно приходит с другой. Это объясняется тем, что человеческий ум, подобно братьям из сказки, не способен постичь «истинный источник».

Рудари вел «линию преемственности учения» от самых древних суфиев, в особенности от Шибои, Байазида и Хамдана Кассара.

Три дервиша

Давным-давно жили три дервиша – Як, Ду и Си. Первый дервиш пришел с севера, второй – с запада, третий – с юга. У этих людей была общая цель: они стремились к глубокой истине и искали Путь.

Первый, Як Баба, сидел и размышлял, пока у него не начинала болеть голова. Второй, Ду Ага, стоял на голове, пока у него не отнимались ноги. Третий, Си Каландар, читал книги, пока у него не начинала идти из носа кровь.

Наконец, они решили объединить свои усилия. Дервиши удалились в уединенное место и стали сообща выполнять свои упражнения, надеясь таким путем сконцентрировать необходимое количество усилий, чтобы вызвать появление Истины, которую они называли глубокой истиной.

Сорок дней и сорок ночей ищущие упорно добивались своей цели, и вот на сорок первый день, словно из-под земли, в вихре белого дыма перед ними возникла голова очень древнего старца.

– Вы единственный Хызр, страж людей? – воскликнул первый дервиш.

– Да нет же, это Кутуб, столп мира, – возразил второй дервиш.

– Вы оба заблуждаетесь, – вмешался третий, – я убежден, что это никто иной, как Абдель, Просветленный.

– Я ни тот, ни другой, ни третий, – могучим глухим голосом проговорил дух. – Но я тот, кого вы можете представить. Сейчас, кажется, вы стремитесь к одной цели, которую вы называете глубокой истиной?

– Да, мастер, – хором ответили дервиши.

– Приходилось ли вам слышать когда-нибудь изречение: «Путей столько же, сколько человеческих сердец»? – спросила голова и, не дожидаясь ответа, продолжала. – Во всяком случае вот ваши пути: первый дервиш должен отправиться в страну глупцов; второй дервиш должен разыскать волшебное зеркало, а третий пусть обратится за помощью к джинну Водоворота.

Сказав это, видение исчезло.

Оставшись снова втроем, дервиши принялись обсуждать случившееся, и не только потому, что хотели собрать как можно больше информации обо всем этом, прежде чем отправиться в дорогу, но также и потому, что, хотя они и следовали различными путями, каждый до сих пор верил только в один путь – в свой собственный. А теперь ситуация была несколько иной, ибо никто из них уже не мог с уверенностью сказать, что именно его путь был правильным, если даже этот несовершенный путь отчасти способствовал появлению таинственного духа, имени которого дервиши так и не узнали.

Первым покинул келью Як Баба. Вместо того, чтобы допытываться у каждого встречного, как он всегда делал, не живет ли где поблизости какой-нибудь ученый человек, Як Баба теперь расспрашивал о стране глупцов. Наконец, спустя много месяцев, он повстречал человека, который объяснил ему, где находится эта страна, и Як Баба направился туда.

Как только он вошел в пределы страны глупцов, он увидел женщину, тащившую на себе дверь. Дервиш приблизился к ней и спросил: «Женщина, что ты собираешься делать с этой дверью?» И женщина ответила ему: «Сегодня утром мой муж, отправляясь на работу, сказал мне: жена, в нашем доме много ценных вещей; смотри, чтобы никто не вошел в эту дверь. Когда я уходила, я взяла дверь с собой, так что никто через нее не войдет. А теперь позволь мне оставить тебя». С этими словами женщина отвернулась, чтобы идти своей дорогой, но Як Баба остановил ее и сказал: «Хочешь, я расскажу тебе нечто такое, что избавит тебя от

необходимости повсюду таскать за собой эту тяжесть?»

– Конечно, нет, – воскликнула женщина, – а если ты уж непременно хочешь помочь мне, то подскажи лучше, как сделать, чтобы дверь была не такой тяжелой.

– Нет, этого я тебе не могу сказать, – ответил дервиш и пошел дальше.

Пройдя еще немного, он увидел на обочине дороги толпу крестьян, которые от страха жались друг к другу и таращились на огромный арбуз, выросший на поле.

– Подобное чудовище мы встречаем впервые, – объяснили они дервишу, – оно, разумеется, вырастет еще больше и всех нас сожрет. Но мы не решаемся даже приблизиться к нему.

– Хотите, я кое-что расскажу вам о нем? – спросил дервиш.

– Не будь глупцом, – закричали крестьяне, – убей его, если можешь, и мы тебя вознаградим. Но не думай рассказывать нам сказки, мы не желаем тебя слушать!

Тогда Як Баба вытащил из кармана нож, подошел к арбузу и, отрезав ломоть, стал уплетать его. Это зрелище повергло людей в неопикуемый ужас. С криками и воплями они кинули дервишу пригоршню монет и стали умолять его:

– Сжался над нами, славный повелитель монстров, уходи и не губи нас, как ты погубил только что это чудовище!

Таким образом, Як Баба стал постепенно понимать, что для того, чтобы жить среди глупцов, надо научиться думать и поступать как они. Спустя несколько лет ему удалось сделать несколько дураков разумными и в награду за это он был однажды удостоен глубокого знания. А так как он стал святым в стране глупцов, обитатели этой страны и сохранили о нем память только как о «герое, который зарубил Зеленое чудовище и выпил его кровь». Они пытались сделать то же самое, чтобы заработать глубокое знание, но у них, разумеется, ничего не вышло.

Теперь возвратимся к началу рассказа и посмотрим, что случилось со вторым дервишем, Ду Ага, который отправился на поиски волшебного зеркала.

Если раньше Ду Ага повсюду разузнавал о новых мудрецах или новых упражнениях и позах, то теперь, кого бы дервиш ни встретил на своем пути, спрашивал о волшебном зеркале. Он получил множество советов, которые только вводили его в заблуждение, пока, наконец, не осознал, где нужно искать это зеркало. Оно было подвешено в одном колодце на тончайшем волоске и представляло собой создание из человеческих мыслей. Но так как мыслей оказалось недостаточно, все зеркало представляло собой небольшой кусочек.

Ду Ага перехитрил демона, охранявшего колодец, и, достав зеркало, всмотрелся в него и попросил глубокое знание. В тот же миг он получил его. Дервиш обосновался в этом месте и прожил долгую и счастливую жизнь, обучая людей мудрости. Но так как после его смерти ученики не поддерживали определенной концентрации мыслей, необходимой для постоянного обновления зеркала, оно вскоре исчезло. Все же по сей день некоторые люди глядят каждый день в свое зеркало, полагая, что это и есть магическое зеркало Ду Аги.

Ну а что касается третьего дервиша, Си каландара, то он, расставшись со своими товарищами, повсюду разыскивал джинна Водоворота. Этот джинн был известен под многими другими именами, но каландар не знал об этом. В течение нескольких лет он не раз оказывался поблизости от джинна, но проходил мимо потому, что люди, к которым он обращался, либо не знали о существовании такого джинна, либо никак не предполагали, что он джинн Водоворота.

И вот, спустя много лет, Си каландар вошел как-то в одно селение.

– О люди, – обратился он к толпе поселян, – не слышал ли кто-нибудь из вас о джинне Водоворота?

– Мы никогда не слышали о джинне, – ответил ему кто-то из толпы, – но эта деревня называется Водоворот.

Каландар повалился на землю и закричал:

– Я не уйду отсюда до тех пор, пока джинн Водоворота не покажется мне!

Джинн, прятавшийся поблизости, выскочил из своего укрытия и, закружившись смерчем, заревел: «Мы не любим, когда чужестранцы приходят в наше селение, о дервиш. Итак, я здесь, чего ты хочешь?»

– Я ищу глубокое знание, – ответил Си каландар, – и мне сказали, что только ты можешь помочь мне обрести его.

И дервиш рассказал, при каких обстоятельствах он узнал о существовании джинна.

– Да, я могу тебе помочь, – прогремел джинн. – Ты уже много сделал сам и теперь тебе осталось только произнести определенную фразу, пропеть определенную мелодию, совершить одни действия и воздержаться от других. Тогда глубокое знание станет твоим.

Сказав так, джинн дал дервишу подробные наставления и скрылся.

Целые годы потратил Си каландар на то, чтобы научиться правильно выполнять данные ему обряды и упражнения. Его усердие и сосредоточенность снискали ему репутацию достойного и посвященного человека. Люди, наблюдая за ним, заражались его примером и начинали ему во всем подражать.

Однажды дервиш достиг глубокого знания. Его подражатели к этому времени образовали целую общину, пытаясь достичь того же. Они никогда не пришли к знанию, потому что начали изучать путь Си каландара с конца.

Впоследствии, когда бы последователи этих трех дервишей ни встречались, между ними разгорались ожесточенные споры. Одни говорили: «Вот наше зеркало. Если вы согласны глядеть в него столько времени, сколько потребуется, вы когда-нибудь добьетесь глубокого знания».

– Принесите в жертву арбуз, – возражали им другие. – Это приведет вас к цели, как привело некогда Як Бабу.

– Ерунда, – смеялись над ними третьи, – есть только один путь – это быть настойчивым в изучении и выполнении определенных упражнений, молитв и добрых дел.

Три дервиша, достигнув в конце концов глубокого знания, обнаружили, что не могут помочь своим последователям, подобно тому, как пловец, уносимый стремительным потоком реки, видит на берегу человека, которого преследует леопард, и не может придти к нему на помощь.

Приключения этих людей – их имена означают в переводе «первый», «второй», «третий» – толкуются иногда как сатира на традиционную религию.

Рассказ представляет собой изложение знаменитой обучающей истории «Приключения трех». Ее авторство приписывается Мураду Шами, руководителю Мурадисов. Дервиши, рассказывающие эту сказку, заявляют, что она имеет более глубокий смысл, чем это может показаться на первый взгляд.

Четыре волшебных предмета

Встретились как-то четыре святых дервиша второго ранга и решили обойти всю землю в поисках четырех предметов, которые помогут им послужить человечеству. Посвятив многие годы изучению всевозможных наук, дервиши пришли к выводу, что именно таким образом они смогут лучше всего послужить людям.

Они условились встретиться снова через тридцать лет и разошлись в разные стороны.

И вот в назначенный день дервиши собрались вместе. Первый дервиш принес с далекого севера волшебный посох. Тот, кто садился на этот посох, мог перенестись в любую часть света по желанию. Второй дервиш принес с далекого запада волшебную чалму. Надев ее, человек мог принять любую внешность, превратиться в любую тварь. Третий, путешествовавший на далеком Востоке, раздобыл волшебное зеркало, в котором можно было увидеть любой уголок земли. Четвертый дервиш, возвратившийся с далекого юга, принес волшебную чашу, которая излечивала любой недуг.

Итак, обладая этими сокровищами, дервиши заглянули в зеркало, чтобы узнать, где находится Источник Жизни, затем на посохе подлетели к нему и напились живой воды. Они хотели стать долгожителями, чтобы найти лучшее применение своим волшебным предметам. Теперь, чтобы узнать, кто более всего нуждается в их помощи, дервиши стали творить молитву. В зеркале отразился человек, лежащий на смертном одре. Он жил в далекой стране, на расстоянии многих дней пути, но дервиши, оседлав посох, в одно мгновение очутились у его дома.

– Мы знаменитые лекари, – сказали они привратнику. – Зная, что твой хозяин болен, мы пришли, чтобы исцелить его. Впусти нас.

Слуга передал их слова господину, и тот велел немедленно провести их к себе. Но едва дервиши приблизились к больному, он побледнел и стал терять сознание. Дервишей тут же вывели из комнаты, и один из слуг объяснил, что этот человек ненавидит дервишей и всю жизнь был их врагом.

Тогда дервиши, надевая по очереди волшебную чалму, изменили свои обличия, чтобы не смущать больного, и снова пришли к нему, но уже как другие люди. Они дали ему пригубить какого-то снадобья из волшебной чаши – болезнь его как рукой сняло. Никогда прежде он не чувствовал себя настолько здоро-вым. Счастье его невозможно описать и, так как он был человеком богатым, то в награду за свое исцеление подарил дервишам один из своих домов.

Дервиши поселились в этом доме. Каждое утро они отправлялись в разные стороны и в течение дня помогали людям своими волшебными предметами.

Но вот однажды, когда в доме находился только один дервиш, владелец чаши, к нему ворвались стражники султана, схватили его и увели.

Дочь султана заболела какой-то странной болезнью, и правитель, прослышав о владельце чаши как о великом лекаре, велел срочно доставить его во дворец.

Дервиша подвели к ложу принцессы. Он взял лекарство, которым ее уже пытались лечить, вылил в свою чашу и поднес к ее губам. Но так как он был лишен возможности посоветоваться с волшебным зеркалом, какое лекарство необходимо принцессе, чаша не помогла.

Принцессе не стало лучше, и разгневанный султан приказал распять дервиша на стене. Дервиш стал молить султана об отсрочке, объясняя, что он должен посоветоваться со своими товарищами, но султан был нетерпелив и полагал, что дервиш хитрит и хочет выиграть время.

Между тем три других дервиша, возвратившись домой и не застав там своего товарища, взглянули в зеркало и увидели, что ему угрожает смерть. Не теряя времени, дервиши сели на

посох и полетели к нему на помощь. Они подоспели как раз вовремя и вызволили его, но помочь дочери султана уже не смогли, потому что лишились своей чаши.

Дервиши посмотрели в волшебное зеркало и увидели свою чашу на дне самого глубокого океана в мире, куда ее забросили по приказу султана. И даже с помощью этих волшебных предметов им понадобилось целое тысячелетие для того, чтобы вернуть ее.

С тех пор, наученные горьким опытом, дервиши стали работать в глубокой тайне, искусно скрывая свои чудесные методы под самыми различными покровами, и потому все, что они ни делали для людей, выглядело простым и легко объяснимым.

Эта легенда напоминает многие восточные устные предания о волшебных предметах.

Некоторые видят в ней скрытый намек на утверждение, что Иисус не умер на кресте. По мнению других в ней указывается на четыре методики основных восточных дервишских школ и на влияние этих методик в Индии и Хоросане под эгидой накшбандов.

Более распространенное суфийское объяснение состоит в том, что «дервишская работа» включает в себя четыре элемента, которые необходимо применять одновременно и в тайне.

Сны и кусок хлеба

Три человека, отправившись в долгое и изнурительное путешествие, встретились на большой дороге и решили странствовать вместе. Они объединили свои припасы и по-дружески делили невзгоды и удачи, лишения и радости пути.

Но вот наступил день, когда от всей их провизии остался кусок хлеба и глоток воды во фляге. Между путниками разгорелся спор, кому из них должны достаться хлеб и вода. Так как никто не желал уступить другим свою долю, они решили разделить все поровну, но это не удалось.

Так они спорили, пока не стало смеркаться, и тогда один из них предложил: «Давайте все ляжем спать и кому из нас приснится ночью самый чудесный сон, тому и быть судьей над нами». Его товарищи согласились с ним, улеглись, и тут же и заснули.

Наутро, с восходом солнца, они проснулись.

Первый стал рассказывать:

– Приснилось мне, что я был перенесен в столь совершенный мир, что описать его великолепие бессилён язык; меня словно объял безмятежный покой. Там я встретил мудреца, который сказал мне: «Эта еда должна достаться тебе, ибо твоя прошлая и будущая жизни полны подвигов, достойных восхищения».

– Как странно, – сказал другой путник, – ведь когда я заснул, то я в самом деле увидел свое прошлое и будущее. В будущем я встретил ученого человека, который сказал: «Ты заслу-живаешь этот хлеб, ибо терпеливее своих товарищей и умнее их. Согласно твоему предначертанию ты будешь обучен и поведешь за собой людей».

Третий путешественник сказал:

– Во сне я ничего не видел, ничего не слышал, ни с кем не разговаривал. Но какая-то непреодолимая сила заставила меня подняться, отыскать хлеб и воду и разом проглотить все это, что я тут же и сделал.

Это одна из многих притч, приписываемых шаху Мухаммаду Гватху Шатари. Он написал знаменитый трактат «Пять жемчужин», в котором способ достижения человеком более высоких состояний описан в терминах магии и колдовства, в соответствии с древними моделями. Шатари был мастером, посвящающим своих учеников не менее, чем в четырнадцать орденов, и пользовался огромным уважением индийского императора Хамуюна.

Несмотря на то, что многие провозглашали его святым, духовенство рассматривало некоторые его работы, как противоречащие святому писанию, и добивалось его казни. В конце концов с него было снято обвинение в ереси на том основании, что к высказываниям, сделанным в особом состоянии, не могут быть применены обычные схоластические категории.

Фабула этого рассказа использована в монашеских христианских сказках средних веков.

Хлеб и драгоценности

Однажды один монарх решил раздать часть своего богатства в виде милостыни. В то же время ему очень хотелось знать, что случится с его дарами. Итак, он призвал к себе одного пекаря, которому доверял и велел ему испечь две буханки хлеба, причем в одну из них нужно было запечь некоторое количество драгоценных камней.

Затем пекарь должен был выбрать из своих покупателей двух человек -самого добродетельного и самого грешного и отдать им эти буханки.

На следующее утро в пекарню зашли двое. Один, облаченный в дервишский халат, казался образцом добродетели, хотя на самом деле был обыкновенным ханжой. Другой, без единого слова положивший на прилавок деньги, внешне походил на человека, которого пекарь издавна не любил.

Хлеб с драгоценностями пекарь отдал дервишу, а обыкновенную буханку -другому посетителю.

Взяв свою буханку, лжедервиш почувствовал, что она тяжелее обычной. Он взвесил ее на ладони, потом слегка помял и, нащупав драгоценные камни, решил, что это комочки плохо размешанной муки. Тогда он взглянул на пекаря, но увидев его суровое лицо, понял, что с ним лучше не связываться, и обратился к другому покупателю: «Давай поменяемся буханками, мне кажется, ты голоден, а моя буханка больше твоей».

Этот человек, со смирением принимавший все, что ему посылала судьба, охотно отдал свой хлеб и взял хлеб дервиша.

Султан наблюдал за ними из внутреннего помещения и был весьма изумлен всем этим, но так и не понял, кто из этих двоих добродетельнее.

Покупатели, обменявшись буханками, ушли, и султан решил, что высшей воле было угодно уберечь дервиша от мирского богатства. Он не знал, как еще истолковать то, что произошло.

А истинно добродетельный человек, который обменялся буханками, нашел сокровища и употребил их на доброе дело.

«Я сделал то, что мне было велено», – сказал пекарь.

«Судьба не в нашей власти», – ответил султан.

«Как умно я поступил!» – радовался лжедервиш.

Эта история рассказывается в Газергахе, в восточном Афганистане.

Первый уровень ее смысла таков: «человеку может быть предложено нечто ценное для его будущего, но он может не воспользоваться этой возможностью».

Ограниченность догмы

Однажды великий султан Махмуд, гуляя по улицам Газны – своей столицы, – увидел бедного носильщика, который, изнемогая от усталости и чуть не падая с ног, тащил на спине огромный камень.

– Брось камень, носильщик! – приказал султан.

Носильщик тут же сбросил с себя камень упавший на средину дороги. Никто не осмеливался отодвинуть камень в сторону, и в течение нескольких лет он оставался лежать на прежнем месте, доставляя пешеходам много неудобств. Наконец, горожане обратились к правителю, умоляя его новым указом позволить им убрать камень с дороги.

Но Махмуд, руководствуясь государственной мудростью, ответил им так: «То, что по высочайшему повелению было сделано однажды, нельзя отменить другим повелением, ибо люди не должны думать, что указы правителя продиктованы случайной прихотью. Камень должен остаться на прежнем месте».

Итак, камень продолжал лежать там, где он однажды был брошен, и даже после смерти Махмуда, из уважения к авторитету указов султана, его не тронули.

Эта история всем хорошо известна, и каждый человек, в соответствии со своими способностями и пониманием, видел в ней одно из трех значений. Противники монархии считали, что этот случай лишней раз доказывает, до какой глупости может дойти авторитет, пытающийся утвердить себя. Люди, преклоняющиеся перед силой, относились с великим почтением ко всем указам, даже самым нелепым и, понятно, не особенно утруждали себя размышлениями и в этом случае. Но те, кто понимал, какими соображениями на самом деле руководствовался правитель, не обращали внимания на то, что думают о нем невнимательные.

Ибо, приказав носильщику бросить камень в таком месте, где он будет мешать, и затем во всеуслышание объявив, почему камень должен оставаться на прежнем месте, Махмуд показывал людям, способным его понять, что они должны подчиняться преходящей власти, но в то же время осознавать, что те, кто руководит, опираясь на неизменные догмы, не могут принести людям большой пользы.

Поэтому те, кто усвоил этот урок, увеличили ряды ищущих истину, а многие таким путем пришли к истине.

Эта история, но только без тонкого толкования, которое дано здесь, встречается в знаменитом классическом произведении Хасина Ваиза Кашифи «Акхлак-и-Мохсини» («Полезные нравоучения»).

Настоящий вариант рассказа составляет часть учения суфийского шейха Дауда из Кандагара. Она прекрасно изображает тот факт, что отношение людей к событиям зависит от их уровня понимания; их суждения о чем бы то ни было обусловлены их воспитанием. Косвенный метод обучения, использованный султаном Махмудом, представляет собой классический суфийский прием, который выражен в следующей фразе: «Говори со стеной так, чтобы тебя могла услышать дверь».

Однажды один рыбак выловил в море медный сосуд, запечатанный свинцовой печатью. Это был какой-то странный кувшин, необычной формы, и рыбак решил, что в нем спрятаны бесценные сокровища. К тому же ему не везло в этот день с уловом, а кувшин, даже не оказавшись в нем сокровищ, можно было продать меднику.

На пробке этого небольшого сосуда был начертан неизвестный рыбаку символ – печать Соломона, царя и мастера. В нем томился грозный и могущественный джинн. Сам Соломон заключил джинна в медную темницу и бросил на дно моря, чтобы избавить людей от его зла. Мятежный гений должен был пребывать в заключении до тех пор, пока не появится человек, который сумеет покорить его и вернуть на путь служения человечеству.

Но рыбак, конечно, ничего об этом не знал. В его руках находился предмет, который он собирался исследовать и который мог оказаться ему полезным. Покрытый изумительно тонким узором, кувшин сверкал и переливался на солнце. «В нем, конечно, запрятаны редчайшие драгоценности», – заранее радовался рыбак.

Забыв изречение: «Человек может пользоваться только тем, чем он умеет пользоваться», рыбак вытащил пробку и, торопясь увидеть содержимое сосуда, опрокинул его вверх дном и встряхнул. В кувшине ничего не оказалось. Он поставил его перед собой на землю и вдруг заметил, как из горлышка появилась тонкая струйка дыма; вот она стала завиваться, расти и, спустя мгновение, страшным черным столбом взметнувшись к небу, превратилась в огромное и ужасное существо, которое гулким громopodobным голосом заревело:

– Я – повелитель джиннов, обладатель чудесных сил. Я восстал против Соломона и по его приказу был заточен в этот сосуд. А теперь я уничтожу тебя.

Рыбак в ужасе упал на колени.

– Неужели ты убьешь своего избавителя?! – воскликнул он.

– Сейчас ты в этом убедишься, – прогремел джинн. – Я – порождение злого начала и, хотя я несколько тысячелетий томился в этой темнице, моя сущность духа-разрушителя ничуть не изменилась.

Только теперь человек понял, как он жестоко ошибся, понадеявшись извлечь пользу из неожиданного улова, даже не подумав о том, что за свою неосторожность может поплатиться жизнью.

Он совсем уж было приготовился к смерти, но внезапно его взгляд упал на соломонову печать на пробке и его осенило.

– Ты никак не мог выйти из этого кувшина, – сказал он джинну, – разве ты можешь поместиться в нем?

– Как?! – взревело чудовище, – ты не веришь мне, повелителю джиннов?! – С этими словами дух снова превратился в тоненькую струйку дыма и исчез в сосуде.

Быстро схватив пробку, рыбак крепко-накрепко запечатал кувшин и забросил его в море.

Прошло много лет и вот однажды другой рыбак, внук первого, закинул свой невод в этом же месте и вытащил тот же самый сосуд. Он поставил кувшин на песок и уже собирался его откупорить, но остановился в нерешительности, потому что вспомнил совет, который получил от своего отца, а тот от своего, и совет этот гласил: «Человек может использовать только то, что знает, как использовать».

Меж тем дух, разбуженный толчками, подал голос из своей медной тюрьмы:

– Сын Адама, кто бы ты ни был, распечатай кувшин и освободи меня, я – повелитель джиннов, обладатель чудесных сил.

Помня завещанный ему совет, юноша осторожно отнес кувшин в пещеру, а сам отправился на вершину горы к мудрецу.

Он обо всем рассказал мудрому человеку и спросил, как ему поступить.

Мудрец ответил:

– Отец дал тебе правильное наставление, и ты сам должен убедиться в его правильности, но прежде тебе необходимо знать, как за это взяться.

– Так что же мне делать? – спросил юноша.

– Ты, вероятно, уже знаешь, что бы тебе хотелось сделать?

– Единственное, чего я хочу – освободить джинна и получить от него волшебное знание или много золота и изумрудов, словом, все, что может дать джинн.

– А подумал ли ты, что джинн, оказавшись на свободе, может не дать тебе всего этого или дать, а потом отнять, – ведь у тебя нет способов сохранить его дары, не говоря уж о том, что ты не знаешь, какие опасности подстерегают тебя, когда ты станешь владельцем несметных богатств, ибо «человек может использовать только то, что он знает, как использовать».

– В таком случае, что вы мне посоветуете?

– Придумай, как заставить джинна проявить свои силы, испытай его могущество, но прежде найди способ обезопасить себя. Ищи знание, а не богатство, потому что богатство без знания бесполезно, и в нем причина всех наших несчастий.

Итак, молодой человек отправился обратно к пещере, где он оставил кувшин, по дороге размышляя над словами мудреца. Поскольку юноша был умен и сообразителен, он быстро разработал собственный план.

Подняв кувшин, он встряхнул его. В то же мгновение раздался ужасающий, хотя и заглушенный металлом голос джинна.

– Именем Соломона могущественного, мир да будет над ним, освободи меня, сын Адама.

– Я не верю, что ты тот, за кого себя выдаешь, и может ли быть, чтобы ты был обладателем столь великого могущества, на которое притязает?

– Не веришь мне?! Разве ты не знаешь, что я не умею лгать?

– Я этого не знаю.

– Но как же мне убедить тебя?

– Можешь ли ты проявить свои силы сквозь стенки сосуда?

– Могу, но с помощью этих сил мне не вырваться на волю.

– Вот и прекрасно. Тогда сделай так, чтобы я узнал истину о том, о чем я сейчас думаю.

В тот же миг рыбак узнал, откуда произошло изречение, которое он получил по наследству от деда. Он словно перенесся в прошлое и увидел все, что произошло между его дедом и джинном, а также осознал, как передать другим людям способ, которым они могли бы получить от джинна такое же знание. Еще он понял, что ничего больше он получить от джинна не сможет. И тогда он поступил так же, как его дед, отнес кувшин к морю и забросил подальше.

С тех пор рыбак не возвращался больше к своему прежнему ремеслу и всю свою жизнь разъяснял людям опасность того, когда человек пытается пользоваться тем, чем пользоваться не умеет.

Но так как людям не часто попадаются кувшины с джиннами, его последователи, не зная ни одного мудреца, который мог бы предостеречь их в подобных случаях, извратили то, что они называли его «учением» и без конца повторяли историю своего основателя. Спустя какое-то время память о нем превратилась в религию, и самые обыкновенные медные сосуды последователи рыбака стали выставлять в богатых храмах, выстроенных специально для этой цели. Глубоко почитая рыбака, они старались во всем ему подражать.

Кувшин и сейчас, спустя много столетий, по-прежнему остается для этих людей святым

символом и сокровенной тайной. Они пытаются любить друг друга, потому что любят рыбака. И в месте, где он некогда обосновался, устроив свое скромное жилище, они собираются по определенным дням, облачаются в прекрасные одежды и совершают тщательно разработанный ритуал.

Ревностные почитатели толпами стекаются к святому месту. Неизвестные им ученики того мудреца живы по сей день, истинные последователи рыбака тоже живы. А на дне моря лежит медный кувшин со спящим джинном.

Эта история в одном из вариантов хорошо знакома читателям арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

Здесь она представлена в том виде, в котором ее используют суфии. Интересно отметить, что «знание, полученное от джинна», было, говорят, источником могущества чародея Вергилия, жившего в средние века в Неаполе, и Герберта, который стал папой Сильвестром II в 999 году.

Птица и яйцо

Жила-была птица, которая не умела летать. Подобно бескрылым созданиям ходила она по земле, хотя и знала, что некоторые птицы летают.

Однажды в ее гнездо случайно попало яйцо летающей птицы, и она высидела его вместе со своими.

Вылупившийся птенец стал расти и развиваться, но присущая ему способность летать никак не проявлялась.

Иногда он спрашивал свою приемную мать: «Когда же я полечу?» А привязанная к земле птица отвечала ему: «Чтобы взлететь, ты должен быть настойчив в своем стремлении, как все птицы».

Она ведь не умела преподать оперившемуся птенцу урок полета, даже не знала, как вытолкнуть его из гнезда, чтобы он мог убедиться в своих силах.

Но странно, что птенец сам не замечал этого. Чувство благодарности к приемной матери не позволяло ему понять свое положение.

– Если бы не она, – рассуждал он сам с собой, я до сих пор оставался бы в яйце.

А иногда он говорил себе так:

– Тот, кому я обязан своим появлением на свет, конечно, научит меня летать. Это только вопрос времени или, возможно, все зависит от моих собственных усилий, а, может быть, для этого надо обладать какой-то высшей мудростью – других причин нет. Птица, которая привела меня к моему теперешнему состоянию, в один прекрасный день поднимет меня на следующую ступень.

Эта сказка в том или ином виде появляется в различных вариантах произведения Сухраварди «Авариф аль-Маариф».

Сказка несет в себе много значений. Говорят, что ученик может истолковать ее интуитивно, соответственно тому уровню сознания, которого он достиг. На обычном, поверхностном уровне она, несомненно, представляет собой историю поучительного характера, иллюстрирующую, помимо всего прочего, саму подоплеку современной цивилизации. В связи с этим в ней необходимо выделить две идеи. Первая – предположение, что одно обязательно вытекает из другого, может оказаться абсурдным и помешать дальнейшему прогрессу.

Вторая – если человек может справиться с какой-нибудь одной задачей, это еще не означает, что он может справиться с другой.

Три совета

Человек однажды поймал птичку.

– В неволе я тебе не пригожусь, – сказала ему птичка, – отпусти меня, и я дам тебе три ценных совета.

Первый совет птичка пообещала дать пока он будет держать ее в руке, второй – когда взлетит на ветку, и третий – на вершине холма.

Человек согласился и спросил, каков ее первый совет. Птичка сказала:

– Если ты чего-то лишился, пусть даже ты ценил это не меньше жизни, не жалея об этом.

Человек отпустил птичку, и она, взлетев на ветку, сказала свой второй совет:

– Никогда не верь тому, что противоречит здравому смыслу, не имеет доказательств.

Затем она полетела на вершину холма и закричала оттуда: «О несчастный! Я проглотила два огромных бриллианта. Если бы ты убил меня, они были бы твоими».

В отчаянии человек схватился за голову.

– Дай мне хотя бы свой третий совет, – сказал он, придя в себя.

– Какой же ты глупец! – воскликнула птичка, – ты просишь у меня третьего совета, даже не подумав над первым и вторым. Я сказала тебе, чтобы ты не сожалел о потерянном и не верил бессмыслицам, а ты только что поступил наоборот. Ты поверил нелепости и пожалел о том, чего лишился! Подумай сам, как же во мне, такой маленькой, могут поместиться два огромных бриллианта. Ты глуп, поэтому ты навсегда останешься тем, кто ты есть: обычным человеком.

В дервишских кругах этой сказке придается огромное значение, ибо считается, что она «показывает чувствительность» ума ученика, подготавливая его к переживаниям, которые невозможно вызвать никакими обычными средствами.

Ее постоянно используют суфии, она встречается в классическом произведении Руми «Месневи», а также приводится в «Божественной книге» Аттара, одного из учителей Руми. Оба они жили в XIII столетии.

Горная дорога

Некий интеллеktуал, ученый с логическим складом ума, приехал однажды в одно селение. Ему хотелось в виде упражнения и развлечения узнать, насколько различными могут быть мнения жителей этой местности об одном и том же предмете.

Войдя в караван-сарай, он спросил сидевших там людей, кто в их селении самый правдивый человек и кто самый отпетый лжец. Все единодушно признали самым большим лжецом селянина Казаба, а самым правдивым человеком Растгу. Ученый посетил того и другого, каждому из них задавая один и тот же вопрос: «Какой дорогой лучше всего добраться до следующей деревни?»

Растга Правдивый посоветовал идти горной дорогой.

Казаб Лжец тоже указал на горную дорогу.

Это, конечно, весьма озадачило исследователя.

Тогда он обратился с этим вопросом к другим жителям селения.

Одни сказали: «Лучше всего добираться по реке».

Другие говорили, что нужно идти через долину. Третьи также советовали идти через горы.

Итак, он пошел горной дорогой, но теперь к основной цели его путешествия прибавилась еще одна – во что бы то ни стало узнать, почему совпали ответы самого правдивого и самого лживого.

Добравшись до следующего селения, ученый остановился на постоялом дворе и рассказал свою историю, закончив ее такими словами: «Конечно, основную логическую ошибку я допустил в том, что попросил невежественных людей указать правдивого и лжеца. Я прекрасно добрался сюда горной дорогой».

Один мудрый человек из тех, кто слышал его рассказ, сказал:

– Следует признать, что логически мыслящим людям присуща слепота. Поэтому им приходится обращаться за помощью к другим людям. Но данный случай объясняется не только этим. Дело вот в чем: самый легкий путь сюда – река, поэтому лжец посоветовал идти горной дорогой. А правдивый человек был и в самом деле правдив; он заметил, что у вас есть осел, на котором вы сможете легко преодолеть горный хребет. Лжец оказался невнимательным и поэтому не подумал о том, что у вас нет лодки, иначе посоветовал бы добраться по реке.

Обычно людям кажется невозможным поверить в способности благословения суфиев. Но такие люди не имеют никакого представления об истинной вере. Они слепо верят во всевозможные басни по привычке или потому, что услышали их от авторитетов.

«Истинная вера не имеет к этому никакого отношения. Только те могут приобрести подлинную веру, кто пережил нечто. И когда они уже пережили... рассказы о способностях и благословениях лишаются для них всякой ценности». Эти слова, сказанные сейид Шахом из ордена Кадирийа, иногда предпосылаются сказанию «Горная дорога».

Змея и павлин

Однажды юноша по имени Ади, прозванный Вычислителем потому, что он изучал математику, решил покинуть Бухару и отправиться на поиски Великого Знания.

Его Учитель посоветовал ему идти на юг и сказал при этом:

– Узнай значение павлина и змеи.

Над этими словами и размышлял юный Ади в дороге.

Путь его лежал в Ирак через Хорасан. Достигнув конца дороги, он и в самом деле увидел змею и павлина, которые о чем-то беседовали. Ади приблизился к ним и спросил, о чем они говорят.

– Мы сравниваем наши достоинства, – ответили они.

– Продолжайте, прошу вас, – сказал Ади, – это как раз то, что меня чрезвычайно интересует.

– Я думаю, что я гораздо важнее змеи, – начал павлин. – Я олицетворяю вдохновение, устремленность к небесам, к вечной красоте, другими словами, высшее знание. Мое предназначение – напоминать человеку о его собственных качествах, не известных ему.

– Я, – прошипела змея, – олицетворяю собой то же самое. Подобно человеку, я привязана к земле. Этим я напоминаю чело-веку его самого. Я такая же гибкая, как он, потому что ползаю по земле, извиваясь. Человек об этом часто забывает. По преданию я – страж подземных сокровищ.

– Но ты вызываешь отвращение! – воскликнул павлин. – Ты лукава, скрытна, ядовита.

– Ты перечисляешь мои человеческие черты, – ответила змея, – между тем как я хочу указать на мое назначение. Но взгляни на себя самого. Ты тщеславный, отвратительно толстый и у тебя противный голос; ноги твои непомерно велики, а перья слишком длинные.

Тут Ади вмешался в беседу.

– Наблюдая ваш спор, я понял, что ни один из вас не прав полностью. И все же вы можете ясно увидеть, если отбросите ваши личные предубеждения, что вместе вы являетесь поучительным примером для человечества.

И Ади объяснил им, в чем их назначение, а они его молчаливо слушали.

– Человек привязан к земле, как змея. У него есть возможность подняться ввысь, подобно птице. Но имея в себе что-то от жадной змеи, он остается эгоистичным даже в этом высоком стремлении и становится похожим на надутую гордостью павлина. В павлине больше заметны возможности человека, которые так и не смогли развиваться правильно. Сверкающая чешуя змеи говорит о возможной красоте, а в павлине эта возможность проявляется в кричащей пестроте хвоста.

Только Ади это произнес, как услышал внутри себя голос, сказавший ему:

– И это еще не все. Два существа, которых ты видишь перед собой, наделены жизнью. Это в основном и представляет их свойства. Они спорят друг с другом потому, что каждый из них привязан к своему собственному образу жизни, полагая, что своим существованием он осуществляет нечто истинное. Однако змея охраняет сокровища, но не может воспользоваться ими. Павлин, олицетворяя красоту, напоминает о сокровищах, но это несколько не помогает ему измениться. Хотя сами они не способны извлечь какую-либо пользу из того, чем они обладают, их пример служит назиданием для тех, кто может видеть и слышать.

Этот рассказ, сохранившийся в предании, показывает, как дервишские мастера формируют «школы» на основе различных символов, которые они выбирают для того, чтобы проиллюстрировать свои аргументы.

На арабском «павлин» означает также «украшение», тогда как «змея» по написанию сходно со словами «организм» и «жизнь». Таким образом символизм таинственного культа ангела-павлина у Йазидов указывает на традиционную суфийскую доктрину «внутреннего и внешнего».

Изучаемый востоковедами таинственный культ змеи и павлина по сей день существует на Среднем Востоке и имеет последователей в Британии и США (которые не связаны с иранскими последователями).

Райская вода

Бедуин Харрис и его жена Нафиса кочевали от стоянки к стоянке, разбивая свою потрепанную палатку в тех местах, где им попадались хотя бы несколько финиковых деревьев, колючий кустарник для их верблюда или родничок солоноватой воды. Так они жили в течение многих лет. Все дни Харриса были похожи один на другой и редко что-нибудь нарушало их привычное течение: он ловил обитающих в пустыне зверьков ради их шкурок и плел веревки из пальмовых волокон для продажи встречным караванщикам.

Но вот однажды Харрис нашел в песках новый источник. Он зачерпнул в ладони немного воды и попробовал ее. Вода настолько отличалась от обычной воды, которую он привык находить в пустыне, что она показалась ему райской. Нам эта вода показалась бы отвратительной и соленой, но Бедуин был от нее в восторге.

– Эту воду, – сказал он себе, – я должен отнести тому, кто оценит ее по достоинству.

И Харрис тут же поспешил в Багдад ко двору Гарун аль-Рашида, наполнив водой два бурдюка, – один для себя, другой для халифа.

Днем и ночью он гнал без усталости своего верблюда, оста-навливаясь лишь затем, чтобы подкрепиться сухими финиками.

Очутившись в Багдаде, бедуин направился прямо ко дворцу повелителя. Стражники у ворот выслушали его и только потому, что так было заведено при дворе Харуна, провели его в тронный зал.

– О повелитель правоверных, – обратился Харрис к халифу, – я бедный бедуин и хорошо знаю все источники в пустыне, хотя и мало что смыслю в чем-нибудь другом. Я нашел источник райской воды и подумал, что вода его достойна такого великого мужа, как ты. Не откажись же принять мое подношение.

С этими словами он передал Гаруну аль-Рашиду бурдюк с водой.

Гарун Справедливый попробовал воду и тут же, поняв в чем дело, ибо хорошо знал свой народ, приказал страже увести Харриса и не отпускать, пока он не вынесет решение.

Затем халиф вызвал к себе начальника дворцовой стражи и сказал ему: «То, что для нас пустяк, для него – все. Выведи этого бедуина под покровом ночи из дворца, чтобы он не увидел могучей реки Тигр, и не отходи от него ни на шаг, пока вы не доберетесь до его стоянки. Он ни в коем случае не должен испробовать сладкой речной воды. Когда вы окажетесь на месте, поблагодари его от моего имени и передай в подарок от меня тысячу золотых. Скажи, что он назначается хранителем источника райской воды и, во имя повелителя правоверных, может снабжать этой водой каждого путешественника».

Это сказание известно также и под другим названием: «Рассказ о двух мирах». Его автором считается Абу аль-Атахийя из Аниса, современник Гарун аль-Рашида. Он основал дервишское братство Масхарайа («Бражники»), название которого увековечено в западных языках словом маскара. Последователей аль-Атахийя можно найти в Испании, Франции и других странах.

Аль-Атахийя называют «отцом арабской священной поэзии».

Есть поговорка: «Жестокость» человека знания лучше «доброты» глупца».

– Я, Сейлим Абдали, свидетельствую, что – это истина как на высших уровнях существования, так и на низших.

Доказательством этого может послужить история о всаднике и змее, оставленная потомству великим мудрецом.

Некий всадник, проезжая однажды по дороге, увидел, как маленькая ядовитая змея вползла в раскрытый рот спящего на земле человека. Всадник понял, что если несчастному позволить спать, то яд наверняка убьет его. Подхлестнув своего коня, он в одно мгновение оказался возле спящего и что есть силы стал стегать его кнутом, пока тот не вскочил на ноги с вытаращенными от страха глазами. Не давая ему времени опомниться, всадник погнал его к дереву, под которым валялось множество яблок, и заставил его их есть, потом ударами кнута пригнал его к реке и приказал пить воду большими глотками.

Человек то и дело пытался удрать от мучителя.

– Что я тебе сделал, о враг рода человеческого?! – стонал несчастный, захлебываясь водой. – За что ты издеваешься надо мной?!

Но всадник был неумолим. До самых сумерек он истязал человека, и в конце концов тот, теряя сознание, упал на землю, его стало рвать и вместе с гнильем и водой он выплюнул змею.

Только теперь спасенный понял, какая ему угрожала опасность, и он стал просить у своего избавителя прощения.

В таком же положении находимся и мы. Читая этот рассказ, не принимай буквальное за аллегория и не ищи аллегии в том, что должно быть понято буквально. Тот, кто наделен знанием, несет на себе ответственность. Кто не имеет знания, живет только своими предположениями.

Спасенный человек сказал всаднику: «Если бы ты сразу объяснил мне в чем дело, я принял бы твоё лечение с большой охотой».

Всадник ответил: «Если бы я рассказал тебе все с самого начала, ты бы мне все равно не поверил, или тебя сковал бы страх, или ты убежал бы, или, наконец, снова заснул, ища забвения, и тогда было бы уже слишком поздно».

Сказав это, таинственный всадник пришпорил коня и ускакал прочь.

Сейлим Абдали, живший с 1700 по 1765 год, навлек на суфиев со стороны интеллектуалов множество яростных нападков, заявив, что суфийский мастер может знать, какая опасность угрожает человеку, и в случае необходимости применить быстрые и иногда парадоксальные меры для его спасения. Это утверждение привело в дикое бешенство тех, кто не понимал, что он имеет в виду.

Историю «Всадник и змея» Абдали заимствовал у Руми. Даже сегодня многим людям придется не по душе идея рассказа. Тем не менее, эту идею в той или иной форме принимают все суфии. В комментарии на рассказ Хайдар Гул сказал только следующее: «Существует предел, который человечеству вредно переступать, завеса, скрывающая истину, чтобы не повредить тем, чей ум закрыт».

Иса и неверующие

Мастер Джалалуддин Руми и другие рассказывают, что однажды Иса, сын Марии, шел по пустыне, недалеко от Иерусалима, с несколькими людьми, в которых еще сильна была жадность.

Они умоляли Ису назвать тайное слово, воскрешающее мертвых.

– Если я сообщу вам эту тайну, – отвечал им Иса, – вы неправильно воспользуетесь ею.

Люди же настаивали на своем:

– Мы подготовлены к такому знанию, – сказали они, – и вполне заслуживаем его. Кроме того, оно укрепит нашу веру.

– Вы сами не знаете, о чем просите, – возразил Иса, но все же открыл им великое слово.

Позднее эти люди, вновь оказавшись в пустыне, увидели на земле кучу побелевших от времени костей.

– Давайте попробуем могущество Слова, – сказали они друг другу и хором произнесли его.

Едва они произнесли его, как кости соединились в скелет, который стал обрастать мясом, мясо покрылось шерстью, и вот перед ними предстал дикий хищный зверь.

Ожившее чудовище набросилось на них и разорвало на куски.

Имеющие разум поймут. Люди менее развитые сумеют развиться, изучая эту историю.

Иса, о котором здесь идет речь, – это Иисус, сын Марии. Рассказ появляется в произведении Руми и весьма часто повторяется в устных дервишских преданиях об Иисусе. Этих преданий существует великое множество.

Традиция относит к своим знаменитым «продолжателям» одного из первых, кто носил титул «суфий» – Джабира, сына аль-Хайзла, латинского Герберта, который также считается родоначальником христианской алхимии.

Джабир первоначально был сабием. Согласно западным авторам, ему принадлежат важные химические открытия.

В парфюмерном ряду

Мусорщик, проходя по парфюмерным рядам, вдруг потерял сознание и упал на мостовую. Из всех лавок к нему бросились люди и принялись опрыскивать его ароматной водой, чтобы привести в чувство. Но ему от этого становилось еще хуже.

К счастью, мимо проходил человек, который раньше тоже был мусорщиком. Он тут же понял, в чем дело, и поднес к носу пострадавшего что-то дурно пахнущее.

Мусорщик тут же пришел в себя и радостно воскликнул:

– Вот истинное благовоние!

Ты должен подготовиться к переходу туда, где многие вещи, к которым ты здесь привык, покинут тебя. После смерти твое "я" должно будет откликнуться на влияния, которые ты еще здесь имеешь возможность испытать.

Если ты сохранишь свою привязанность к нескольким знакомым вещам, ты станешь несчастным, подобно мусорщику, очутившемуся в парфюмерном ряду.

Мораль этой притчи очевидна. Газали приводит ее в своей работе «Алхимия счастья» (XI век), желая подчеркнуть суфийское учение о том, что очень небольшое из знакомого мира связано с «другим измерением».

Притча о жадных сыновьях

Жил когда-то трудолюбивый и щедрый крестьянин, у которого были ленивые и жадные сыновья. Перед смертью он собрал своих сыновей и сказал им, что если они будут копать в таком-то и таком-то поле, они найдут зарытые там сокровища.

Когда крестьянин умер, его сыновья, придя на поле, стали усердно и тщательно перекапывать его вдоль и поперек, но сокровищ так и не обнаружили.

Не найдя в земле ни единой монеты, они решили, что отец по своей щедрости раздал все золото, но, по-видимому, сам забыл об этом, и прекратили поиски. Тут их осенило: раз уж земля вскопана, на ней можно что-то посадить. Братья засеяли поле пшеницей и спустя несколько месяцев собрали богатый урожай.

Продав пшеницу, они целый год жили в достатке.

Однако после сбора первого урожая у них снова появилась мысль о большом богатстве, которое они могли тогда проглядеть, и братья заново перекопали поле, но с тем же успехом.

Так через несколько лет эти люди привыкли к труду и научились различать времена года, о чем прежде не имели никакого представления. Тут-то они поняли, почему их отец применил такой метод воспитания, и стали честными и зажиточными крестьянами. Вскоре они увидели, что обладают достаточным богатством и совсем перестали думать о зарытых сокровищах.

Вот так же обстоят дела с изучением науки о человеческой судьбе и смысле жизни. Учитель, сталкивающийся с нетерпеливостью, сомнениями и жадностью учеников, должен побудить их совершать действия, которые, в чем он уверен, помогут им развиваться, но истинная задача и цель этих действий самим ученикам часто остается неизвестной из-за их неподготовленности к восприятию.

Эта история, подчеркивающая, что в человеке могут развиваться какие-то определенные способности, хотя он сам пытается развить совершенно другие, необычно широко известна.

Популярность этой притчи можно объяснить предпосылаемым ей обычно высказыванием: «Те, кто повторяют этот рассказ, приобретут больше, чем могут предположить».

История публиковалась францисканцем Роджером Бэконом (у которого можно найти ссылки на суфийскую философию и который преподавал в Оксфорде, откуда был удален по приказу Папы) и химиком XVII столетия Боэрхааве.

Настоящая версия рассказа приписывается суфию Хасану из Басры, жившему около двенадцати столетий назад.

Сущность ученичества

Иорахим Кхавас рассказывал, что в юности он очень хотел присоединиться к обучающему мастеру. Он разыскал мудреца и попросил-ся к нему в ученики.

– Ты еще не готов, – сказал Учитель.

Но молодой человек настаивал.

– Что ж, хорошо, – согласился мудрец, – я научу тебя чему-нибудь. Сейчас я отправляюсь в паломничество в Мекку. Если хочешь, пойдём вместе.

Ученик был в восторге.

Итак, они собрались в дорогу, но перед тем как тронуться в путь, мудрец сказал:

– Отныне мы с тобой спутники и потому один из нас должен руководить, а другой – повиноваться. Какая роль тебе по душе?

– Руководите мной, я буду повиноваться, – ответил юноша.

– Пусть будет по-твоему, если ты знаешь, как повиноваться.

Путь их лежал через Хиджанскую пустыню. С наступлением темноты они расположились на ночлег. Вдруг полил сильный дождь. Мастер поднялся, достал кусок материи и, растянув ее, стал укрывать юношу от дождя.

– Но ведь это входит в мои обязанности, – запротестовал Иорахим.

– Я приказываю позволить мне укрывать тебя, – прервал его мудрец.

Утром ученик сказал: «Если вы не возражаете, сегодня я буду руководить». Мастер согласился.

– Пойду соберу немного хвороста для костра, – сказал молодой человек.

– Ты не должен этого делать. Я сам принесу хворост, – сказал мудрец.

– Я приказываю вам остаться здесь, пока я буду собирать хворост.

Но мудрец возразил:

– Подобные занятия не для тебя, ибо принципы ученичества не согласуются с тем, чтобы подчиненный позволил руководителю обслуживать себя.

Вот так каждый раз мастер демонстрировал молодому человеку, что такое ученичество.

Они расстались у ворот Святого Города. Встретившись с мудрецом позднее, юноша пристыженно потупил взор.

– То, что ты узнал тогда, – сказал старец, – открыло тебе до некоторой степени сущность ученичества.

Ибрахим Кхавас («Победоносный Ткач») так определяет суфийский путь: «Позволь тому, что делается для тебя, быть сделанным. Делай для себя то, что ты должен сделать сам».

Эта история в несколько утрированной форме подчеркивает, что действительные взаимоотношения между учителем и учеником весьма отличаются от того, что думает о них будущий ученик.

Кхавас был одним из великих мастеров древности, и это путешествие описывается в книге Худжвири «Раскрытие скрытого за завесой», которая представляет собой самый ранний из дошедших до нас трактат по суфизму на персидском языке.

Посвящение Малика Динара

После многолетнего изучения философских доктрин Малик Динар, наконец, почувствовал, что теперь пора ему отправляться на поиски знания.

– Я иду искать Скрытого учителя, – сказал он сам себе, – который, как говорят, находится в моем совершенном "я".

Захватив с собой немного фиников, Малик вышел из дому и отправился в путь. Вскоре он увидел впереди себя дервиша, устало бредущего по пыльной дороге. Ускорив шаги, он поравнялся со стариком, и некоторое время они шли рядом, не говоря друг другу ни слова. Первым нарушил молчание дервиш.

– Кто ты и куда направляешься? – спросил он.

– Меня зовут Динар, – ответил Малик. – Я иду искать Скрытого учителя.

– А я – аль-Малик аль-Факих, и я пойду с тобой, – сказал дервиш.

– Можешь ли ты помочь мне разыскать Учителя? – спросил Динар.

– Могу ли я помочь тебе, можешь ли ты помочь мне? – спросил Факих в нарочито грубой манере дервишей, как они обычно говорят; затем он продолжал. – Скрытый учитель, говорят, пребывает в самом человеке; находит его человек или нет зависит от того, как он применяет свой опыт. А это нечто такое, что только частично может быть передано другим человеком.

Вскоре они подошли к дереву, которое раскачивалось и скрипело. Дервиш остановился, с минуту помолчал, потом сказал: «Дерево говорит: что-то причиняет мне боль – остановитесь и избавьте меня от страданий».

– Я тороплюсь, – сказал Динар, – и вообще, как может дерево говорить. – И они отправились дальше.

Когда они отошли от дерева на несколько миль, дервиш сказал: «Когда мы стояли возле дерева, мне почудился запах меда. Может быть, в его дупле гнездо диких пчел?»

– Тогда нам нужно скорее вернуться назад, – воскликнул Динар, – если нам посчастливится найти мед, мы немного оставим себе, а остальное продадим по дороге.

– Пусть будет по-твоему, – ответил дервиш, и они повернули назад. Но возвратившись к дереву, Динар и дервиш увидели, что другие путешественники опередили их и достали из дупла очень много меда.

– Какую нужду мы терпели, – сказали эти люди Динару и Факиху, – а этого меда хватит, чтобы накормить целый город. Мы, бедные странники, можем теперь стать купцами; отныне мы ни в чем не будем нуждаться.

Динар и дервиш снова продолжили свой путь.

Через некоторое время они подошли к огромной муравьиной куче, из которой доносилось приглушенное гудение. Дервиш прижался ухом к земле, вслушиваясь во что-то, затем поднялся и сказал:

– Эти муравьи строят колонию. Своим гудением они молят о помощи. Они говорят на муравьином языке: «Помогите нам! Мы натолкнулись на странную преграду, мешающую нам рыть дальше. Помогите ее убрать». Ну что, поможем или тебе некогда?

– Брат, нам нет дела до муравьев и их преграды, – сказал Малик. – Лично я должен искать своего Учителя.

– Как знаешь, – ответил дервиш, – но они еще говорят, что все вещи взаимосвязаны, и этот случай может иметь некоторое отношение к нам.

Но Динар не обратил внимания на замечание старика и устремился вперед.

Вечером, когда они остановились на ночлег, Динар обнаружил, что потерял свой нож.

– Наверное, я обронил его у муравейника, – сказал он.

На следующее утро путники повернули в обратный путь.

Ножа они так и не нашли, но, подойдя к муравейнику, увидели нескольких людей в перепачканных одеждах, которые сидели прямо на земле перед грудой золотых монет.

– Это, – объяснили они Динару, – клад. Мы его только что выкопали. Мы шли по дороге, как вдруг нас окликнул какой-то старый и совсем дряхлый дервиш. «Ройте здесь, – сказал он, – и вы найдете то, что для одних преграда, а для других золото».

Динар проклинал себя за нетерпение.

– Если бы мы задержались здесь прошлой ночью, о дервиш, ты и я сделали бы богачами, – сетовал он.

– Этот дервиш, – сказал вдруг один из счастливых, показывая на Факиха, – очень похож на того старца, который остановил нас.

– Все дервиши похожи друг на друга, – ответил Факих, и они с Динаром пошли дальше.

Спустя несколько дней путники подошли к реке. Они уселись на берегу, ожидая перевозчика и любуясь живописной местностью.

Вдруг из воды вынырнула огромная рыба и уставилась на них.

– Рыба обращается к нам, – промолвил дервиш. – Она говорит: «Я проглотила камень. Выловите меня и дайте мне целебной травы, тогда я его выплюну и не буду больше мучиться. О странники, проявите ко мне сострадание!»

Тут к берегу пристала лодка с перевозчиком, и нетерпеливый Динар втокнул в нее Факиха. Перебравшись на другой берег, они заплатили лодочнику медную монетку и направились на ночлег в чайхану, которую специально для странников построил когда-то на берегу один добрый человек.

Утром, неспеша потягивая чай, Динар и дервиш увидели, как в чайхану вошел знакомый им лодочник.

– Вчерашний вечер оказался для меня счастливым, – объяснил он с порога, – странники принесли мне удачу.

Поцеловав руку почтенному дервишу, он попросил его благословения.

– Ты заслужил все это, сын мой, – сказал Факих.

Лодочник рассказал, что этой ночью он разбогател, и вот как это случилось: с наступлением темноты он, как обычно, хотел закончить работу и отправиться домой, но заметил на другом берегу двух путников и решил задержаться, чтобы перевезти их. Сделал он это не ради денег, ибо увидел, что путники бедно одеты, а ради «бараки» (благословение, сила, святость), милости, которой удостаиваются те, кто помогает странникам. И когда он, переправив их через реку, стал привязывать лодку к причалу, из воды выбросилась рыба и, забив хвостом по земле, попыталась ухватить ртом листок с прибрежного куста. Лодочник сорвал листок и положил ей в рот. Рыба тут же выплюнула камень и плюхнулась в воду. Камень оказался огромным сверкающим алмазом неисчислимой стоимости.

– Ты суций дьявол, – воскликнул пораженный Динар, повернувшись к Факиху. – Ты заранее знал о всех трех сокровищах благодаря какому-то внутреннему восприятию, но не сказал мне об этом. Разве настоящее сотрудничество в этом? И прежде я терпел множество неудач, но без тебя я никогда бы не узнал, что скрывается в дереве, муравейнике и рыбе!

Только он произнес это, как вдруг словно бы могучий порыв ворвался в его душу и Малик Динар осознал, что истина противоположна тому, что он сказал.

Факих, чье имя означает Победоносный султан, слегка коснулся плеча Динара и улыбнулся.

– Сейчас, брат, – промолвил он, – ты поймешь, что можно учиться через опыт. Я тот, кто послан тебе скрытым Учителем.

Когда Малик Динар, наконец, осмелился поднять глаза, он увидел своего Учителя, идущего по дороге с небольшой группой путешественников, которые обсуждали трудности предстоящего пути.

Сегодня имя Малика Динара упоминают среди имен наиболее выдающихся дервишей, его называют спутником, образцом, достигшим.

Малик Динар – один из ранних классических мастеров.

Победоносный султан в этой истории олицетворяет «высшую функцию ума», называемую Руми «человеческим духом»; эту функцию человек должен воспитывать в себе, чтобы достичь просветления.

В настоящем варианте сказание принадлежит эмиру аль-Арифину.

Глупец и верблюд

Глупец однажды увидел верблюда и спросил его:

– Почему у тебя такое уродливое горбатое тело?

– Из оценки создается мнение, – ответил верблюд. – Ты приписываешь ошибку тому, кто создал меня таким. Сознаешь ли ты это?! Не считай мой горб недостатком. Я создан таким по определенной причине и для определенной цели. Лук должен быть согнутым, тетива – прямой.

Ты глупец! Ослиное восприятие – от ослиной природы.

Мауляна Маджуд, известный также как Хаким Санай, просветленный мудрец из Газны, наделяющий жизнью, много писал о ненадежности субъективных мнений и обусловленных оценок.

Одно из его высказываний гласит: «В кривом зеркале твоего ума ангел может показаться тебе дьяволом».

Приведенная притча взята из его произведения «Окруженный стеной сад истины», которое написано около 1130 года.

Три драгоценных кольца

Жил некогда мудрый и богатый человек и был у него сын. Однажды он сказал своему сыну: «Сын мой, вот я даю тебе драгоценное кольцо. Храни его как знак того, что ты мой наследник, и передай своему потомству. Это очень редкое и красивое кольцо, и с его помощью можно открыть дверь в сокровищницу».

Через несколько лет у этого человека родился еще один сын. Когда он немного подрос, мудрец дал ему другое кольцо с таким же напутствием.

Так же он поступил и с третьим, последним своим сыном.

Прошло время, и старец умер, его сыновья выросли и стали доказывать друг другу свое превосходство, ибо каждый полагал, что кольцо, которое он получил от отца, несомненно, свидетельствует о его избранности. Ни один из них, однако, не мог объяснить, почему он считает свое кольцо самым ценным.

У братьев появились свои последователи, отстаивающие ценность и красоту одного из трех колец.

Но странная вещь – «дверь в сокровищницу» по-прежнему оставалась закрытой для обладателей «ключей» и их сподвижников. Все они были слишком поглощены проблемой первенства, обсуждением красоты и достоинств своих колец.

Лишь немногие пытались найти дверь в сокровищницу старца. А кольца обладали волшебными свойствами. Хотя они были ключами, ими нельзя было в буквальном смысле открыть дверь в сокровищницу: нужно было просто взглянуть на них, позабыв раздоры и не привязываясь ни к одному из их качеств. Те, кто догадывался сделать это, могли указать, где находится сокровищница, и проникнуть в нее, удерживая в своей памяти контуры кольца. Сокровища также обладали чудесными свойствами – они были неисчерпаемы.

Между тем, поклонники колец каждый на свой лад повторяли то, что говорил их общий предок о достоинствах колец.

Первая община решила, что она уже нашла сокровища.

Вторая община считает историю о сокровищах аллегорией.

По мнению третьей общины, дверь в сокровищницу откроется в далеком будущем, о котором они имеют весьма смутные представления.

Эту сказку, в которой многие видят намек на три религии – иудаизм, христианство и ислам, – в несколько измененном варианте можно встретить в «Джеста Романорум» и в «Декамероне» Бокаччо.

В настоящем варианте она, как сообщают, была рассказана одним из суфийских мастеров ордена Сухравердийа в ответ на вопрос о достоинствах различных религий. Некоторые комментаторы полагают, что она послужила источником для «Сказки о бочке» Свифта.

История также известна как декларация руководства королевской тайны.

Человек, у которого была необъяснимая жизнь

Жил когда-то человек по имени Моджуд. Жил он в небольшом городке, работал мелким служащим, и было похоже на то, что он так и кончит свои дни инспектором мер и весов.

Однажды неподалеку от своего дома Моджуд прогуливался по парку среди древних развалин, и вдруг перед ним в сверкающих зеленых одеждах появился Хызр, таинственный предводитель суфиев.

– Человек с блестящими перспективами, оставь свою работу и жди меня через три дня на берегу реки, – сказал Хызр и исчез.

Чувствуя какую-то тревогу, Моджуд отправился к своему начальнику и попросил освободить его от должности. Весть об этом вмиг облетела жителей городка. В уличных разговорах только и слышно было: «Бедняга Моджуд! Он, наверное, рассудка лишился». Но так как на его место было много претендентов, о нем вскоре забыли.

В условный день Моджуд встретил Хызра, и тот сказал ему:

– Разорви на себе одежду и прыгай в воду. Возможно, тебя кто-нибудь спасет.

Моджуд сделал так, как ему было сказано, хотя и чувствовал, что сходит с ума.

Он умел плавать и потому не утонул, но его долго несло течением, пока какой-то рыбак не вытащил его в свою лодку, приговаривая:

– Чудак! Здесь сильное течение. Зачем ты полез в реку?!

– Я и сам не знаю, – ответил Моджуд.

– Да ты спятил! – воскликнул рыбак. – Ну ладно, вон на берегу мой шалаш, я отвезу тебя туда, а там посмотрим, что с тобой делать. – И рыбак направил лодку к берегу.

Узнав, что Моджуд образованный человек, рыбак оставил его у себя. Он кормил Моджуда, а Моджуд учил его читать и писать и помогал ему в работе.

Так прошло несколько месяцев. Однажды вечером, когда Моджуд уже улегся спать, перед ним появился Хызр и сказал:

– Вставай немедленно и уходи от этого рыбака. Ты найдешь себе пропитание и в другом месте.

Моджуд тут же поднялся с постели и вышел из лачуги, одетый так, как обычно одевались рыбаки. Полночи проплутав в темноте, он выбрался, наконец, на дорогу и зашагал вперед. На рассвете Моджуд нагнал крестьянина, неторопливо трусившего на осле, и пошел рядом с ним.

– Ты, наверно, ищешь работу? – обратился к нему крестьянин. – Если хочешь, идем со мной. Я иду на базар, и на обратном пути мне понадобится носильщик.

Моджуд нанялся к крестьянину на работу. Он проработал у него около двух лет и за это время приобрел много новых познаний, но все они относились только к сельским работам и ни к чему более.

Как-то в полдень Моджуд, увязывая в тюки шерсть, снова увидел перед собой Хызра, который сказал:

– Оставь эту работу, возьми свои сбережения, ступай в город Мосул и открой там торговлю кожей.

Моджуд так и сделал. В Мосуле он стал известен как торговец кожей. Три года он был купцом, и за это время Хызр ни разу не приходил к нему. Скопив немного денег, Моджуд уже стал подумывать о покупке дома, как вдруг однажды перед ним опять предстал Хызр.

– Отдай мне свои деньги, – приказал он, – и отправляйся в далекий Самарканд. Там ты должен стать бакалейщиком.

Итак, Моджуд отправился в путь и спустя некоторое время обосновался в Самарканде.

Вскоре в его жизни стали проявляться все признаки просветленного человека. Он излечивал больных, помогал своим компаньонам и во время работы, и в свободное время и все глубже и глубже проникал в тайны духа. Священники, философы и многие другие посещали его и спрашивали:

– Кто ваш Учитель?

– Трудно сказать, – отвечал Моджуд.

– С чего вы начали вашу карьеру? – спрашивали его ученики.

– Я был мелким чиновником.

– И вы оставили эту должность, чтобы посвятить себя аскетизму?

– Нет. Просто оставил.

Они не понимали его.

Некоторые хотели описать жизнь этого удивительного бакалейщика и спрашивали Моджуда: «Какие приключения вы испытали в своей жизни?»

– Я бросился в реку, стал рыбаком, затем однажды ночью покинул рыбацкую хижину и некоторое время проработал у крестьянина. Как-то упаковывая шерсть, я изменился и ушел в Мосул, где открыл торговлю кожей. Там я скопил немного денег, но отдал их и отправился в Самарканд. И вот сейчас я бакалейщик.

– Но все эти непонятные события никак не объясняют ваших удивительных способностей и поступков.

– Да, это так, – отвечал Моджуд.

И тогда биографы сочинили о Моджуде захватывающую историю, потому что все святые должны иметь свои жития, и житие должно отвечать интересам публики, а не реальности жизни.

Говорить же о Хызре никому не разрешается, и потому созданное их воображением житие Моджуда весьма далеко от правды.

Вот описание реальной жизни одного из величайших суфиев.

Шейх Али Фармадхи считал это предание важным для иллюстрации суфийского убеждения, что «невидимый мир» во всякое время и в самых различных местах переплетается с обычной реальностью.

«Необъяснимое, – говорит он, – фактически обязано своим существованием этому чудесному переплетению. Но люди не признают участия этого „мира“ в их мире, потому что твердо верят, что знают истинные причины событий. На самом же деле они этого не знают. И только, когда они могут удержать в своем уме возможность другого измерения, иногда врывающегося в ход обычных событий, это высшее измерение становится доступным для них».

Шейх Али Фармадхи – десятый шейх и обучающий мастер братства Хаджаганиа, которое позднее стало известно как орден Накшбандийа.

Настоящий вариант сказания взят из рукописи Лала Анвар «Хикайат-и-Абделан» («Сказание об изменениях»). Рукопись датируется XVII веком.

Неблагоприятное время

Жил когда-то в Багдаде богатый купец. Надежен был его дом, он владел большими и малыми поместьями, его корабли с ценными товарами ходили в Индию. Унаследованные от отца богатства он приумножил своими усилиями, приложенными в должном месте в благоприятное время, а также благодаря мудрым советам и руководству Западного Короля, как называли в то время султана Кордовы.

Но вдруг счастье изменило ему. Дома и земли были захвачены жестоким правителем, корабли, застигнутые тайфуном, затонули, несчастья обрушились на его семью. Даже близкие друзья, казалось, перестали понимать купца, несмотря на то, что совершенные отношения были их общим стремлением.

И тогда купец решил отправиться в Испанию, чтобы просить помощи у своего прежнего покровителя. Путь его пролегал через западную пустыню. Бедствия одно за другим подстерегали его в дороге. Осел его подход, сам он был схвачен разбойниками и продан в рабство. С большим трудом удалось купцу вырваться на свободу.

Лицо беглеца, обожженное солнцем, напоминало выдубленную кожу. Грубые жители деревень, через которые он проходил, гнали его прочь. И только бродячие дервиши делились с ним скудной пищей и давали тряпье, чтобы прикрыть наготу. Иногда ему удавалось добыть немного свежей воды, но чаще приходилось довольствоваться солоноватой, мало пригодной для питья.

Наконец он достиг дворца Западного Короля. Но и здесь его ждали неудачи. Стража пинками отгоняла от ворот оборванца, придворные не хотели с ним разговаривать. Пришлось бедняге наняться на грязную работу во дворце. Скопив немного денег, он купил себе приличную одежду, явился к главному церемоний-мейстеру и попросил допустить его к султану.

Когда-то купец был близок к монарху, пользовался его благосклонностью и об этом счастливым времени у него сохранились самые живые воспоминания.

Но так как нищета и унижения наложили свой отпечаток на манеры купца, церемониймейстеру стало ясно, что нельзя ввести этого человека в высокое присутствие, пока он не получит нескольких необходимых уроков светского обхождения и не научится владеть собой.

Наконец, уже спустя три года, как он покинул Багдад, купец вошел в тронный зал султана Кордовы. Король сразу его узнал, усадил на почетное место рядом с собой и попросил рассказать о своей жизни.

– Ваше величество, – сказал купец, – последние годы судьба была ко мне крайне жестока. Я лишился имущества, был изгнан из наследственных владений, потерял свои корабли и был окончательно разорен. Три года я добирался к вам. В течение этого времени я переносил все невзгоды, какие только могут выпасть на долю человека – умирал от голода и жажды в пустыне, страдал от одиночества, был в плену у разбойников, жил среди людей, языка которых не понимал. Теперь я перед вами и отдаюсь на волю вашей милости.

Когда купец умолк, султан обернулся к церемониймейстеру: «Дай ему сто овец и назначь придворным пастухом. Пусть он пасет их вон на том холме, и да сопутствует ему в этом удача».

Купец был слегка разочарован тем, что щедрость монарха оказалась меньшей, чем он надеялся, но, не подав виду, поблагодарил султана в соответствии с этикетом и удалился.

Когда он привел стадо на бедное пастбище, которое указал султан, овцы заболели чумой, и все до одной полегли.

Неудачливый пастух возвратился во дворец.

– Ну как твои овцы? – спросил султан.

– Как только я привел их на пастбище, все стадо погибло.

Король подозвал церемониймейстера и сказал:

– Дай этому человеку пятьдесят овец, и пусть он заботится о них, пока не получит следующего распоряжения!

Испытывая горечь и стыд, пастух погнал свое новое стадо на пастбище. Животные стали мирно щипать траву, как вдруг из леса выскочили волки. Испуганное стадо бросилось к крутому обрыву и погибло в пропасти.

В великой печали купец пришел к султану и поведал ему еще об одной неудаче.

– Ну что ж, – сказал султан, – теперь возьми двадцать пять овец.

Потеряв всякую надежду, в отчаянии, что все у него идет из рук вон плохо, купец снова привел стадо на пастбище. Вскоре каждая овца принесла по два ягненка, потом еще по два, и стадо его стало увеличиваться. Последний приплод был особенно удачным, ягнята родились крупными, с красивой шерстью и вкусным мясом. Купец понял, что ему выгодно продавать часть своих овец и покупать по низкой цене маленьких и худосочных; он их выкармливал, пока они не становились сильными и здоровыми, как овцы его стада.

Через три года он возвратился ко двору в богатой одежде, чтобы рассказать о своих успехах. Его тут же провели к султану.

– Тебе удалось стать хорошим пастырем? – спросил султан.

– В самом деле, ваше величество, каким-то непостижимым образом ко мне вернулась удача. Я смело могу сказать, что теперь мои дела идут благополучно, хотя особой любви к занятию пастуха я все еще не испытываю.

– Прекрасно, – сказал султан, – а теперь прими от нас в дар государство Севилью. Пусть все знают, что отныне ты правитель Севильи.

С этими словами монарх коснулся его плеча своим жезлом.

Не сдержавшись, купец в изумлении воскликнул:

– Но почему вы не сделали меня правителем сразу, когда я пришел к вам? Неужели вы испытывали мое терпение, и так уже достаточно испытанное судьбой?

Король засмеялся.

– Позволь сказать тебе, что если бы ты получил трон Севильи в тот день, когда повел на холм сто овец, от этого государства не осталось бы камня на камне.

Абдул Кадир из Гилана родился в XI столетии на южном побережье Каспийского моря. Так как он был потомком Хасана, внука Мухаммада, его называют сайадна – «наш принц». Могущественный орден Кадирийа назван его именем. Считается, что он еще в детстве обладал чудесными силами. Кадир обучался в Багдаде и много работал над тем, чтобы создать общедоступное образование. Шахаб ад-дин Сухраварди, один из величайших суфийских писателей, автор работы «Дары глубокого знания» был его учеником. Существует множество рассказов об удивительных делах этих двух людей.

Среди учеников Абдул Кадира помимо мусульман было немало иудеев и христиан. Когда он умирал, в его комнате появился таинственный араб, принесший послание, в котором было написано: «Это письмо от любящего влюбленному. Каждый человек и каждое животное должны испытать смерть».

Так как Абдул Кадир почитается в народе как святой, множество его житий пользуются по сей день широкой популярностью на Востоке. Эта литература изобилует описанием чудес и весьма необычными идеями.

«Хайат-Ихазрат» («Жизнь присутствия»), является одной из таких книг, начинается она

так: "У него была неотразимая внешность. Ежедневно только одному ученику разрешалось задать ему вопрос. Один из вопросов был таков: «Не могли бы вы наделить нас такой силой, чтобы мы усовершенствовали земной мир и улучшили судьбу людей этого мира?» Абдул Кадир нахмурился и сказал: «Я сделаю больше. Я дам эту силу вашим потомкам, так как сейчас такое усовершенствование не может быть достигнуто в достаточно широких масштабах. В настоящее время для этого нет средств. Вы будете вознаграждены, и они получат награду благодаря вашим стремлениям и своим усилиям».

Маруф-башмачник

Жил некогда в городе Каире башмачник со своей женой Фатимой. Это была ведьма – суцая ведьма! – так издевалась над ним, воздавая ему злом за добро, что бедному башмачнику она стала казаться исчадием ада и воплощением самого упрямства.

Однажды, доведенный до крайнего отчаяния ее жестокостью, Маруф убежал в старый разрушенный монастырь за городом и взмолился:

– Господи, пошли мне избавление, помоги мне подальше уйти от нее и обрести желанный покой и надежду.

Он провел в молитве несколько часов, и тут произошло чудо: из стены вышло существо огромного роста и странной внешности, которое, несомненно, было Абделем, «просветленным» – человеком, развившим в себе особые способности, намного превосходящие способности обычных людей.

– Я Абдель Макая, служитель этого места, – проговорило видение, – чего ты хочешь?

Маруф поведал о своем горе, и тогда просветленный посадил его к себе на плечи, и они полетели по воздуху с невероятной быстротой; очнувшись через несколько часов, Маруф увидел, что уже рассвело. Он находился в прекрасном и богатом городе на самой границе с Китаем. Какой-то горожанин остановил его, бесцельно слоняющегося по улицам, и спросил, кто он и откуда. Маруф начал рассказывать свою историю и когда дошел до чудесного перелета по воздуху, толпа зевак, окружавшая его, стала над ним потешаться и бросать в него камни и палки, обзывая его сумасшедшим и мошенником. Чернь насмехалась и издевалась над несчастным башмачником, как вдруг какой-то купец, проезжавший мимо верхом на коне, крикнул: «Эй вы, стыдитесь! Чужеземец наш гость, а вы попираете священные законы гостеприимства и мучаете его вместо того, чтобы оказать ему достойный прием».

Толпа расступилась, и купец, подъехав к съезжившемуся от страха Маруфу, спешил и стал успокаивать его.

Купца звали Али. Он привел башмачника к себе в дом и рассказал ему, как он сам выбрался из нищеты и стал богачом в этом странном городе Ихтияре. Купцы здесь, видимо, были еще более доверчивыми, чем остальные жители и готовы были любому человеку поверить на слово. Например, бедняку они не стали бы помогать улучшить свою жизнь, так как полагали, что бедность предопределена человеку судьбой. Но стоило кому-нибудь заявить, что он богат, как они, все, нисколько не сомневаясь в его словах, тут же окружали его почетом, одаривали подарками и охотно давали в долг сколько угодно денег.

Узнав об этом, Али обошел несколько богатейших купцов города, каждому из них объясняя, что он проезжий купец и что его караван еще не прибыл и поэтому он нуждается в деньгах. Собрал таким путем много денег, он пустил их в оборот, занимаясь торговлей на большом базаре, и вскоре не только рассчитался со всеми долгами, но и сделался богачем.

Так же Али посоветовал поступить и Маруфу.

И вот, разодетый своим другом в великолепные одежды, Маруф стал обходить богатых купцов и занимать у них деньги. Но в отличие от Али, он, будучи от природы человеком необыкновенной щедрости, тут же все деньги роздал нищим. Прошел месяц, а его караван все не приходил, но Маруф и не думал заниматься торговлей.

Щедрость его увеличивалась с каждым днем, ибо богатые люди, видя, что он раздает все их деньги в качестве милостыни, соперничали друг с другом в благотворительности и каждый старался дать ему больше других. Они думали, что их деньги все равно возвратятся к ним, когда придет караван этого удивительного богача, и к тому же втайне надеялись разделить с ним

небесное благословение, которое неотступно следует за щедростью.

Но прошло еще немного времени, и купцов одолело беспокойство и страшное сомнение закралось в их души. Посоветавшись, они явились к правителю города и рассказали ему о своих опасениях. Султан тут же послал за Маруфом. Чтобы узнать истину, он захотел сам испытать его. У султана был редкий драгоценный камень, который он решил преподнести Маруфу в подарок и посмотреть, сумеет ли тот оценить его или нет. Если Маруф оценит подарок и тем покажет, что ему привычно иметь дело с сокровищами, тогда султан, будучи весьма жадным человеком, намерен был отдать ему в жены свою дочь. Но если Маруф не оценит камень, то он подлинно мошенник, и тогда султан заключит его в тюрьму.

Итак, Маруф был приведен во дворец.

Ему принесли драгоценный камень и султан промолвил:

– Прими от нас это в дар, добрый Маруф, и скажи, почему ты не возвращаешь купцам их деньги?

– Потому, что мой караван еще не прибыл, ваше величество, – ответил Маруф, – а этот драгоценный камень лучше оставьте себе. Он ничего не стоит в сравнении с теми бесценными сокровищами, которые везет мой караван.

При этих словах алчные надежды похитили ум султана, и он отпустил Маруфа. Купцам же султан велел передать, чтобы они успокоились и терпеливо ожидали прибытия каравана. То, что султан услышал от Маруфа, не давало ему покоя, и он окончательно решил отдать ему в жены свою дочь. Правда, главный визирь как мог отговаривал своего повелителя, доказывая, что Маруф явный лжец, но султан, вспомнив, что визирь уже несколько лет сам домогается руки принцессы, увидел во всех его предостережениях только проявление ревности и потому не обратил на них никакого внимания.

Маруф, когда ему сообщили, что султан желает сделать его своим зятем, сказал визирю: «Передай его величеству, что до тех пор, пока не придет мой караван с бесценными сокровищами, я не смогу достойным образом устроить жизнь принцессы и поэтому прошу его позволения отложить свадьбу».

Монарх был в восторге от такого ответа, несомненно, свидетельствующего о скромности и честности Маруфа. Он тут же раскрыл перед ним свою сокровищницу и предложил взять из нее все, что ему понадобится для того, чтобы достойно одарить принцессу и вести с нею жизнь, подобающую зятю султана.

В самом скором времени Маруф с принцессой отпраздновали свадьбу, богаче которой не видел свет. Жемчуга и золото пригоршнями рассыпались среди присутствующих; даже те, кто не попал на пир, но только слышал о нем, получили щедрые подарки. Это чудесное празднество длилось сорок дней и ночей и его великолепие и пышность не поддаются описанию.

Когда Маруф, наконец, остался наедине со своей женой, он сказал ей:

– Я уже так много взял у твоего отца, что меня мучает стыд.

Ибо ему было совестно и он хотел как-то оправдаться.

Но она ему ответила:

– Не беспокойся и не обременяй своего сердца; когда прибудет твой караван, все уладится.

Между тем, визирь продолжал предостерегать султана и высказывать ему свои подозрения о Маруфе, так что поддавшись, наконец, его уговорам, правитель попросил свою дочь вызвать как-нибудь Маруфа на откровенность и выведать всю правду о нем.

И вот однажды ночью, лежа с Маруфом в постели, принцесса ласками склонила его сердце к себе и попросила открыть ей тайную причину столь долгого отсутствия каравана. Маруф как раз в этот день уверял своего друга Али, что он на самом деле владелец каравана бесценных сокровищ, но ей он решил сознаться.

– Нет у меня никакого каравана, – сказал он, – и хотя визирь прав, у него нет иных побуждений, кроме зависти. Твой отец только из-за своей алчности сделал меня своим зятем. Но почему ты дала свое согласие на брак?

– Ты мой муж, и я никогда не опозорю тебя, – ответила принцесса. – Возьми пятьдесят тысяч золотых и поскорее уходи из нашей страны. Как только ты окажешься в безопасности, дай мне знать, и я последую за тобой. А теперь не медля поспеши в путь и ни о чем не беспокойся, я сама все улажу.

Одевшись в одежду слуги, Маруф под покровом ночи вывел из конюшни своего коня и отправился в путь.

А принцесса Думия, когда султан и визирь на следующее утро позвали ее к себе, сказала им так:

– Любимый батюшка и ты, драгоценный визирь, едва только я приступила с вопросами к своему мужу как вдруг произошло весьма странное событие...

– Какое событие?! – воскликнули разом султан и визирь.

– Десять мамлюков в великолепнейших одеждах подошли к окнам нашего дворца и, вызвав Маруфа, передали ему послание от начальника его каравана. В этом послании начальник сообщил, что многочисленная банда атаковала караван и пятьдесят стражников из пяти сотен погибли в этой схватке, бедуинам же удалось отбить двести верблюдов с ценными товарами.

– И что ответил Маруф?

– Он только сказал, что двести вьюков и пятьдесят жизней для него сущий пустяк. С этими словами он вскочил на коня и поскакал с мамлюками навстречу каравану, чтобы поскорее привести его сюда.

Таким образом принцесса думала выиграть время.

Маруф, между тем, несся на своем скакуне куда глаза глядят.

Спустя какое-то время он увидел в стороне от дороги крестьянина, который перепахивал свой клочок земли. Маруф осадил коня и поприветствовал его. Крестьянин ответил на приветствие и по доброте душевной тут же сказал: «О слуга великого султана, будь сегодня моим гостем. Я сейчас принесу немного еды. Раздели ее со мной». С этими словами он поспешно удалился, а Маруф, весьма тронутый его добротой, решил продолжить работу крестьянина, пока он не вернется, в благодарность за его гостеприимство. Не успел он сделать и одной борозды, как плуг наткнулся на какой-то камень. Маруф оттащил его и увидел ступени, ведущие в подземелье. Спустившись по ним вниз, он, к своему изумлению, очутился в огромном зале, полном сокровищ.

Случайно его взгляд упал на прозрачную хрустальную шкатулку, в которой лежало кольцо. Он достал кольцо и потер; в тот же миг перед ним возникло странное существо, громовым раскатным голосом воскликнувшее: «Я здесь, мой господин!»

Дух, явившийся на зов кольца, звался Отцом Счастья. Он был одним из могущественных повелителей джиннов. А сокровища принадлежали древнему султану Шаддаду, сыну Айада.

И вот теперь Отец Счастья стал слугой Маруфа.

По приказу Маруфа все сокровища были подняты наверх и погружены на верблюдов и мулов, сотворенных волшебным могуществом джинна. Таким же чудесным образом были сотворены, но только уже другими джиннами, которые служили Отцу Счастья, дорогие ткани всех сортов, и караван был готов пуститься в путь.

К этому времени вернулся крестьянин, принесший ячменную похлебку с бобами. Увидев Маруфа среди такого богатства, он вообразил, что перед ним сам султан, и повалился ему в ноги. Маруф щедро одарил его золотом и пообещал еще большую награду в будущем.

Итак, караван двинулся в путь. Джинны, принявшие обличие странников, рабов и

животных, были посланы вперед. А Маруф, желая почтить гостеприимством крестьянина, поел его бобов с ячменной похлебкой и поскакал вслед за караваном.

Когда процессия достигла дворца султана, тот несказанно обрадовался и стал упрекать визиря за то, что тот смел подозревать Маруфа в обмане. Принцесса же, услышав о прибытии каравана с несметными сокровищами, не знала теперь, что думать. В конце концов она решила, что Маруф испытывал ее верность. Али, друг Маруфа, полагал, что все это устроила принцесса, чтобы спасти жизнь и честь своего супруга.

Все купцы, дававшие Маруфу деньги в долг и удивлявшиеся его щедрости, были еще больше изумлены обилием золота, драгоценных камней и других подарков, которыми он стал осыпать бедных и нуждающихся.

Только визирь никак не мог успокоиться.

– Ни один купец никогда еще не бросал так своих денег на ветер, -твердил он султану. И визирь решил во что бы то ни стало разузнать правду.

Однажды он пригласил Маруфа в сад и, услаждая его слух музыкой, стал угощать тонкими винами, то и дело подливая ему, пока тот совершенно не опьянел.

Поддавшись винным чарам, Маруф рассказал визирю всю свою историю, ничего не утаив. Визирь без труда снял с его пальца волшебное кольцо и, вызвав джинна, приказал отнести Маруфа в отдаленную пустыню и бросить его там. Джинн с готовностью схватил башмачника, ругая его за то, что он выболтал столь драгоценную тайну, и отнес его в Хидраутскую пустыню. Затем визирь приказал забросить туда же и султана, а сам стал правителем и даже пытался обесчестить принцессу.

Но принцесса, когда он посетил ее, хитростью овладела кольцом и потеряла его. Тут же перед ней появился джинн, готовый выполнять ее приказания. Она велела заковать визиря в цепи и доставить обратно во дворец Маруфа и ее отца. Как только это было выполнено, вероломного визиря предали казни, а Маруф стал первым визирем.

Теперь они зажили в счастье и согласии. После смерти султана Маруф унаследовал его трон. К этому времени принцесса родила ему сына. Кольцо теперь хранилось у нее. Но вскоре она тяжело заболела и, умирая, передала Маруфу кольцо, наказав ему бережно хранить его и заботиться об их сыне.

Прошло немного времени, и вот однажды, когда султан Маруф спал в своей опочивальне, он почувствовал сквозь сон, как кто-то тянет его за руку. Проснувшись и открыв глаза, Маруф увидел перед собой безобразную женщину, в которой узнал свою первую жену Фатиму.

Фатима рассказала ему свою историю: после его исчезновения она стала нищей и вынуждена была тяжелым трудом зарабатывать себе на жизнь. Фатима терпела бесконечные унижения и страдания. Однажды ночью она лежала в своей постели и плакала от отчаяния, не смыкая глаз, как вдруг к ней явился джинн, который рассказал ей обо всем, что произошло с ее мужем после того, как он убежал от нее. Фатима стала просить джинна доставить ее в Ихтияр к Маруфу, и тогда, подхватив ее, он взвился в воздух и с изумительной быстротой перенес прямо к постели Маруфа.

Фатима сейчас горько раскаивалась в своем прежнем поведении и умоляла Маруфа сжалиться над ней. Тронутый ее рассказом, Маруф согласился снова взять ее в жены, но предупредил, что теперь он султан и обладатель волшебного кольца, которому служит великий джинн, Отец Счастья. Она смиренно поблагодарила его.

Итак, Фатима поселилась во дворце Маруфа, но она невзлюбила маленького принца, сына Маруфа.

Маруф имел обыкновение на ночь снимать с пальца кольцо, Фатима же, узнав об этом, однажды ночью прокралась в его спальню, выкрала кольцо и только собралась его потерять,

чтобы вызвать джинна, как маленький принц, наблюдавший за ней, выхватил свой короткий меч и поразил ведьму насмерть.

Так коварная Фатима нашла свою смерть на пороге величайшего могущества.

А Маруф разыскал того пахаря, который невольно помог его спасению, и сделал его своим первым визирем. Затем он женился на его дочери и ничто более не омрачало их счастья и покоя.

Эта сказка, подобно другим дервишским сказаниям, входит в сборник «Тысяча и одна ночь». Она весьма отличается от большинства суфийских аллегорий, и ее невозможно найти в поэтической форме. Опять-таки, и в этом состоит еще одно ее отличие от большинства суфийских литературных произведений за исключением цикла о мулле Насреддине, она иногда разыгрывается в чайханах как драма.

Сказка не несет в себе морали, привычной для людей Запада, но подчеркивает особые причинно-следственные отношения, являющиеся характерными для суфийских сказаний.

Человек по имени Сейиф Мулюк половину своей жизни провел в поисках истины. Он прочитал все, какие только мог найти, книги древних мудрецов, побывавших в известных и неизвестных странах, повсюду встречаясь с духовными учителями и беседуя с ними о постижении истины. Дни он проводил в работе, а ночи в размышлениях о великих тайнах.

Однажды Сейиф Мулюк услышал еще об одном Учителе, великом поэте Ансари из города Герата, и отправился к нему.

Подойдя к дому мудреца, он, немало удивляясь, прочел на двери надпись: «Здесь продается знание».

– Это, должно быть, ошибка или, возможно, намеренная нелепость, рассчитанная на то, чтобы отпугнуть праздных искателей. Я никогда не слышал, чтобы знание можно было продать или купить, – подумал Сейиф Мулюк и вошел в дом.

Во внутреннем дворике он увидел самого Ансари, согбенного старика, занятого записыванием поэмы.

– Ты пришел, чтобы купить знание? – спросил мудрец, прерывая работу. Сейиф Мулюк кивнул. Тогда Ансари спросил, сколько у него с собой денег, и странник вытащил все, что у него было, – около ста серебряных монет.

– За эти деньги ты можешь получить три совета, – сказал старец.

– Так вы в самом деле продаете знание? Но зачем вам деньги, если вы смиренный и посвятивший себя знанию человек?

– Мы живем в земном мире и нам приходится считаться с его материальными условиями. Мое знание возлагает на меня новые великие обязанности. То, что я обладаю особым знанием, которого не имеют другие люди, обязывает меня тратить деньги помимо других ценностей для того, чтобы быть полезным там, где нет необходимости в добром слове или проявлении «бараки».

И, взяв серебро, старец продолжал:

– Слушай внимательно. Первый совет таков: «Небольшое облачко предупреждает об опасности».

– Но разве это знание? – воскликнул Сейиф Мулюк. – Ваш совет ничего не говорит мне о природе конечной истины или о месте человека в мире.

– Если ты собираешься перебивать меня, то забирай свои деньги и уходи. Что пользы знать о месте человека в мире, если этот человек мертв?

Сейиф Мулюк замолчал и приготовился выслушать следующий совет.

– Если ты встретишь птицу, кота и собаку в одном месте, – сказал мудрец, – стань их хозяином и смотри за ними до конца.

– Весьма странный совет, может быть, в нем скрыт какой-то метафизический смысл, который откроется мне, если я буду достаточно долго над ним размышлять, – подумал Сейиф Мулюк, но вслух не выразил своих мыслей.

Третий совет гласил: «Когда ты встретишься с чем-то, не имеющим, казалось бы, к тебе никакого отношения, оставайся верным предыдущему совету, – тогда и только тогда дверь перед тобой откроется. Войди в эту дверь».

Сейиф Мулюк хотел остаться у этого загадочного мудреца и стать его учеником, но Ансари довольно грубо выпроводил его.

Итак, он снова отправился в путь и пошел в Кашмир, где некоторое время обучался у одного учителя. Из Кашмира Сейиф Мулюк отправился в Среднюю Азию. Войдя в Бухару, он попал на

городской базар в самый разгар торговли. Какой-то человек, только что купивший кота, птицу и собаку, направлялся с ними к выходу.

– Если бы я раньше покинул Кашмир, – подумал Сейиф Мулюк, – я мог бы купить этих животных. Моя судьба, несомненно, связана с ними.

Но затем его одолели сомнения, так как хотя он и увидел птицу, кота и собаку, ему ведь еще не встретилось маленькое облачко. Все, казалось, шло не так, как надо. От полного замешательства его спасло изречение одного древнего мудреца, которое он обнаружил в своих дневниках. И как только он забыл о нем?! «События следуют друг за другом. Люди полагают, что события всегда должны происходить в одной последовательности, но нередко бывает так, что они происходят в совершенно иной последовательности».

Тут он осознал, что хотя животные были куплены на базаре, Ансари ведь не говорил ему купить их обязательно здесь. Сейиф Мулюк, увидев нужных ему животных, даже не подумал о том, что совет слово в слово гласил: «Если встретишь птицу, кота и собаку в одном месте, стань их хозяином и следи за ними до конца». Только и всего.

Итак, он отправился на поиски человека, который купил животных, и после расспросов, наконец, разыскал его. Кот, птица и собака все еще были «в одном месте». Ашикик Худа, как звали их хозяина, рассказал Сейифу Мулюку, что купил животных потому, что хотел избавить их от мучений, ибо они уже много недель томились в клетке на базаре в ожидании покупателя. Узнав, что Сейиф Мулюк хотел бы купить птицу, кота и собаку, Ашикик Худа с легким сердцем согласился продать их ему.

Странствовать вместе с ними Сейиф Мулюк уже не мог и поэтому осел в Бухаре. Он нанялся работать в шерстепрядильную мастерскую. Возвращаясь вечером с работы, Сейиф Мулюк приносил для кота, птицы и собаки еду, которую покупал на свой дневной заработок.

Так прошло три года. Он уже стал мастером-пряильщиком, пользовался всеобщим уважением и по-прежнему жил со своими питомцами. Однажды, гуляя за городом, Сейиф Мулюк заметил на горизонте маленькое облачко. Оно выглядело так необычно, что в его уме внезапно пронеслись слова первого совета: «Небольшое облачко предупреждает об опасности». Он тут же прибежал домой, взял своих животных и, ни секунды не медля, направился на запад. Он пришел в Исфаган без гроша в кармане, а спустя несколько дней узнал, что странное облачко было пылью, которую подняла приближающаяся к городу орда завоевателей. Захватчики ворвались в Бухару и истребили всех ее жителей. И тогда Сейиф Мулюк вспомнил слова Ансари: «Что пользы знать о месте человека в мире, если этот человек мертв?»

Жители Исфагана не любимы чужестранцев, презирали пряильщиков и питали отвращение к животным.

Будучи изгнанным отовсюду, Сейиф Мулюк был доведен до крайней нужды, и однажды, бросившись на землю в полном отчаянии, он взмолился: «Охранители традиции, о святые! Помогите мне, потому что сил моих уже недостаточно, чтобы добыть пропитание, животные мои страдают от голода и жажды».

И вот когда он так лежал, изнуренный голодом, решив полностью покориться судьбе, его в каком-то странном состоянии между сном и бодрствованием посетило видение, такое ясное и отчетливое, словно это происходило с ним наяву. Ему казалось, что он стоит у ручья под деревом, рядом с валуном странной формы и смотрит на золотое кольцо с драгоценным камнем, который переливается зелеными огнями, яркими, как само солнце. Вдруг он услышал голос:

– Это кольцо – венец веков, мир истины, кольцо самого царя Соломона, сына Давида, да будет над ним мир и да сохранятся его тайны. Затем кольцо закатилось в расщелину под камнем, и Сейиф Мулюк очнулся. Было уже утро. Отдохнув за ночь и уже не так остро ощущая голод, он поднялся и пошел бродить по окрестностям Исфагана. Полный каких-то смутных предчувствий,

находясь все еще под властью своего ночного переживания, он вдруг увидел, что находится в том самом месте, которое пригрезилось ему ночью: он стоял под деревом у ручья, а рядом возвышался тот же валун. Под ним оказалась щель, и когда Сейиф Мулюк пошарил в ней палкой, из-под камня выкатилось уже знакомое кольцо. Отмывая кольцо в ручье от грязи, Сейиф Мулюк воскликнул:

– Если это кольцо великого Соломона, да будет на нем благословение, даруй мне, о дух кольца, избавление от моих мучений.

В то же мгновение земля под ногами дрогнула и голос, подобный урагану, прогремел в воздухе:

– Через века, добрый Сейиф Мулюк, мы приветствуем тебя. Ты стал наследником могущества Соломона, сына Давида, да будет мир над ним, повелителем джиннов и людей. Я слуга этого кольца. Приказывай, мастер Сейиф Мулюк, мой господин.

– Доставь сюда моих животных и пищу для них, – тут же приказал Сейиф Мулюк, не забыв добавить, – во имя Великого и во имя Соломона, нашего мастера, повелителя джиннов и людей, да прославится он!

Только он это произнес, кот, птица и собака оказались рядом, а перед ними лежала их любимая пища.

Сейиф Мулюк потерял кольцо.

– Приказывай, о обладатель кольца, – громовым раскатистым голосом отозвался дух, – и любое твоё желание будет исполнено, если только оно должно быть исполнено.

– Во имя Соломона, да будет мир над ним, скажи мне, это и есть конец? Ибо я должен заботиться об этих моих товарищах до конца, так велел мой мастер ходжа Ансар из Герата.

– Нет, – ответил дух, – это еще не конец.

Сейиф Мулюк решил обосноваться в этом месте. Джинн выстроил для него домик с сараем для животных и каждый день приносил им пищу и все необходимое для жизни. Жители окрестностей, видя, что Сейиф Баба, отец Сейифа, как они его называли, никогда не покидает своего жилища, поражались святости человека, «который обходится без пищи и живет с прирученными животными».

Когда Сейиф Баба не был занят изучением своих путевых записей и размышлениями о своей жизни, он наблюдал за котом, собакой и птицей, изучал их повадки. Они вели себя по-разному, в соответствии со своей природой. Хорошие качества он поощрял в них, дурные порицал и часто рассказывал им о великом ходже Ансари и трех советах.

Время от времени его навещали святые странники, проходившие мимо. Многие из них пытались вступить с ним в беседу о духовном или сообщить ему о своих собственных индивидуальных путях. Но Сейиф Баба отказывался их слушать и всегда в таких случаях говорил: «Мне необходимо выполнять свое задание, которое дал мне Учитель».

Каково же было его изумление, когда однажды кот заговорил с ним на понятном ему языке.

– Мастер, – сказал кот, – у тебя есть задание и ты должен его выполнить. Но неужели тебя не удивляет, что время, которое ты называешь «концом», не приходит?

– Я в самом деле не удивляюсь этому, – сказал Сейиф Баба, – ведь я понимаю, что на выполнение этого задания может уйти добрая сотня лет.

– Вот здесь ты ошибаешься, – заговорила вдруг птица, – потому что не учишься тому, чему ты мог бы учиться у путников, проходящих по этой дороге. Ты еще не осознал, что хотя эти люди внешне отличаются друг от друга точно так же, как и мы, животные, кажемся тебе разными, они все приходят к тебе из одного источника учения. Сам ходжа Ансари посылает их, чтобы проверить, развил ли ты в себе достаточную проницательность, чтобы последовать за ними.

– Если это так, – сказал Сейиф Баба, – чему я не верю, объясните мне, как это обыкновенный кот и маленький воробей увидели то, чего не увидел я, обладатель чудесных даров?

– Все очень просто, – ответили они хором, – ты настолько привык смотреть на вещи только с одной стороны, что твои недостатки очевидны даже самому обычному уму.

Эти слова взволновали Сейиф Бабу.

– Но тогда, – сказал он, – выходит, что я давным-давно уже мог бы найти дверь, о которой говорится в третьем совете, если бы соответственным образом был бы настроен?

– Конечно, – вступила в разговор собака, – дверь уже много раз открывалась за эти годы, но ты не видел. А мы видели, но не могли тебе об этом сказать, потому что мы животные.

– Почему же вы говорите об этом теперь?

– Сейчас ты понимаешь нашу речь потому, что с некоторого времени стал более человечным. Теперь у тебя остался только один шанс, ты уже в преклонном возрасте.

– Мне все это кажется, – подумал Сейиф Баба, но затем стал рассуждать так: они не имеют права поучать меня, я их хозяин, я их кормлю... Но другое его "я" сказала: «Если они говорят неправду, это не имеет большого значения. Но если они правы, то я рискую все потерять. Мне нельзя упускать спасительный шанс».

И вот Сейиф Баба стал поджидать благоприятного случая. Прошло несколько месяцев. Однажды перед его домом разбил палатку какой-то странствующий дервиш. Он подружился с животными Сейиф Бабы, и Сейиф Баба решил поделиться с ним своими сомнениями.

– Оставь меня, – грубо оборвал его дервиш, – я не желаю выслушивать твою болтовню о мастере Ансари, о каких-то облаках, исканиях, что мне до твоей ответственности за животных и даже до твоего волшебного кольца. Я знаю, о чем тебе следовало бы говорить, но то, что ты сейчас говоришь, меня не интересует.

Чувствуя глубокое отчаяние, Сейиф Баба вызвал духа кольца.

– Я не скажу тебе того, чего не должен говорить, – ответил ему дух кольца, – но я знаю, что все твои страдания от недуга, который называется «постоянное скрытое предубеждение». Этой болезнью поражено твое мышление и из-за нее ты не можешь продвинуться на пути.

Сейиф снова подошел к дервишу, сидевшему перед входом в палатку, и обратился к нему:

– Скажи, что мне делать? Я чувствую себя ответственным за судьбу этих животных и совсем запутался, кроме того, никакой помощи от трех советов я более не получаю.

– Вот сейчас ты говоришь искренне, и это начало. Доверь мне своих животных и я тебе отвечу.

– Ты просишь слишком многого, а ведь я тебя совсем не знаю. Как ты можешь мне такое предлагать? Правда, я испытываю к тебе уважение, но у меня имеется еще много сомнений.

– Твои слова выдают тебя, – ответил дервиш, – дело не в том, что ты заботаешься о животных, а в том, что ты неверно воспринимаешь меня. Ни чувства, ни логика не помогут тебе правильно понять меня и воспользоваться моей помощью. В тебе все еще живет жадность; ты относишься к животным, как к своей собственности. А теперь ступай и знай, что мое имя Дарваза («Дверь»).

И Сейиф Баба задумался, не является ли дервиш той самой дверью, о которой говорил тогда шейх Ансари.

– Возможно, ты дверь, которую я ищу, но я не уверен в этом.

– Убирайся со всеми своими сомнениями, – закричал дервиш, – и как ты не понимаешь, что первые два совета были даны для твоего ума, но последний совет может быть понят только тогда, когда ты воспримешь его внутренне?

Почти два года еще промучился в сомнениях и страхах Сейиф Баба. Однажды внезапно он

осознал истину. Он позвал собаку, кота и птичку и сказал им:

– Я отпускаю вас. Отныне вы принадлежите самим себе. Это конец.

Сказав это, он постиг, что они – люди и что животными они были только под действием чар. Рядом оказался дервиш Дарваза, в котором Сейиф Баба узнал самого ходжу Ансари. Мудрец без единого слова отворил дверь в дереве, что росло у ручья, и Сейиф Мулюк вошел в чудесную пещеру, на стенах которой золотыми буквами были начертаны ответы на вопросы о жизни и смерти, о человечестве и человеколюбии, знании и невежестве – обо всем, что волновало его всю жизнь.

– Привязанность к внешнему тянула тебя назад все эти годы, -прозвучал голос Ансари. – И это одна из причин того, что ты пришел слишком поздно. Возьми здесь ту часть мудрости, которая все еще открыта для тебя.

Эта история иллюстрирует, помимо всего прочего, любимую суфиями идею о том, что истина «пытается проявить себя» в человеческом обществе, но для каждого человека она появляется снова и снова в таких одеждах, в которых ее труднее всего опознать, причем эти ее проявления на первый взгляд кажутся не имеющими друг к другу никакого отношения.

Только развитие «особого восприятия» дает человеку возможность проникнуть в этот невидимый процесс.

Султан и бедный мальчик

Человек не может самостоятельно пройти путь внутреннего развития. В это путешествие не следует отправляться одному, необходим руководитель. Руководителя в нашей притче мы называем султаном, а ищущего – бедным мальчиком.

Рассказывают, что однажды шейх Махмуд обогнал свою свиту. Мчась на своем коне во весь опор вдоль реки, он вдруг увидел у самой воды маленького мальчика, ловившего неводом рыбу. Ребенок казался очень несчастным.

Султан осадил коня и, подъехав к мальчику, спросил его:

– Дитя мое, почему у тебя такой грустный вид? Я никогда не встречал человека более печального, чем ты.

Мальчик ответил:

– О великий султан, нас семеро братьев. Наш отец умер, и мы живем с матерью в крайней нужде. Чтобы как-то прокормиться, я прихожу каждый день к реке и закидываю сеть. Если за день мне не удастся поймать ни одной рыбы, на ночь я остаюсь голодным.

– Сын мой, – сказал султан, – если ты не возражаешь, я помогу тебе.

Мальчик согласился, и султан Махмуд сам закинул сеть, которая от прикосновения его руки вернулась с богатым уловом.

Дилетанты обычно думают, что метафизические системы либо отрицают ценность вещей «этого мира», либо, наоборот, обещают материальное изобилие.

В суфизме, однако, приобретенные «ценности» не всегда имеют только фигуральный или буквальный смысл. Эта притча великого Фарид ад-дина Атгара, взятая из его произведения «Парламент птиц», толкуется и буквально и символически. По утверждению дервишей человек, находящийся на суфийском пути, может приобрести какие-то материальные вещи, если это полезно пути так же, как ему самому. В равной степени он приобретает трансцендентальные дары в соответствии со своей способностью использовать их правильным образом.

Три учителя и погонщики мулов

Абдул Кадир пользовался такой необыкновенной известностью, что мистики всех вероисповеданий стекались к нему толпами; в его приемном зале, всегда переполненном людьми неизменно соблюдался высший этикет и царило почтительное уважение к традиционным обычаям. Благочестивые посетители придерживались в своих отношениях строгой иерархии: ранг каждого определялся его личным достоинством, возрастом, репутацией его наставника и тем положением, которое он занимал в своей общине.

Кроме того, они соперничали друг с другом в том, чтобы обратить на себя как можно большее внимание султана, учителей, Абдул Кадира. Его манеры были безупречны, и невежественные или невоспитанные люди не допускались на эти встречи.

Однажды три шейха, первый из Хорасана, второй из Ирака и третий из Египта прибыли в Даргах со своими проводниками, неотесанными погонщиками мулов. Шейхи возвращались после хаджа (паломничество в Мекку). В пути они были до последней степени измучены грубостью и несносными проделками своих проводников; одна мысль о том, что скоро они избавятся от этих мужиков, радовала их не меньше, чем предвкушение предстоящего лицезрения великого Учителя.

Когда шейхи подошли к дому Абдул Кадира, он, против своего обыкновения, вышел к ним навстречу.

Ни единым жестом приветствия не обменялся он с погонщиками мулов, но с наступлением ночи, когда шейхи в темноте пробирались в отведенные для них покои, они вдруг совершенно случайно стали свидетелями того, как Абдул Кадир пожелал спокойной ночи их проводникам, а когда те почтительно прощались с ним, даже поцеловал им руки. Шейхи были изумлены и поняли, что эти трое, в отличие от них самих, скрытые шейхи дервишей. Они последовали за погонщиками и попытались было завязать с ними беседу, но глава погонщиков грубо осадили их:

– Идите прочь с вашими молитвами, бормотаниями, вашим суфизмом и поисками истины. Тридцать шесть дней мы выносили вашу болтовню, а теперь оставьте нас в покое. Мы простые погонщики и ко всему этому не имеем никакого отношения.

Такова разница между скрытыми суфиями и теми, которые только подражают им.

«Еврейская энциклопедия» и такие авторитеты по хасидизму, как Мартин Бубер, отмечали сходство хасидистской школы и испанских суфиев, имея в виду хронологию и близость учений.

Это сказание, в котором фигурирует суфий Абдул Кадир из Гилана, входит также в жизнеописание хасида рабби Элимелеха.

Байазид и тщеславный человек

Однажды некий человек с упреком сказал Байазиду, великому мистикау IX столетия, что он постился, молился и занимался подобными вещами в течение тридцати лет и все же не нашел в этом утешения, которое обещал Байазид. Байазид ответил ему, что и за триста лет он ничего бы не достиг.

– Почему? – спросил ищущий просветления.

– Потому что этому препятствует твое тщеславие, – сказал мудрец.

– Но как мне от него избавиться?

– Есть одно средство, но оно тебе не подойдет.

– И все же назови его.

Байазид сказал:

– Ты должен пойти к цирюльнику и сбрить свою почтенную бороду, затем снять одежду, опоясаться кушаком и одеть на шею торбу с грецкими орехами. Когда ты все это сделаешь, ступай на базарную площадь и кричи во весь голос: «Даю орехи тому сорванцу, который ударит меня по шее». Потом пройди перед зданием суда, чтобы старшины города увидели тебя в таком виде.

– Но я не могу этого сделать, – взмолился человек, – прошу тебя, расскажи мне о каком-нибудь другом средстве.

– Это первый и единственно возможный шаг к цели, – сказал Байазид. – Но ведь я предупредил, что это средство тебе не понравится, поэтому ты неизлечим.

Аль-Газали в своей работе «Алхимия счастья» с помощью этой притчи подчеркивает часто повторяемый аргумент, что некоторые люди, какими бы искренними ищущими истины они не казались сами себе или даже окружающим, побуждаются в своих поступках тщеславием и корыстью, тем самым создавая непреодолимые трудности для своего обучения.

Люди постижения

Имам аль-Газали рассказал предание из жизни Исы ибн Марийам.

Однажды Иса увидел людей, понуро сидящих на стене у обочины дороги.

Он спросил их:

– Почему вы печалитесь?

Они ответили ему:

– Нас печалит страх перед адом.

Иса отправился дальше и, пройдя немного, увидел других людей в безутешной печали, сидящих у дороги в различных позах.

– Что вас так озаботило? – спросил он их.

– Желание рая повергло нас в это состояние, – ответили люди.

Оставив их, Иса продолжил свой путь, пока не повстречал третью группу людей. По ним было видно, что они много выстрада-ли, но их лица сияли радостью.

Иса обратился к ним:

– Что вас так обрадовало?

Люди ответили:

– Дух истины. Мы видели реальность и это заставило нас забыть второстепенные цели.

– Вот истинно люди постижения, – сказал Иса. – В день воскресения они предстанут перед лицом Бога.

Те, кто верит, что духовный прогресс основывается на культивировании в людях награды или страха перед наказанием, часто бывают удивлены, услышав это суфийское предание об Иисусе.

Суфии говорят, что только определенным людям полезно сосредотачиваться на идее приобретения или потери, и это, в свою очередь, может составить только часть практики. Изучавшие методы и результаты обучения людей путем тренировки и внушения будут близки к тому, чтобы согласиться с суфиями.

Религиозные формалисты самых разных вероисповеданий не примут, конечно, утверждения, что простые альтернативы добра и зла, напряженности и расслабленности, награды и наказания представляют собой только часть великой системы самореализации.

Странствующий, необычный и торопливый

Встретились три дервиша на пустынной дороге. Первого звали Странствующий, потому что он, почитая старые обычаи, выбирал самые длинные маршруты для путешествий. Второго звали Необычный, потому что ничто не казалось ему необычным, хотя то, что он делал, или даже то, что привлекало его внимание, казалось весьма необычным другим людям. Имя третьего было Торопливый, потому что этот дервиш, думая, что может сберечь свое время, всегда и во всем стремился найти наиболее короткие пути к своей цели, хотя на деле эти пути часто оказывались самыми длинными.

Дервиши некоторое время путешествовали вместе, но вскоре они расстались. Первым покинул их Странствующий; он заметил на перекрестке дороги указатель, о котором слышал когда-то, и стал убеждать своих спутников свернуть, туда, куда указывала стрелка. Они не согласились, и он пошел один. Дорога привела его к разрушенному городу, где единственными обитателями были свирепые львы. Некогда процветавшая здесь цивилизация, о которой читал дервиш, погибла сотни лет назад, и как только он вступил в город, голодные звери набросились на него и растерзали.

Спустя день или два Торопливый, решив отыскать путь по-короче, расстался с Необычным. Он пошел напрямик и увяз в зыбучих песках. Правда, дервиш не погиб, но выбираться оттуда ему пришлось несколько месяцев.

Между тем Необычный, продолжал путь в одиночестве, вскоре повстречал человека, который сказал ему:

– Дервиш, не ходи дальше. Впереди находится караван-сарай, и в нем по ночам собираются дикие звери из джунглей.

– А где эти звери днем? – спросил Необычный.

– По-моему, днем они на охоте, – ответил человек.

– Вот и хорошо, – сказал Необычный, – в это время я и отдохну там.

В полдень он подошел к караван-сарая и увидел, что земля вокруг утоптана животными. До вечера было еще много времени, и Необычный решил пока выспаться. Проснувшись с наступлением сумерек, он спрятался в укромном месте и стал дожидаться прихода зверей: ему хотелось узнать, для чего они собираются здесь.

Вскоре в большой зал вошло множество зверей, во главе их выступал лев, их царь. Они по очереди приветствовали льва и сообщали ему о том, что было известно только им. Один из них доложил льву, что неподалеку от этого места есть пещера, где спрятаны драгоценности, сокровищница Караташа, легендарного Черного Камня. Другой зверь рассказал, что прямо здесь, в караван-сараяе, под полом хранится клад из золотых монет, которые стережет крыса. Она не может ни потратить их, ни расстаться с ними, и каждое утро выносит их на поверхность. Третья история была о некоей безумной принцессе, и эта история, самая странная из всего, что было рассказано, удивила даже Необычного. Дело в том, что в соседней долине живет собака, которая стережет стадо овец. С помощью шерсти, растущей у нее за ушами, можно излечить принцессу от безумия, и это единственное средство в мире, которое может спасти. Но так как ни один человек не знает ни этого средства, ни самой принцессы, которая вскоре заболеет (как узнал дервиш), нет никакой надежды, что принцессу кто-нибудь вылечит.

Перед рассветом звери разошлись, а дервиш стал ждать появления крысы. Утром на середину зала в самом деле выбежала крыса, неся в зубах золотую монету. Она оставила ее на полу и побежала за следующей. Когда крыса таким образом вынесла все монеты и принялась их пересчитывать, Необычный вышел из своего укрытия и забрал деньги. Затем он направился к

пещере Караташ и нашел спрятанные там сокровища. После этого дервиш отыскал собаку и, вырвав у нее из-за ушей клочок шерсти, снова отправился в путь.

Следуя тайным знакам, известным только ему, он, наконец, достиг весьма странного и неизвестного государства. Войдя в столицу, дервиш Необычный увидел спящих по улицам людей, печальных и озабоченных, и, обратившись к какому-то прохожему, поинтересовался, какая беда постигла их город. Человек рассказал, что дочь их султана только что заболела какой-то странной болезнью, и никто не знает, как ее вылечить. Необычный поблагодарил его и тут же направился ко дворцу.

– Если ты вылечишь мою дочь, – сказал султан, – я отдам тебе половину того, что имею, а после моей смерти ты получишь все. Но если ты обманешь, я прикажу сбросить тебя с самого высокого минарета.

Дервиш согласился с этим условием и его провели к принцессе. Как только он поднес к ее лицу собачью шерсть, она тут же выздоровела.

Вот так Необычный стал наследным принцем. Многие достойные люди приходили к нему и обучались его пути.

Однажды, переодевшись в рубище, он по своему обыкновению вышел из дворца побродить и наткнулся на дервиша Торопливого. Торопливый сначала даже не узнал своего друга, потому что без умолку болтал; тогда Необычный привел его к себе во дворец и стал терпеливо дожидаться, когда тот сам о чем-нибудь его спросит.

Наконец Торопливый спросил:

– Как это все произошло? Расскажи по порядку, но только быстро.

Необычный стал рассказывать свою историю и, наблюдая за Торопливым, увидел, что тот пропускает мимо ушей многие детали. Он по-прежнему был нетерпелив. Даже не дослушав до конца, Торопливый вскочил с места и заявил:

– Мне необходимо побывать там и послушать, о чем говорят звери, я хочу последовать твоему пути.

– Не советую тебе торопиться, – сказал Необычный, пытаясь его образумить, – узнай прежде, в своих собственных интересах, значение времени и таинственных указаний.

– Ерунда, – ответил Торопливый, и, одолжив у своего товарища сто золотых, отправился в путь.

Когда он добрался до караван-сарая, была уже ночь. Не желая дожидаться утра, Торопливый прошел прямо в главный зал и тут же был растерзан львом и тигром.

А что касается дервиша Необычного, то он наслаждался счастливой жизнью до конца своих дней.

В примечании к этой истории, найденной в дервишском манускрипте «Кетаб-и-Аму-Дарья» («Книга реки Оксус»), сказано, что она принадлежит к собранию обучающих историй Уфайсаль-Карни, основателя дервишского братства Уфайсийа («Затворники»).

Смысл рассказа состоит в том, что нетерпеливость мешает человеку увидеть существенные особенности ситуации.

Тимур-ага и язык животных

Жил когда-то турок по имени Тимур-ага, который искал в больших и малых городах, деревнях и селениях того, кто мог бы обучить его языку животных и птиц. Всюду он расспрашивал о таких людях, ибо знал, что великий Наджи ад-дин Кубра понимал язык животных, и Тимур надеялся встретить одного из его последователей, унаследовавшего от учителя это великое знание, знание Соломона.

Будучи человеком мужественным и великодушным, а он развивал в себе такие качества, Тимур-ага однажды в горах спас жизнь одному старому немощному дервишу, запутавшемуся в тенетах канатного моста.

– Сын мой, – сказал старик, когда Тимур его вытащил, – меня зовут дервиш Бахааддин. Я прочел твои мысли, и отныне ты будешь понимать язык животных.

Тимур пообещал дервишу никому не выдавать это тайное знание и поспешил домой.

Вскоре ему представился случай применить свои чудесные способности. Вол и осел разговаривали друг с другом.

– Я от зари до зари тяну плуг, – сказал вол, – а ты только и знаешь, что ходишь на базар. Ты, наверное, умнее меня, так скажи мне, как избавиться от работы.

– Единственное, что ты можешь сделать, – ответил хитрый осел, – это лечь на пол и притвориться больным. Ты дорогое и полезное животное, так что хозяин начнет о тебе заботиться, даст тебе лучшую пищу и позволит несколько дней отдохнуть.

Тимур, разумеется, все понял, и, когда вол лег на землю, он громко сказал: «Если через полчаса этому волу не станет лучше, я отдам его сегодня же вечером мяснику». Услышав его грозное обещание, вол тут же выздоровел.

Тимур расхохотался, а его жена, весьма любопытная и вечно надутая особа, стала приставать к мужу, чтобы он сказал ей, почему он смеется. Но ага, помня свое обещание, ничего ей не сказал.

На следующий день супруги отправились на базар. Впереди шел Тимур, за ним на осле ехала жена, а сбоку бежал маленький ослик. Вдруг Тимур услышал как ослиенок сказал по-ослиному матери:

– Мама, я не могу идти дальше, можно я заберусь к тебе на спину?

Мать ответила ему:

– Я везу жену нашего хозяина, и потом не забывай, что мы всего лишь животные, таков наш жребий, так что я ничем не могу помочь тебе, дитя мое.

Тимур тут же велел жене слезть с осла, чтобы животные могли отдохнуть, и они остановились под деревом на привал. Жена его была очень недовольна, тем что они задерживаются, и стала ругать агу, он же только сказал:

– Мне кажется, пришло время для отдыха.

А осел подумал: «Этот человек понимает наш язык. Он, должно быть, слышал мой разговор с волком и поэтому пригрозил отдать его мяснику. Но мне ничего плохого не сделал, и не только не наказал за совет, который я дал волу, но даже сделал мне сейчас доброе дело». Подумав так, осел сказал:

– Спасибо, хозяин.

Тимур его понял и захохотал от удовольствия, а его жена еще больше нахмурилась и заворчала:

– Ты, наверное, знаешь, о чем говорят животные, но скрываешь от меня.

– Да кто же может понять, о чем говорят животные, – ответил Тимур, – в своем ли ты уме?

Когда они возвратились с базара, Тимур вошел в стойло и постелил волю свежего сена, которое привез с базара.

– Твоя жена изводит тебя расспросами, ибо ее мучает любопытство, -обратился к нему вол на своем языке. – Ты можешь не выдержать и раскрыть ей свою тайну, и тогда, понимаешь ли ты, какая опасность тебе грозит, о бедный человек?! Послушайся моего совета, пригрози избить ее палкой толщиной в палец, если она не отстанет. Только так ты сможешь сохранить свою тайну.

– Как странно, – подумал Тимур, – этот вол, которому я угрожал мясником, думает о моем благополучии.

И взяв палку, он направился к жене.

– Видишь эту палку? – сказал он, входя в дом, – так вот, знай, что я избью тебя, если ты и впредь будешь приставать ко мне с расспросами, почему я так много смеюсь.

Женщина была так напугана этой угрозой, ведь ничего подобного он раньше ей не говорил, что навсегда отстала от него. Вот так Тимур-ага избежал ужасной судьбы тех, кто выдает тайны людям, не готовым к восприятию.

Тимур-ага известен из фольклора своей способностью воспринимать важное в вещах, казалось бы, незначительных.

Широкая популярность этой истории на Балканах и Ближнем Востоке объясняется тем, что она, как говорят, несет в себе бараку – благословение – которую получает как рассказчик, так и слушатель. Многие суфийские истории внешне напоминают волшебные сказки.

В первоначальном варианте историю приписывают Абу Исхаку Чишти, руководителю «поющих дервишей», который жил в X веке.

Индийская птичка

У одного купца жила в клетке птичка. Однажды он собрался по своим делам в Индию, на родину этой птички, и спросил ее, что ей оттуда привезти. Птичка попросила отпустить ее на свободу, но купец отказался. Тогда она попросила его, когда он прибудет в Индию, пойти в джунгли и рассказать вольным птицам о ее жизни.

Купец выполнил ее просьбу. Но только он рассказал о своей пленнице какой-то дикой птице, как две капли воды похожей на его птичку, как она замертво упала на землю. Купец решил, что она родственница его любимицы, и весьма огорчился, считая себя виновником ее смерти.

Когда он возвратился домой, его птичка спросила, какие новости он ей привез.

– Боюсь, что мои новости опечалят тебя, – ответил купец. – Случайно я обратился к одной из твоих родственниц, и когда рассказал ей твою историю, ее сердце разорвалось от горя, и она в тот же миг умерла.

Не успел купец произнести это, как его птичка, потеряв дыхание, свалилась на дно клетки и затихла.

«Известие о смерти родственницы убило ее», – подумал купец. Опечаленный он достал птичку из клетки и положил ее на подоконник. Птичка тут же ожила и вылетела в открытое окно.

Она уселась на ветку дерева перед окном и закричала купцу: «Теперь ты понял, что печальные новости, как ты их называл, были для меня доброй вестью. Мне было передано послание – совет, как поступить, чтобы выбраться на волю; это последнее мне было передано через тебя, мой Учитель».

И птичка улетела, наконец-то свободная.

Эта притча, приводимая Руми, подобно многим другим притчам, подчеркивает для суфийского искателя огромную важность косвенного обучения в суфизме.

Имитаторы и системы, носящие названия, соответствующие традиционному мышлению, как на Востоке, так и на Западе, предпочитают обычно придавать особое значение «системе» и «программе» скорее, чем всему опыту суфийской школы в целом.

Когда смерть пришла в Багдад

Ученик одного багдадского суфия, находясь в караван-сараяе, случайно услышал беседу двух незнакомцев, из которой понял, что один из них – Ангел Смерти.

– В течение следующих трех недель я собираюсь посетить трех людей в этом городе, – сказал Ангел своему собеседнику.

Ученик был так напуган, что, стараясь оставаться неза-меченным, даже затаил дыхание и просидел в своем углу не шелохнувшись, пока Ангел и его спутник не ушли. Затем он стал размышлять, как избежать возможной встречи со смертью, и пришел, наконец, к выводу, что если он покинет Багдад, Ангел не сможет его забрать. Ни секунды не медля, ученик одолжил самого быстрого коня, которого только мог найти, и вихрем помчался по направлению к Самарканду, не останавливаясь ни днем, ни ночью.

Между тем, Ангел Смерти встретился с суфийским учителем, и они разговорились.

– А где ваш ученик такой-то?

– Он должен быть где-то рядом, возможно, в караван-сараяе, проводит время в созерцании, – ответил суфий.

– Странно, весьма странно, – сказал Ангел, – потому что он тоже в моем списке. И здесь написано, что я смогу его взять в течение четырех недель в Самарканде и нигде больше.

Рассказ о смерти в этой обработке взят из «Хикайат-и-Накшия» («Сказания, единые по смыслу»).

Это сказание вошло в фольклор Среднего Востока и поныне пользуется всеобщей любовью. Его автор – великий суфий Фудайл ибн Айат, который первую половину своей жизни был разбойником.

Согласно суфийскому преданию, подтвержденному историческими материалами, Гарун аль-Рашид, халиф Багдада, пытался собрать «все знание» при своем дворе. Различные суфии жили под его покровительством, но ни одного из них всемогущий монарх не мог заставить служить себе. Суфийские историки повествуют, как Гарун и его визирь посетили Мекку специально для того, чтобы увидеть Фудайла, который сказал при встрече:

– Повелитель правоверных! Я боюсь, что твое миловидное лицо может оказаться в аду.

Гарун спросил мудреца:

– Знаешь ли ты человека, достигшего большего отречения, чем ты?

Фудайл ответил:

– Твое отречение больше моего. Я могу отречься от обычного мира, а ты отрекаешься от чего-то более великого – от вечных ценностей.

Фудайл объяснил халифу, что власть над самим собой лучше тысячелетней власти над другими.

Филолог и дервиш

Как-то темной ночью один дервиш, идя по дороге, услышал крик о помощи, доносившийся со дна заброшенного сухого колодца.

– Эй, что случилось? – закричал дервиш в колодец.

– Видите ли, я филолог, – ответил голос, – не найдя в темноте дороги, я к несчастью провалился в эту глубокую яму и теперь никак не могу отсюда выбраться.

– Держись, друг, дай мне только раздобыть лестницу и веревку, – ответил дервиш.

– Подождите минутку, – закричал филолог, – вы неграмотно выражаетесь, к тому же ваше произношение никуда не годится. Очень прошу вас исправить его.

– Ну что ж, если для вас слова важнее их смысла, вам будет лучше побыть там, где вы сейчас находитесь, пока я не выучусь правильно говорить, – ответил дервиш и пошел своей дорогой.

Эту историю рассказал Джалалуддин Руми, и она записана в книге Афлаки «Деяния адептов». Эта книга, опубликованная в Англии в 1965 году под названием «Легенды суфиев», сообщает о дервишах ордена Мевлевийа и их предполагаемых учениках. Она записана в XIV столетии.

Некоторые истории из сборника Афлаки представляют собой просто волшебные сказки, другие описывают действительные события, но там же есть и весьма необычные истории, известные суфиям как «иллюстративные истории» – в них описываются серии эпизодов, значение которых связано с психологическими процессами.

Такие истории получили название «творчество дервишских ученых».

Дервиш и принцесса

Королевская дочь красотой своей была подобна луне и очаровывала всех, кто достаивался хоть раз взглянуть на нее.

Однажды какой-то дервиш, собираясь подкрепиться, поднес было ко рту кусок хлеба, как вдруг увидел ее и застыл в изумлении... Пальцы его сами собой разжались, и хлеб упал на землю.

Проходя мимо, принцесса улыбнулась дервишу. Восторг поверг его тело в трепет, хлеб остался лежать в пыли, а сам он едва не лишился чувств. В этом экстатическом состоянии дервиш пробыл семь лет. Домом его стала улица, соседями – бродячие собаки.

Безумный дервиш надоед принцессе, и ее телохранители решили его убить.

Тогда принцесса вызвала дервиша к себе и сказала ему:

– Никакой союз между нами невозможен. Ты должен немедленно уйти из города, потому что мои слуги хотят тебя убить.

Несчастный влюбленный ответил ей так:

– С тех пор, как я увидел тебя, жизнь не имеет для меня никакой цены. Они прольют невинную кровь. Но прежде чем я умру, заклинаю тебя, исполни мое единственное желание, ибо ты причина моей гибели, скажи, почему ты тогда улыбнулась мне?

– Глупец! – сказала принцесса, – когда я увидела, каким посмешищем ты себя выставил, я улыбнулась из жалости к тебе – и только.

И сказав так, принцесса скрылась.

В своем произведении «Парламент птиц» Аттар говорит о неправильном толковании субъективных эмоций, которые питают веру человека в то, что определенный опыт, переживаемый им («улыбка принцессы»), является особым даром («обожание»), с помощью которого он может что-то получить, тогда как на самом деле, он может оказаться чем-то совершенно другим («жалость»).

Так как подобный вид литературы пользуется своими собственными приемами, многие составили себе неверное представление о суфийской классике, полагая, что она не имеет никакого отношения к описанию психологических состояний.

Увеличение необходимости

Самовластный правитель Туркестана однажды вечером, слушая рассказ дервиша, спросил его о Хызре.

– Хызр приходит тогда, – сказал дервиш, – когда в нем нуждаются. Человек, который схватит его за полы халата, когда он появится, станет совершенным мудрецом.

– Это может произойти с каждым? – спросил султан.

– Да, с каждым, кто достоин, – ответил дервиш.

«Кто „достоинее“ меня?!» – подумал султан и тут же велел издать указ: «Того, кто приведет ко мне невидимого Хызра, великого покровителя людей, я озолочу».

Крики глашатаев услышал бедный старик Бахтияр Баба. Он пришел к своей жене и сказал: «У меня есть план. Скоро мы разбогатеем, но потом мне придется умереть. Я этого не боюсь, зато ты проживешь до конца своих дней в достатке».

И вот Бахтияр Баба предстал перед султаном и заявил, что в течение сорока дней он сможет найти Хызра, если султан выдаст ему тысячу золотых.

– Если ты в самом деле приведешь Хызра, – сказал султан, – получишь еще десять тысяч. Но если не приведешь, умрешь позорной смертью в назидание тем, кто полагает, что можно шутить с султанами.

Бахтияр остался доволен этим условием и ушел, получив тысячу золотых. Вернувшись домой, он отдал деньги жене, чтобы она могла безбедно прожить остаток своих дней.

Все сорок дней он провел в размышлениях, готовясь к переходу в другой мир.

На сороковой день он снова пришел к султану.

– Мой повелитель, – сказал он, – по своей жадности ты решил, что с помощью денег сможешь вызвать Хызра. Но Хызр, как известно, не появлялся в ответ на призыв, обусловленный жадностью.

От этих слов монарх пришел в бешенство.

– Негодяй, – взревел он, – ты заплатишься жизнью за свою дерзость. Кто ты такой, чтобы смеяться над желаниями султана?!

Бахтияр как ни в чем не бывало продолжал:

– В легенде говорится, что любой человек может встретиться с Хызром, но то, какую пользу он извлечет из этой встречи, зависит от того, насколько чисты его намерения. Хызр, говорят, может посетить человека, если он достоин его посещения, и будет присутствовать столько времени, сколько достоин его присутствия человек. Таковы условия и не в нашей власти что-либо изменить.

– Довольно разглагольствовать, – закричал султан. – Этим ты не спасешь свою жизнь. Осталось только, чтобы мои министры выбрали тебе казнь.

С этими словами правитель повернулся к своим министрам и спросил:

– Какую смерть заслуживает этот человек?

Первый министр ответил:

– Его надо сжечь живьем в назидание другим.

Второй министр, получив слово, сказал:

– Лучше всего разрубить его на части.

Третий министр высказался так:

– Я думаю, его нужно отпустить и обеспечить всем необходимым для жизни, потому что только нужда, которую испытывала его семья, толкнула его на преступление.

Только министр окончил свою речь, в тронный зал вошел древний старик и прямо с порога

заговорил:

– Каждый из этих людей высказался так, как ему подсказывало скрытое пространство.

– Что это значит? – спросил удивленный султан.

– Это значит, что первый министр в прошлом был пекарем. Поэтому он предложил зажарить Бахтияра. Второй министр был когда-то неплохим мясником и вот почему посоветовал четвертовать Бахтияра. Третий министр, изучая искусство управления государством, сумел разобраться в причинах этого происшествия.

– Теперь примите к сведению следующее: во-первых, Хызр появляется и помогает тому, кто способен извлечь пользу из его посещения. Во-вторых, этот человек по имени Бахтияр, которого я называю Баба (Здесь: человек, достигший определенного уровня сознания своей жертвой, – просветленный) в знак его жертвы, вынужден был поступить так, потому что находился в отчаянии. Он увеличил свою необходимость во мне, и я к нему пришел. – Сказав так, древний старец исчез на глазах изумленных присутствующих.

Стремясь выполнить указания Хызра, султан назначил Бахтияру постоянную пенсию. Первого и второго министров изгнали из дворца, и тысяча золотых была возвращена в казну благодарным Бахтияром и его женой.

А султан стал достоин снова повстречаться с Хызром, но о том, что произошло при этой встрече, рассказывается в другой притче – «О невидимом мире».

Бахтияр Баба, как сообщают, был суфийским мудрецом, который жил в Хорасане скромной и ничем не примечательной жизнью, пока с ним не произошли вышеописанные события.

Эта история, которая входит также в жития многих других шейхов, иллюстрирует концепцию того, как человеческое стремление переплетается с высшими уровнями бытия. Хызр представляет собой звено, связующее эти две сферы.

Заглавие рассказа выбрано по ассоциации со строкой из знаменитой поэмы Джалалуддина Руми:

"Новые органы восприятия пробуждаются тогда, когда в них есть необходимость.

Поэтому, о человек, увеличь свою необходимость, чтобы увеличилась твоя восприимчивость".

В приведенном здесь варианте история была рассказана дервишским мастером из Афганистана.

Человек, который видел только очевидное

Один искатель истины после многих испытаний повстречал, нако-нец, просветленного человека, наделенного способностью видеть тайное значение вещей.

– Позволь мне последовать за тобой, – обратился к нему ищущий. Может быть, наблюдая за твоими действиями, я перейму твое знание.

Мудрец ответил:

– Это слишком тяжело для тебя: у тебя не хватит терпения сохранять непрерывную связь с планом событий. Вместо того, чтобы учиться, ты как обычно будешь воспринимать лишь самое очевидное.

Но ищущий стоял на своем. Он обещал, что постарается развить в себе терпение и, отбросив свои предвзятые мнения, будет учиться у событий.

– В таком случае у меня есть одно условие, – сказал мудрец, – ты не должен меня спрашивать ни об одном из моих действий, пока я сам не объясню тебе их смысл.

Ищущий с радостью принял это условие, и они отправились в путь. Подойдя к широкой реке, путники наняли лодку для переправы. Когда они почти достигли другого берега, ищущий заметил, как мудрец незаметно продырявил лодку, и вода стала потихоньку наполнять ее. Таким коварством, казалось, оплатил он перевозчику за услугу. Не удержавшись, юноша воскликнул:

– Но ведь лодка потонет и вместе с ней люди. Разве такие поступки достойны доброго человека?!

– Я предупредил тебя, что ты не сможешь удержаться от скороспелых выводов, не так ли? – тихо сказал мудрый человек.

– Простите, я забыл о нашем условии, – ответил ищущий и пообещал ни о чем больше не спрашивать, хотя в душе он был глубоко смущен.

Продолжая путешествие, они вошли в столицу какого-то государства. Им оказали радушный прием и проводили к султану, который тут же пригласил их с собой на охоту.

И вот охотничий поезд тронулся в путь. Маленький сын султана скакал на своем коне впереди мудреца.

Как только султан и его свита устремились в погоню за зверем, мудрец, обернувшись к ищущему, крикнул ему: «Скачи за мной во весь опор!» С этими словами он сбросил принца с коня, вывихнув ему ногу, и оттащил его в чащу, затем снова вскочил в седло и помчался прочь из государства.

Эта сцена повергла ищущего в крайнее изумление, особенно его мучило то, что он стал невольным соучастником ужасного злодеяния. В отчаянии заламывая руки, он воскликнул:

– Король встретил нас как друзей, доверил нам своего сына и наследника, а мы поступили так бесчеловечно. Как назвать такой поступок? Его не совершил бы даже самый низкий из людей.

Мудрец обернулся к ищущему и сказал:

– Друг, я поступил так, как должен был поступить. Ты наблюдатель. Очень немногие достигают привилегии наблюдать. Но ты, несмотря на то, что достиг этого, не извлечешь, как мне кажется, никакой пользы из своих наблюдений потому, что судишь о событиях в соответствии со своими устоявшимися взглядами. Я снова напоминаю тебе о твоём обещании.

– Я понимаю, что не был бы здесь, если бы не мое обещание, – ответил ищущий. – И я так же понимаю, что связан этим обещанием. Поэтому прошу вас, дайте мне еще одну возможность. Я буду учиться и работать, твердо придерживаясь своего обязательства избавиться от привычных действий. Прогоните меня, если я спрошу вас о чем-нибудь еще.

И вот мудрец и ищущий снова в пути. Вскоре они прибыли в большой, процветающий город. Испытывая сильный голод, они стали просить у жителей хлеба и воды, но никто не давал им даже кусочка хлеба. Милосердие и священное гостеприимство были незнакомы обитателям этого города, они даже натравили на мудреца и ищущего злых собак, от которых пришлось спасаться бегством.

Когда бедные путники, обессиленные от голода и жажды, выбрались наконец на окраину, мудрец сказал своему спутнику:

– Остановимся здесь ненадолго, мы должны починить эту разрушенную стену.

Они усердно трудились несколько часов подряд, изготавливая из глины, соломы и воды кирпичи и восстанавливая стену.

К концу работы ищущий был так измучен, что потеряв над собой контроль, выпалил:

– Нам никто не заплатит за это. Два раза мы воздавали злом за добро, а теперь добром отплатили за зло. Я устал и не могу идти дальше.

– Успокойся, – сказал мудрый человек, – и вспомни наш последний уговор – если ты меня еще о чем-нибудь спросишь, мы тут же расстанемся. Здесь наши пути расходятся, у меня впереди еще много дел.

Но прежде я объясню тебе смысл моих поступков, чтобы когда-нибудь ты снова мог предпринять подобное путешествие.

Лодку я повредил для того, чтобы ее не отобрал у владельца тиран, который как раз в это время захватывал лодки для войны. Мальчик, которому я вывихнул ногу, когда вырастет, не сможет ни захватить власть в государстве, ни унаследовать ее, ибо по закону этой страны только физически здоровый человек может управлять народом. Теперь что касается негостеприимного города, то в нем живут два мальчика-сироты. К тому времени, когда они вырастут, стена будет вновь разрушена и под ней мальчики найдут клад, оставленный им в наследство. Они будут достаточно сильны, чтобы завладеть сокровищами и улучшить характер людей их города, – это их предназначение.

А теперь иди с миром, ты свободен.

Это сказание рассказывается и пересказывается монахами на Среднем Востоке как христианская история и служит для них источником вдохновения, как писал Джеста Романорум.

Говорят, что рассказ впервые появился в «Пустыннике» Париелла. Католические священники уверяли в его испанском происхождении. Так как никто не предполагал, что этот рассказ пришел с Востока, в течение долгого времени на Западе, по-видимому, не связывали его с суфиями, даже не замечали, что он есть в Коране, глава 18, «Пещера».

В настоящем варианте он был рассказан Джан-Фишан-Ханом.

Как было заработано знание

Давным-давно жил человек, решивший однажды, что он нуждается в знании. Он оставил свою родину и отправился к дому одного ученого человека.

Войдя к мудрецу, ищущий сказал:

– Суфий, ты мудрый человек. Надели меня частью знания, чтобы я мог увеличить его и стать достойным его, ибо сейчас я чувствую себя ничтожеством.

Суфий ответил:

– Я могу дать тебе знание, но только в обмен на то, в чем я сам нуждаюсь. Принеси мне небольшой коврик. Я должен отдать его человеку, который в дальнейшем будет способен продолжать нашу святую работу.

Человек отправился в ковровую лавку.

– Дай мне ковер, но только маленький, – сказал он ковроделу. – Я отнесу его суфию, который даст мне за это знание. Ему нужен ковер, чтобы отдать человеку, который будет продолжать нашу святую работу.

Ковродел ответил:

– Что ты мне рассказываешь о каком-то знании, суфии и человеке, который будет пользоваться ковром. Какое мне дело до этого? Чтобы соткать ковер, мне нужны нитки. Принеси мне немного ниток, и я помогу тебе.

Человек снова отправился в путь на поиски того, кто дал бы ему ниток. Разыскав прядильщицу, он обратился к ней:

– Прядильщица, дай мне ниток. Я отнесу их ковроделу, он даст мне ковер, этот ковер я отнесу суфию, который отдаст его тому, кто должен продолжать нашу святую работу, а за это я получу от суфия знание.

Женщина ответила:

– Какая мне польза от того, что тебе нужны нитки? Ступай прочь со своими рассказами о себе, о суфии, о ковроделе и человеке, которому нужен ковер. Меня это нисколько не интересует. Разве ты не знаешь, что нитки делаются из шерсти?! Принесешь мне шерсть, получишь свои нитки.

Итак, человек разыскал пастуха, пасущего коз и рассказал ему свою историю.

– Меня все это не касается, – сказал пастух. – Тебе нужна шерсть, чтобы получить знание, а мне нужны козы, чтобы настричь шерсти. Приведи мне козу, и ты получишь то, что желаешь.

Теперь ищущий направился на поиски продавца коз. Вскоре он нашел его и поведал ему о своих трудностях, на что тот ответил:

– Что я знаю о знании, нитках или коврах? Все, что я знаю, – это то, что у каждого свои нужды. Поговорим лучше о том, что нужно мне, и если ты мне в этом поможешь, я помогу тебе. Вот тогда думай о своем знании, сколько твоей душе угодно.

– Что же тебе нужно? – спросил ищущий.

– Мне нужен небольшой загон для коз, – сказал торговец, – потому что по ночам они разбредаются в разные стороны и доставляют мне немало хлопот. Сделай мне такой загон, и я дам тебе козу или даже две.

И вот ищущий снова в пути. Расспросы привели его в мастерскую плотника, который, услышав его историю, сказал:

– Да, я могу сделать загон, а что касается остального, то можешь не посвящать меня во все подробности твоего дела, потому что я нисколько не интересуюсь коврами, знанием и тому подобным. Но у меня есть одно заветное желание, и в твоих интересах помочь мне его

осуществить.

– Какое же это желание?

– Я хочу жениться, но, кажется, ни одна женщина не согласится стать моей женой. Найди мне жену, и мы продолжим наш разговор.

Выйдя из дома плотника, ищущий тут же стал всех расспрашивать, где можно найти сваху. Когда он нашел ее и все рассказал, она ответила:

– Я знаю молодую женщину, которая мечтает выйти замуж как раз за такого плотника, которого ты описываешь. Она все время думает о нем и не находит себе покоя. Это просто чудо, что такой человек в самом деле существует. Какое счастье, что она услышит о нем от тебя и меня! Но какая мне от этого польза? Каждый человек желает то, что он желает; людям кажется, что они в чем-то нуждаются или чего-то хотят; они или воображают, что им нужна помощь, или иногда им в самом деле нужна помощь... Но никто еще не заговорил о том, что нужно мне".

– А что нужно тебе? – спросил ищущий.

– Я хочу одного, – сказала женщина, – и это мечта всей моей жизни. Помоги мне достичь желаемого, и я сделаю для тебя все, что ты просишь. Единственное, чего я желаю, ибо все остальное я уже испытала, – это знание.

– Но без ковра мы не сможем добыть знание!

– Я не знаю, что такое знание, но уверена, что это не ковер.

– Конечно, знание не ковер, – сказал ищущий, стараясь сохранить терпение, – но если мы найдем женщину для плотника, он сделает нам загон для коз. Торговец даст нам козу, и мы получим от пастуха шерсть. Мы отвезем ее к прядильнице и получим от нее нитки, которые обменяем у ковродела на ковер. Этот ковер мы отдадим суфию и получим от него знание.

– Вся твоя затея представляется мне какой-то чепухой, – возразила женщина, – и не надо меня убеждать, я ни за что не поверю тебе.

И не обращая больше внимания на его просьбы и доводы, сваха прогнала его.

Все эти мытарства заставили его первый раз в жизни испытать отчаяние, так что он потерял почти всякую веру в людей. Он даже усомнился, сможет ли использовать знание, если его получит, и недоумевал, почему все люди заботятся только о себе. Но постепенно он снова возвратился к мыслям о ковре и ни о чем другом больше не думал.

Однажды ищущий проходил по улицам одного торгового города, бормоча что-то себе под нос.

Какой-то купец обратил на него внимание и пошел за ним, чтобы услышать, о чем он бубнит. Ищущий же повторял сам себе: «Ковер нужно отдать человеку, чтобы он мог продолжать нашу святую работу».

Услышав эти слова, купец понял, что странник не из обычных людей, и обратился к нему: «О странствующий дервиш, я не понимаю твоей молитвы, но глубоко почитаю таких, как ты, стоящих на пути истины. Я хочу попросить тебя о помощи, ибо знаю что люди суфийского пути выполняют в обществе особую миссию. Прояви ко мне сострадание».

Странник поднял глаза и, взглянув на купца, увидел на его лице глубокую печаль.

– Я страдающий и само страдание, – произнес он.

– Тебя, несомненно, постигло какое-то горе, но у меня ничего нет. Я не могу добыть для себя даже немного ниток, в которых нуждаюсь, но ладно, расскажи мне о своем горе, и я постараюсь тебе помочь.

– Знай, о счастливый человек, – начал купец, – у меня есть единственная дочь, которая прекрасна собой, и я люблю ее больше жизни. Она одержима каким-то недугом, от которого день ото дня чахнет. Осмотри ее, прошу тебя, может быть, ты сможешь ее исцелить.

В словах купца было столько страдания и вместе с тем столько надежды, что ищущий не

мог ему отказать и пошел с ним к его дочери.

Как только девушка увидела странника, она сказала: «Я не знаю, кто ты такой, но чувствую, что только ты сумеешь мне помочь, и никто больше. Я влюблена в одного плотника и страдаю от разлуки с ним».

И она назвала имя того человека, которого ищущий просил сделать загон для коз.

Ищущий вышел к купцу и сказал:

– Твоя дочь желает выйти замуж за одного уважаемого плотника, которого я знаю.

Это известие весьма обрадовало купца, дочь все время говорила о каком-то плотнике, но он считал эти разговоры плодом ее больного рассудка и никак не предполагал, что болезнь девушки от сильной любви. Он в самом деле думал, что она не в своем уме.

Итак, ищущий снова отправился к плотнику и рассказал ему о девушке. Плотник построил загон, за что продавец скота подарил ищущему нескольких породистых коз. Этим коз ищущий отвел к пастуху и получил от него шерсть, которую обменял у прядильщицы на нитки, и, отдав их ковроделу, взял у него небольшой коврик.

Добыв, наконец, коврик, ищущий отправился опять к дому суфия.

– Теперь я могу дать тебе знание, – сказал мудрец, – ибо ты не смог бы принести этот коврик, если бы не потрудился ради него, а не только ради себя.

Это сказание красноречиво изображает тот факт, что суфийский мастер, зная «скрытое измерение» жизни, заставляет своего ученика (иногда используя его для своих целей) подвергаться развитию, даже вопреки желанию ученика.

Сказание взято из устных преданий бадакшенских дервишей. Здесь оно представлено в виде сказки, и в этом варианте принадлежит Квададде Мухаммаду Баба Самаси. Он был великим мастером ордена Хаджиганийа, третьим в истории школы от Бахааддина.

Лавка светильников

Как-то темной ночью на пустынной дороге встретились два человека.

– Я ищу лавку, которая называется «Лавка светильников», она должна быть где-то поблизости, – сказал первый человек.

– Я как раз живу в этих местах и могу показать тебе дорогу, – сказал второй.

– Я мог бы найти ее и сам; мне были даны указания.

– Зачем же ты спрашиваешь меня?

– Просто спрашиваю.

– Ты, видно, ищешь собеседника, а не помощи.

– Да, наверное, так и есть.

– Но ведь тебе лучше было бы получить дальнейшие указания от местного жителя, раз уж ты так далеко зашел, особен-но потому, что далее начинается очень трудный путь.

– Я полностью полагаюсь на первоначальные инструкции, которые помогли мне добраться сюда. Я не уверен, что могу доверять кому-то еще.

– Итак, ты был способен поверить первоначальной информации, но тебя не научили, как узнать того, кому следует доверять в дальнейшем?

– Да, это так.

– Есть ли у тебя еще какая-либо цель?

– Нет, только найти «Лавку светильников».

– Не мог бы ты ответить на такой вопрос: почему ты ее ищешь?

– Потому, что мне было совершенно авторитетно сказано, что там, где имеются светильники, есть также и средства, помогающие человеку читать в темноте.

– Ты прав. Но это предположение, а также обрывок информации. Есть еще предварительные требования. Знаешь ли ты об этом?

– Не понимаю, о чем ты?

– Предварительное требование к чтению с помощью светильников состоит в том, что ты уже должен уметь читать.

– Ты не сможешь этого доказать.

– Конечно, не в такую темную ночь.

– А что такое «обрывок информации»?

– Обрывок информации в данном случае состоит в том, что лавка светильников находится по-прежнему там, где находилась всегда, но сами светильники унесены в другое место.

– Я не знаю, что такое «светильники», но мне кажется очевидным, что «Лавка светильников» – это место, где их можно приобрести, поэтому ее и называют, «Лавкой светильников».

– Ты прав, но дело в том, что «Лавка светильников» может иметь два различных значения: во-первых, это может означать «место, где можно приобрести светильники», а во-вторых, «место, где когда-то их можно было достать, но где их уже нет».

– Ты не можешь это доказать.

– Знаешь, ты можешь показаться многим людям круглым идиотом.

– Тебя тоже многие люди могли бы назвать идиотом. Ты, вероятно, преследуешь скрытую цель посылать покупателей туда, где светильники продают твои товарищи, или возможно, что ты вовсе не желаешь, чтобы я приобрел светильник.

– Я хуже, чем ты думаешь. Вместо того, чтобы обещать тебе «Лавку светильников» и поощрять твое предположение, что там ты найдешь решение своих проблем, я прежде всего

проверяю, умеешь ли ты читать. Я узнаю, приходилось ли тебе уже бывать поблизости от такой лавки или светильник можно приобрести для тебя каким-либо иным путем.

Двое печально посмотрели друг на друга и разошлись.

Автор этой истории – Шейх Пир Шатари.

Он, как считается, находился в телепатическом контакте с «учителями прошлого, настоящего и будущего», и они передавали свои учения через его особые истории, описывающие эпизоды из повседневной жизни общества.

Изучение человека включает в себя три науки. Первая – это наука обычного знания; вторая – наука необычных духовных состояний, часто называемых экстазом, и наконец, третья и наиболее важная наука – наука истинной реальности: наука, занимающаяся изучением того, что неизмеримо выше предметов изучения первых двух наук.

Только реальное внутреннее знание приносит знание науки истинной реальности. Первые две науки только отражают, каждая по-своему, третью науку. Они почти бесполезны без нее.

Представим себе кучера. Он сидит на козлах экипажа и управляет лошадью, которая тянет за собой экипаж. Экипаж – это интеллект, высшая форма, в пределах которой мы находимся, когда осознаем свое существование и решаем, что нам делать. Экипаж дает возможность лошади и ездоку действовать. Это то, что мы называем «ташкил», внешняя оболочка или формулировка. Лошадь, являющаяся движущей силой, символизирует энергию, называемую иногда «эмоциональным состоянием», а иногда как-нибудь иначе. Она необходима, чтобы привести в движение экипаж. Человек, в нашей схеме, есть тот, кто воспринимает наилучшим образом цель и возможности ситуации и направляет экипаж в заданном направлении.

Каждый из этих трех элементов, взятый в отдельности, способен выполнять свои функции, причем достаточно правильно. Но общая функция, которую мы называем движением экипажа (к цели), не может осуществляться до тех пор, пока действия трех элементов не будут согласованы правильным образом.

Только «человек» – реальное "я" – знает необходимость «экипажа», «лошади» и «кучера» друг в друге, а также знает, как связать их действия.

Великая работа, в понимании суфиев, есть знание того, как привести в гармонию функции описанных трех элементов. Слишком много седоков, неподходящая лошадь, чересчур легкий или тяжелый экипаж – и результат не будет достигнут.

Этот отрывок записан в дервишском манускрипте на персидском языке. Различные варианты его найдены в таких географически удаленных друг от друга школах, как дамасская и делийская.

Хромой и слепой

Хромой человек однажды вошел в сераль (постоялый двор) и устроился там среди других посетителей.

«Из-за моей хромоты я лишен возможности быстро передвигаться и не успею на султанский пир», – сказал он своему соседу.

Человек, к которому он обратился, поднял голову и сказал:

– Я тоже приглашен на пир, но мне еще труднее попасть туда, чем тебе, потому что я слеп и не вижу дороги.

Тут в их разговор вмешался третий посетитель.

Он сказал:

– Вдвоем вы располагаете средством достичь вашей цели, если только согласитесь воспользоваться этим средством. Слепой может отправиться в путь, неся на спине хромого. Вы должны использовать ноги слепого, чтобы идти, и зрение хромого, чтобы его направлять.

Вот так эти двое достигли цели, где их ожидал невиданный доселе пир.

По дороге они остановились на отдых в другом серале. Здесь они повстречали еще двух несчастных, которые также хотели попасть на пир и не могли. Слепой и хромой стали им объяснять свой метод, но один из этих людей был глухим, а другой немой. Немой слышал их объяснения, но не мог передать их своему приятелю. Глухой мог говорить, но ему нечего было сказать.

Эти двое не попали на пир потому, что в это время поблизости не оказалось того третьего человека, который прежде всего объяснил бы им особенность их трудности, а уж потом подсказал бы, как эту трудность преодолеть.

Рассказывают, что великий Абдул Кадир завещал свой златанный суфийский халат наследнику мантии, который должен был родиться почти через шестьсот лет после его смерти.

В 1563 году сейид Сикандар Шах из ордена Кадирийа, унаследовавший право передачи мантии, определил местонахождение предсказанного наследника - шейха Ахмеда Фарики из Сиркхинда – и передал ему полномочия главы ордена.

Этот накшбандийский учитель был к тому времени посвящен в шестнадцать дервишских орденов своим отцом, который в долгих и опасных странствиях искал и собирал по крупицам разрозненное суфийское знание.

Считается, что именно в Сиркхинде предсказано появиться великому Учителю, и преемник святых ждал своего воплощения в течение нескольких поколений.

Следствием появления Фарики и признания его руководителями всех орденов того времени является то, что сейчас накшбандийцы посвящают своих учеников во все четыре основных течения суфизма: Чишгийя, Кадирийя, Сухравардийя и Накшбандийя.

Сказание «Хромой и слепой» приписывается шейху Ахмеду Фарики. Предполагается, что оно должно читаться только после того, как ученик получил от своего мастера особые объяснения или после изучения истории Хакима Санаи «Слепые и слон».

Жил некогда один мудрый и добрый человек, который владел большим домом. Он часто отправлялся в продолжительные путешествия и в таких случаях оставлял дом на попечение своих слуг.

Особенностью этих людей была какая-то поразительная забывчивость. Так например, временами они забывали, зачем и почему их оставили в доме, по несколько раз выполняли одно и то же дело или полагали, что должны выполнять свои обязанности не так, как им предписывали правила. Все это происходило потому, что они забывали свои функции или не могли исполнять их как должно.

Однажды, когда хозяин отсутствовал особенно долго, подросло новое поколение слуг, которые возомнили себя законными владельцами дома. Но поскольку они были ограничены своим узким миром, им стало казаться, что с ними происходят какие-то странные вещи. Например, время от времени у них возникало желание продать дом, но они не могли найти на него покупателей, потому что не знали, как взяться за это дело. Когда же приходили люди, интересующиеся покупкой дома, они первым делом просили показать им документ, подтверждающий, что дом – собственность жильцов, но так как слуги ничего не знали о таком документе, они считали таких людей сумасшедшими или ненастоящими покупателями.

Странность их положения заключалась еще и в том, что все необходимое для дома и жильцов появлялось «таинственным образом» и это не позволяло, так называемым, хозяевам почувствовать себя ответственными за весь дом.

Инструкции по уходу за домом, целью которых было напо-минать слугам их обязанности, хранились в кабинете хозяина, но так как второе поколение слуг объявило его священным, никому не разрешалось туда входить, и ореол непроницаемой тайны окружил хозяйские покои.

Некоторые даже отрицали само существование этих покоев, несмотря на то, что могли видеть ведущие туда двери. Скептики объясняли, что двери – это просто настенное украшение.

Таким образом, слуги не могли ни управлять домом, ни возвратиться полностью к своим первоначальным обязанностям.

Предание сообщает, что эту притчу часто использовал суфийский мученик аль-Халадж, который был казнен в 922 году будто бы за то, что заявил: «Я есмь истина».

Халадж оставил потомству замечательное собрание мистических стихов. С большим риском для себя суфии последнего тысячелетия утверждали, что Халадж был великим просветленным.

Щедрый человек

Жил когда-то в Бухаре богатый и щедрый человек. Он достиг весьма высокой ступени в духовной иерархии, и ему был присвоен титул Президент мира. Ежедневно к его дому толпами стекались люди, и он щедро одаривал их золотом. Для каждой категории людей он назначал определенные дни приема, в которые они получали от причитающихся им милости. Но свою щедрость Президент Мира ограничивал одним условием: тот, кто пороизносил в его доме хоть слово, ничего не получал.

Не все люди могли хранить молчание.

Однажды, когда наступила очередь законоведов и они пришли к нему за подарками, один из них, не в силах более сдерживать переполнявшие его чувства, на все лады принялся расхваливать благодетеля.

Президент Мира ничего ему не дал.

Но законовед решил добиться своего. На следующий день за милостью пришли калеки. Притворившись увечным, он явился вместе с ними.

Президент узнал его и опять ничего не дал. Тогда законовед снова изменил свое обличие и пришел уже с другими, прикрывая лицо руками. Но и на этот раз Президент Мира узнал его и прогнал прочь.

Снова и снова законовед предпринимал свои попытки, он даже переодевался женщиной, но щедрый человек неизменно узнавал его и отсылал с пустыми руками.

В конце концов этот человек пошел к владельцу похоронного бюро и попросил завернуть себя в саван и положить в гроб, как мертвеца. «Когда Президент Мира будет проходить мимо, – сказал законовед, – он, вероятно, подумает, что перед ним труп, и пожерствует на похороны. Деньги мы разделим с тобой поровну».

Владелец бюро сделал все, как он просил, и Президент Мира собственной рукой опустил на саван золотую монету. Законовед тут же схватил ее, опасаясь, что она может достаться предпринимателю, и воскликнул, обращаясь к Президенту: «Ты отказывал мне в своей щедрости, видишь, как я добыл ее».

Щедрый человек ответил ему так: «Ты ничего не сможешь получить от меня, пока не умрешь».

В этом и кроется смысл загадочного изречения «умри до своей смерти». Дары приходят к человеку только после «смерти» и не раньше. Но даже сама эта «смерть» не может придти без посторонней помощи.

Это сказание из четвертой книги «Месневи» Руми говорит само за себя.

Дервиши с его помощью подчеркивают тот факт, что хотя определенные дары могут быть «схвачены» хитрецами, все же ценности, которыми наделяет Учитель, подобный Щедрому Человеку из Бухары, обладают более высоким значением, чем кажется на первый взгляд.

Это есть неуловимая сила бараки.

Учитель подобен хозяину дома. Его гости – те, кто пытается изучать Путь. Эти люди никогда прежде не бывали в домах и плохо представляют себе, что это такое. Но как бы то ни было – дом есть дом.

Когда гости входят в дом и видят место, предназначенное для сидения, они спрашивают, что это такое. Им отвечают: «Это место, где мы сидим». Гости усаживаются на стулья, не вполне понимая назначение стульев.

Хозяин развлекает гостей, но они продолжают задавать вопросы, подчас неуместные. Но хозяин, как гостеприимный человек, не ставит им это в упрек. Гости хотят знать, например, где и когда они будут есть. Они никак не могут понять того, что никто из них не будет обделен вниманием, что кроме хозяина в доме есть и другие люди, которые в этот момент готовят им пищу, и есть другая комната, где их рассадят и подадут угощение.

Так как гости не видят ни еды, ни того, как ее готовят, они смущаются, возможно, даже испытывают сомнения и вообще чувствуют себя неловко.

Добрый хозяин, понимающий состояние своих гостей, должен успокоить их, чтобы ничто не помешало им в назначенный час насладиться трапезой.

Среди гостей есть люди более сообразительные, которые быстрее своих товарищей смогут уловить связь вещей в доме. Они смогут дать этим последним надлежащие объяснения. Между тем хозяин отвечает на вопросы гостей в соответствии со способностями каждого из них воспринимать единство и функции дома.

Одного существования дома недостаточно. Дом должен подготавливаться к приему гостей, и присутствие хозяина в нем необходимо. Кто-то должен добросовестно выполнять роль хозяина, чтобы гостящие в доме чувствовали себя непринужденно, ведь хозяин несет за них ответственность. Вначале многие из них не понимают, что они – гости или, скорее, им неизвестно само понятие «гость», то есть, что от них в этой роли требуется и что это может им дать.

Опытный гость, который уже знает о домах и гостеприимстве, в конце концов раскрепощается и, таким образом, начинает лучше понимать, что такое дом и каковы многие стороны жизни в нем. Пока гость только пытается постичь сущность дома припомнить правила этикета, его внимание поглощено слишком многими факторами, чтобы он мог заметить, скажем, красоту, цену или назначение мебели.

Эта притча, взятая из «Поучений» жившего в XV столетии Низами ад-дина Авлии, как предполагается, приносит пользу на различных уровнях. Притча говорит о том, что человеку необходимо упорядочить различные функции ума для того, чтобы развить в себе особое, высшее восприятие.

Она к тому же имеет целью указать в форме, легко доступной уму, на необходимость суфийской группы и взаимосвязь между ее членами, а также показать, как каждый член группы может дополнить другого.

Большое внимание дервиши уделяют тому факту, что для индивидуума важно вначале урегулировать некоторые проблемы, прежде чем он сможет извлечь пользу из усилий группы.

Притча относится к суфийским произведениям, на которые наложен определенный запрет. Ее нельзя изучить самостоятельно, и где бы она ни была записана, ученик, прочитав ее, должен сразу же читать следующий за ней рассказ.

Притча не появляется ни в одном из классических произведений, но ее можно обнаружить в

рукописных сборниках, которые дервиши носят с собой. Время от времени она входит как составной элемент в планомерный курс обучения (орден Сухравардийа).

Настоящий вариант взят из манускрипта, в котором утверждается, что притча принадлежит мастеру Амио-сейиду Кулал Сокхари.

Королевский сын

В некоей стране, где все жили, как короли, была одна семья. Безгранично счастливое существование этих людей протекало в столь совершенном окружении, что его невозможно описать словами.

Жизнь в этой стране под названием Шерк, по-видимому, вполне удовлетворяла юного принца Дхата. Но однажды его родители сказали ему: «Любимейшее дитя, по обычаю нашей страны каждый королевский сын, достигнув определенного возраста, должен пройти через испытания далеких страстей. Это необходимо для того, чтобы подготовиться к царствованию, заслужить уважение и с помощью внимательности и усилий развить духовную стойкость, которая не может быть развита в человеке никакими другими путями. Так было от начала дней и так будет всегда».

И вот принц Дхат стал готовиться к путешествию. Родственники, снаряжая его в дорогу, снабдили особой пищей, которая поддерживала бы юношу на чужбине. Эти припасы обладали чудесным свойством – хотя они были даны ему в неограниченном количестве, занимали очень мало места.

Кроме того, ему дали и нечто другое, о чем даже нельзя упомянуть, и эта вещь, будучи правильно используется, ограждала ее владельца от опасностей пути.

Дхат должен был направиться в страну Миср, но прибыть туда должен был тайно, ничем не выдавая своего истинного происхождения. Родители дали ему в дорогу проводников, которые должны были указывать путь, и нарядили принца в одежды, соответствующие его новому положению, – этот наряд прекрасно скрывал высокий королевский сан юноши.

Цель путешествия состояла в том, чтобы принести из Мисра драгоценный камень, охраняемый ужасным чудовищем.

Итак, Дхат отправился в дорогу. Подойдя к границе Мисра, проводники повернули назад, и дальше принц должен был идти один, но еще раньше, в пути, он встретился с одним своим соотечественником. Этот человек тоже направлялся в Миср с миссией, подобной миссии Дхата, и молодые люди продолжали путешествие вдвоем. То, что они были вместе, некоторое время помогало им помнить о своем высоком происхождении, однако вскоре климат и пища в новой стране погрузили их в какой-то сон, и Дхат забыл о своем задании.

Шли годы. Принц вполне освоился в Мисре, скромным ремеслом зарабатывал себе на жизнь и даже не вспоминал о том, кто он и почему здесь оказался.

Между тем жители Шерка, воспользовавшись известными только им одним методами, узнали, в каком страшном положении находится Дхат, и решили общими усилиями помочь ему проснуться и осуществить миссию, ради которой он был послан в Миср.

Каким-то чудесным образом спящему принцу было отправлено такое послание: «Пробудись! Ведь ты королевский сын. У тебя есть особое задание в этой стране, и когда ты его выполнишь, ты должен снова возвратиться к нам».

Это послание пробудило Дхата, и он тут же все вспомнил. Он разыскал чудовище, усыпил его с помощью волшебных звуков и завладел бесценным сокровищем.

Затем, повинувшись звукам послания, пробудившего его, принц снова оделся в свои прежние одежды и, следуя за звуком, направился в страну Шерк.

В удивительно короткое время Дхат снова обрел свое прежнее обличие, страну предков и родной дом. Но сейчас благодаря опыту он увидел во всем этом нечто большее, чем мог видеть раньше: он обрел безопасность. И он осознал, что его родина – это то самое место, о котором у жителей Мисра сохранились смутные воспоминания, выражаемые ими в слове «саламат» – этим

словом они обозначали смирение, но на самом деле, как он теперь понял, оно имеет другой смысл – покой.

Очень похожую тему можно найти в «Гимне души» из новозаветного апокрифа. Философ Ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, использовал подобный материал в своей аллегории «Изгнание души», или «Поэма о душе».

Приводимый вариант этого сказания встречается в тетради странствующего дервиша, который, как предполагается, записал его со слов Амир Султана, шейха из Бухары, обучавшего в Стамбуле.